

АНДРЕЙ СМИРНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ
БОГА-ДРАКОНА

АНДРЕЙ СМИРНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ
БОГА-ДРАКОНА

Андрей Смирнов

Возрождение бога-дракона

1

Аэропоезд мерно покачивался в силовом туннеле. Шипел воздух, сминаемый торпедой ведущей машины, воронкой горизонтального торнадо обволакивая тянувшиеся за ней вагоны. Картинка за окном то и дело смазывалась — воздух, сжимаемый металлическим телом поезда, нагревался неравномерно, горячие и холодные потоки перемежались, следуя друг за другом с удручающей регулярностью. Я поймал себя на том, что уже некоторое время бездумно пялюсь в окно, не замечая ни неба, ни проплывающих внизу деревьев и водоемов — слежу за этими чередующимися потоками так, как будто бы меня приставили наблюдать за ними. Возникло искушение просидеть так и дальше, до самого Эленгарда, ни о чем не думая и не замечая, как проходит время, но я подавил соблазн, вытащил из сумки увесистую книгу и откинулся на спинку сиденья. Выходные у родителей прошли достаточно мило, но завтра — экзамен по экономике, и герр Рихтер вряд ли обрадуется, если я не подготовлюсь. Я открыл учебник и погрузился в чтение.

Прошло какое-то время — полагаю, минут двадцать или чуть больше. Книга дробилась на полтора десятка разделов и множество маленьких глав — последних я успел проглотить с полдюжины и уже подходил к порции проверочных вопросов в середине раздела, как услышал шум открывающихся дверей в дальней части вагона. Оживленно болтая, мимо меня проследовала парочка — пожилой, но еще крепкий мужчина, и миловидная девушка лет двадцати пяти. Добрались до следующих дверей и скрылись из виду. Они явно направлялись в вагон-ресторан. Женщина меня не заметила. Мужчина тоже, но он и не должен был. А вот женщина могла почувствовать — так же, как почувствовал ее я, когда она только появилась в вагоне. Но, кажется, она была слишком занята своим спутником.

Еще несколько секунд я пялился в книгу. Вставать не хотелось. Происходящее не имело ко мне ровным счетом никакого отношения. С другой стороны, мне казалось, я должен что-то предпринять. Конец сомнениям положила шальная мысль: а вдруг, уладив свои дела с пожилым мужчиной, она возьмется за кого-нибудь еще? Например, за машиниста? Очень сомнительно, конечно. Крайне сомнительно, но... но все же такая вероятность была, поэтому я убрал книгу в сумку, поднялся на ноги и

пошел в вагон-ресторан.

Все столики были заняты. Компания гуляк из Европы веселилась вовсю, распевая фривольные немецкие песни. Нужная мне парочка сидела за стойкой. Они уже успели заказать выпивку — два больших бокала с пивом. Мужчина казался по-настоящему счастливым. Подойдя поближе, я услышал, как он, захлебываясь от восторга, рассказывает какую-то нелепую историю из своей жизни. Женщина слушала очень внимательно, ободряюще улыбалась, и попивала пиво маленькими глоточками, как будто бы в бокал был налит ликер. Похоже, она не ожидала никаких неприятностей, поскольку заметила меня лишь тогда, когда я встал за спиной мужчины и принялся бесцеремонно ее рассматривать. Глаза ее прищурились, улыбка пропала. Мужчина тоже что-то почувствовал, замолчал и стал оглядываться назад. Я ободряюще улыбнулся женщине, словно она была моей старой знакомой:

— И давно ты здесь промышляешь?

Вместо ответа она злобно оскалилась, враз растеряв остатки своего очарования. Она уже не была молодой — тридцать пять лет, сорок, сорок пять... стремительно старела на глазах. Вокруг глаз появились морщинки, кожа вместо нежно-розового приняла сероватый оттенок.

Но ее спутник не видел всех этих удивительных превращений. Повернувшись, он загородил женщину своим грузным телом и недовольно спросил:

— Парень, что ты себе позволяешь?

Он хотел отпихнуть меня, но так и не решился это сделать — хотя до моего семнадцатилетия еще полтора месяца, выгляжу я на пару лет старше и физически развит для своих лет довольно неплохо. Потом наши глаза встретились и его взгляд перестал быть осмысленным.

— Сядь обратно. — Сказал я. Мужчина безропотно выполнил приказ. Я перевел взгляд на женщину.

— Поговорим?

Вместо ответа она оскалилась и зашипела — к счастью, еще не настолько громко, чтобы привлечь к нам внимание. Я быстро прикоснулся к капле пива на стойке и нарисовал знак из нескольких пересекающихся линий. Если эта безмозглая тварь превратится прямо сейчас, у всех на виду, наставник потом наверняка обвинит меня в том, что это я ее спровоцировал.

Мир вокруг слегка потемнел. Оккупировавшие половину вагона немцы затянули новую веселую песню. Я слышал их голоса, но все звуки казались тягучими и приглушенными, как будто бы они пели не в одном вагоне с

нами, а где-то за стеной. В каком-то смысле, так оно и было, только вот стена, отгородившая нас с горгоной от внешнего мира, состояла не из камней, а из чистой энергии. Бармен, оказавшийся в этот момент рядом с нашим участком стойки, даже не посмотрел в нашу сторону. Он нас больше не видел.

Я повернулся к женщине. Ее превращение к этому моменту почти завершилось — лицо стало морщинистым и уродливым, красивое платье обернулось лохмотьями, а кожа посерела еще больше. Волосы превратились в клубок змей, и удлинившиеся клыки уже не помещались в некогда прелестном ротике.

Горгона поймала мой взгляд и широко улыбнулась. Ее сияющие глаза притягивали к себе, как магнит. Я ощутил, что захоти я повернуть шею или закрыть глаза — это будет чертовски тяжело сделать. Но я не хотел.

В памяти всплыл урок четырехлетней давности — герр Рихтер рассказывает группе учеников о том, как обитатели тайного мира отображались в древних легендах и мифах. Горгона не превратит вас в камень, говорил он, но иссушит, заберет вашу силу и жизнь — если только вы окажетесь достаточно глупы, чтобы посмотреть ей в глаза. Все увлеченно слушают, разглядывая рисунки на доске и отчетливо зная, что речь идет не просто о каких-то страшилках, а о том, с чем каждому из них наверняка придется иметь дело. Я веду себя точно также, как остальные. Мне нравится голос наставника, и я не хочу подрывать его авторитет в группе, рассказывая о том, как играл в гляделки с горгонами.

Глаза твари светились все сильнее. Возникло ощущение, что ее глаза и мои соединяет невидимая эластичная труба. По этому каналу я должен был перетечь к ней весь, без остатка. Я уже видел, как эти твари охотятся, и знал, что обычного человека они могут выпить очень быстро.

Потом она поняла, что события развиваются совсем не так, как ожидалось, но было уже поздно. Разорвать нашу связь она не могла. Отчаянное сопротивление продлилось лишь несколько секунд. Затем она упала на пол и неподвижно замерла там, быстро превращаясь в клочья дыма. У этих созданий нет тела, разрешенного правилами той общей реальности, которую люди полагают единственно существующей. Для чудовищ в человеческом мире просто нет места, им требуется прилагать определенные усилия, чтобы существовать в нем, но после смерти мир людей выталкивает их вовне как нечто совершенно чужое. Поэтому после уничтожения максимум, что от них остается — немного дыма, песка или пепла.

Пожилой мужчина сидел на своем месте в полной прострации. Я забрал

его бокал с пивом и сделал глоток. Он должен мне целую жизнь. Ничего страшного, если я позаимствую у него выпивку.

Мой заговор, наложенный на это место вместе со знаком, изображенным на стойке, быстро терял силу — еще минута, и он перестанет действовать. «Карманная реальность», в которой мы столкнулись с горгоной, перестанет существовать, влившись в общечеловеческую реальность, от которой ее искусственно отделили. Окружающие опять начнут обращать внимание на это место, официантка смахнет пыль с сиденья, которое совсем недавно занимала девушка-горгона, а очнувшийся мужчина станет мучительно вспоминать, каким образом он тут оказался... Да, сейчас все встанет на свои места — как только я допью пиво и вернусь в свой вагон.

Но допить пиво не получилось.

Раздался тяжелый удар, грохот, поезд затрясло. Мгновенное чувство невесомости — а затем меня припечатало к потолку с такой силой, что только что выпитое пиво враз оказалось снаружи. Вагон мотало из стороны в сторону; люди, столы, стулья, посуда — все это летало по воздуху, отталкиваясь от стен и сталкиваясь друг с другом. Пока я летел обратно к стойке, мимо пронеслась здоровенная микроволновка. Безуспешная попытка сгруппироваться, удар об угол стойки, хруст, и дикая боль в правом плече. Потом меня отбросило назад — точнехонько в окно, только что выбитое микроволновкой. Последняя картинка: летящий вниз поезд, разодранный взрывом на две части, сыплющиеся из окон люди, обломки посуды и мебели, клубы черного дыма, и где-то высоко в небе, бесстрастная и вечная, словно дорога богов, жемчужная лента силового тоннеля. Удара о землю не помню.

2

— Привет! — В дверном проеме показалась голова Бьянки. Улыбка во весь рот и заговорщическое выражение лица.

Бьянка шмыгнула внутрь. Если бы я не был так слаб, то обязательно спросил бы, какого черта она приволокла огромный букет цветов. У нас что, сегодня какой-то праздник?

— Ну, как ты себя чувствуешь? — Жизнерадостным тоном спросила она, и до меня дошло, что все это — тон, цветы и улыбка — предназначались исключительно для того, чтобы приободрить меня.

— Лучше не бывает... — Пробормотал я. В самом деле, несколько переломов, сотрясение мозга, изрезанная осколками стекла левая сторона тела, ссадины и гематомы — что может быть лучше?

Бьянка улыбнулась еще шире и поискала глазами подходящую емкость для своих цветов. Обнаружила вазу на подоконнике, наполнила ее водой, установила на моей тумбочке и принялась запихивать в нее цветы. Я хотел было сказать ей, чтобы убрала куда-нибудь подальше эти растения, но так и не решился. Не хотелось ее расстраивать. Она была так увлечена своим занятием.

— Встретила в холле твоих родителей, — сообщила она.

Я хотел кивнуть, но не смог, потому что шея была зафиксирована специальным жестким корсетом. Родители только что ушли, чему я был только рад. Одному не очень-то весело, но одиночество намного лучше отчужденности под маской родительской любви. Не знаю, зачем они вообще приезжали. Наверное, потому что такое поведение предписывала их социальная роль, которой они пытались соответствовать. Это их отношение было насквозь фальшивым, хотя в искренности своих чувств они всегда пытались убедить всех, кого только можно, и в первую очередь — самих себя. Но искренностью там и не пахло.

Бьянка села на край кровати и критически меня оглядела.

— Здорово тебя помяло.

— Угу... — Пробурчал я. Появилось ощущение, что я лежу на кровати совершенно голый. Нельзя было сказать точно, применяет ли Бьянка свой Дар для того, чтобы оценить мои повреждения, но, зная ее, в этом трудно было сомневаться. Возникло искушение сказать ей, что ее грудь со времени нашей последней встречи определенно увеличилась в размерах —

это заставило бы ее смутиться, обидеться, нахамить мне — в общем, это надежно отвлекло бы ее от экстрасенсорного сканирования моего несчастного тела. Но, к счастью, она отвлеклась сама.

— В новостях говорили, что погибло восемьдесят человек.

— Слышал, — я показал глазами ей за спину. Там, на подставке, прикрепленной к стене под самым потолком, находился небольшой телевизор.

Бьянка оглянулась, заметила телевизор и спросила:

— Тебе уже разрешают его смотреть?

— Нет еще.

— А-а-а... понятно. — И протянула противным голосом примерной девочки-отличницы:

— Если что-то запретили, нужно обязательно это сделать, да?

— Как будто бы ты никогда ничего не нарушала. — Огрызнулся я. Три месяца назад Бьянке исполнилось семнадцать. В ней и раньше появлялась воспитательская жилка, но с тех пор, как она получила водительские права и гражданскую карту, ее эго раздулось до невероятных размеров, а вместе с ним усилилась и склонность к нравоучениям.

Бьянка недовольно поджала губы.

— Тебе нужно отдыхать. И поправляться.

Я не удержался и буркнул:

— Сам знаю, что мне нужно.

Она чуть отстранилась и посмотрела на меня уже без всякого показушного оптимизма.

— Узнаю Крокодила.

— Привет, Бьянка! — Хмыкнул я.

Мое полное имя — Дильгерт Гудриксон, но обычно оно сокращается до простого и короткого «Дил». Однако, Бьянка вскоре после нашего знакомства объявила, что «Дил» — сокращение совсем от другого слова. Остальные — не только ученики герра Рихтера, но и обслуживающий персонал — дружно подхватили эту «замечательную» идею. Мне прозвище не нравилось, хотя должен признаться, что-то в нем было, из-за чего оно так быстро прижилось... ну, возможно, слишком мощные челюсти делают меня немного похожим на крокодила, да и в характере, по мнению окружающих, есть что-то от этого существа... На Бьянку всерьез было невозможно злиться, но что касается всех остальных, то они таким иммунитетом не обладали, хотя в первое время и не понимали этого. Потом они меня достали, я в первый раз показал зубы, и это надолго заткнуло рты самым говорливым. Но даже тогда я знал, что они

продолжают называть меня «Крокодилом» за моей спиной. Дурацкое прозвище раздражало, но в конце концов я привык и смирился.

Настроение Бьянки тем временем опять переменялось. Она легонько похлопала меня по руке (не той, которая находилась в гипсе, а по другой, здоровой) и сказала:

— А вообще, мне нравится, как ты держишься. Едва не погиб, куча переломов, а по-прежнему спокойный, как... — Она запнулась.

— ...как крокодил, — хмыкнул я.

Бьянка улыбнулась — на этот раз уже не с показным оптимизмом, а искренне.

— Мы все за тебя очень волновались. — Сказала она.

— Все? Брось. Думаю, расстроилась только ты. Ну, может быть, еще Вит... пару секунд, по дороге от компьютера к верстаку. Впрочем, не уверен, что он вообще заметил, что меня нет. Остальным плевать.

— Не говори так.

— Но это правда. Думаю, многие еще и обрадовались.

Бьянка вздохнула.

— Не буду спорить. Может быть. Но... ты приложил столько усилий, чтобы настроить всех против себя, что теперь... теперь ты просто не имеешь права упрекать их в таком отношении.

— Я не упрекаю. Меня всё устраивает.

— Устраивает? Тебе нравится тут лежать одному и пялиться в потолок?

— Я не один, — возразил я. — Видишь, ты же пришла.

Бьянка недовольно фыркнула.

— Если бы ты иногда старался быть чуточку более дружелюбным и открытым, друзей у тебя могло быть намного больше.

— Я и так стараюсь. Веду себя как ангел.

Она хотела что-то еще сказать, но осеклась. Возможно, вспомнила историю, предшествовавшую моему появлению в Школе для Асоциальных Детей. Выбор в те дни у меня был простой: либо колония, либо маленькая закрытая школа, курируемая герром Рихтером. Школа для детей с аномальными парапсихическими способностями. Все мы в какой-то мере асоциальны. Но некоторые больше, чем другие. Намного больше. Меня действительно могли упечь. И было за что.

Какое-то время мы молчали. Потом я кое-о-чем вспомнил.

— Сделаешь для меня одну вещь?

Я расценил вопросительный взгляд Бьянки как согласие и продолжил:

— Купи молока. Где-то пол литра, больше не надо. Разогрей, но не кипятить...

— Хорошо. — Она сделала движение, намереваясь встать. Я перехватил ее руку.

— Подожди. Это не для меня.

— А для кого?

— Слушай дальше. Еще тебе понадобится кровь...

— Нет. — У Бьянки длинные волосы, очень густые и пышные, да еще и вьются так, как будто она каждый вечер делает бигуди. Когда она затрясла головой, отвергая мое предложение, то стала похожа на недовольную, пушистую чау-чау. — Нет, нет и нет, я не буду этого делать.

— Ничего плохого не случится, — успокаивающим тоном произнес я. — Кровь можно купить на рынке, в мясном отделе. Тебе понадобится грамм триста, не больше.

— Я обещала герру Рихтеру, что больше не буду участвовать в твоих... экспериментах. — Неуверенно сказала она.

— Это не эксперимент, нужно просто покормить кое-кого. В общем, идешь в мою квартиру — вечером, после восьми. На подоконнике стоит чашка. Наливаешь туда молоко и кровь... Только помой сначала, он не будет пить из грязной посуды... Наливаешь, потом стоя лицом к окну, говоришь «Я приготовила эту пищу для тебя, Ярдзич», и спокойно уходишь. Вот и все.

— Кто такой Ярдзич? — Прежде чем я успел ответить, она предупреждающе выставила перед собой руку. — Нет, молчи. Я не уверена, что хочу это знать.

— Ты выполнишь мою просьбу? — Я испытующе посмотрел Бьянке в глаза. Она отвела взгляд.

— А это обязательно? — Сделав кислую физиономию, через какое-то время спросила она.

— Я не знаю, сколько тут проваляюсь. Вдруг он перестанет прилетать?.. Я приручил его совсем недавно.

— Ладно. А как я попаду к тебе?

Я показал глазами на тумбочку.

— Верхний ящик. Там ключи и кошелек.

Бьянка вытащила ключи и спрятала их в карман джинсов. К кошельку не притронулась.

— Спасибо.

— Если там будет что-нибудь плохое или опасное, я... я не знаю, что я с тобой сделаю.

— Если ты сразу уйдешь, после того, как сделаешь все, что я сказал, то ничего плохого не будет.

— Ага, а если не сразу — значит, будет?..

Я хотел пожать плечами... Это было ошибкой. Стоило шевельнуться, как по правому плечу разлилась волна боли.

— Не знаю. Вообще-то он дал мне обещание не трогать тебя.

Бьянка осуждающе покачала головой. Поднялась, собираясь уходить.

— Водишься с какими-то монстрами. Заботишься о них. Лучше бы так предупредительно ты вел себя с нормальными людьми.

Я улыбнулся. Вспомнил про несчастную горгону, которую убил, спасая жизнь совершенно никчемному типу.

— Я ко всем отношусь одинаково. И без причины не нападаю.

— Ну да, конечно... — Бьянка закатила глаза. — У тебя просто талант притягивать к себе неприятности.

— Всякое случается.

— Пока, Крокодил. Я еще зайду. — Она помахала рукой на прощанье.

— Пока... чау-чау.

3

Бьянка ушла, а я лежал и думал над ее последними словами. В них что-то было. Я действительно притягивал к себе неприятности. Взять хотя бы тот случай, который произошел месяц назад, когда я, по дороге из школы, зашел в мексиканский ресторанчик. Обожаю острые приправы. С четырнадцати лет — с тех пор, как у меня появился собственный банковский счет, на котором каждый месяц образуется небольшая, но достаточная для самостоятельного проживания сумма денег — предпочитаю обедать и ужинать в ресторанчиках и забегаловках, а не в школьной столовой. Не сказал бы, что в последней нас плохо кормят, но я предпочитаю сам выбирать, что есть. К тому же, у нас никогда не подадут такого количества острых специй, каковое могло бы меня удовлетворить. В школе мясо тщательно прожаривают, а я люблю с кровью.

Так вот, я мирно сидел в ресторанчике, когда почувствовал... м-м-м... довольно сложно описать это словами, но попробую. Возникло ощущение, как будто бы я нахожусь не на своем месте. Как будто бы Вселенная неудачно сдвинулась, ее суставы сместились, и теперь причиняют старушке невыносимую боль. И вот в этой, пораженной зоне, я и нахожусь. Чувство было резким и сильным. Ах да, забыл добавить — все это сопровождалось ощущением чужого внимания. Словно кто-то враждебно пялится на тебя в упор.

При этом не могу сказать, что впервые испытал подобное... Схожее ощущение возникало, в частности, на уроках по развитию интуитивного внимания, когда Рихарт завязывал ученику глаза, брал в руки палку и начинал наносить удары... а ученик, не видя противника, должен был уворачиваться. Тогда было тоже самое — чужое внимание, совмещенное с чувством «неправильности» — хотя и во много раз слабее. Откуда надвигалось ощущение «неправильности», оттуда и прилетал удар. Позже я заметил, что чем выше угроза, тем острее ее восприятие: палкой Рихтер мог задеть меня, заточенным мечом — никогда. В мексиканском ресторанчике ощущение угрозы почти сразу сделалось непереносимым. Я не стал анализировать это чувство или размышлять над тем, насколько глупым будет выглядеть мое поведение в глазах других посетителей — я просто упал на бок и прижался к полу, ощущая, как «вывихнутый сустав» мироздания встает на место. На меня удивленно посмотрели, а я, подняв

голову, осторожно поглядел в ту сторону, откуда несколько секунд назад пришло ощущение угрозы и чувство «неправильности»... Ничего. Несколько столиков, за ними — прозрачная стена, состоящая из вертикальных стеклянных секций, а за стеной — улица.

Потом в зале начался шум, я обернулся и увидел раненого мужчину в белом костюме. Часть посетителей рванула к выходу, другие попрятались за столиками, третьи пытались оказать помощь мужчине. Телохранитель раненого размахивал пистолетом, пытаюсь понять, откуда был произведен выстрел. Тут, наконец, до меня начало доходить, что произошло, и я посмотрел в сторону витрины еще раз, более внимательно. Так и есть. В центре одной из верхних секций красовалась маленькая дырочка, вокруг которой змеились белые трещины. Я не стал дожидаться приезда полиции и скорой, смешался с теми, кто хотел немедленно покинуть это место, и вышел из здания. С учетом траектории полета пули, стрелять должны были из окна здания, расположенного на противоположной стороне улицы.

Как я узнал позже (отчасти — из газет, отчасти — со слов герра Рихтера, который не только являлся директором частной школы для специфических детишек, но еще и занимал пост в ВЕСБ — Восточно-Европейской Службе Безопасности), мужчина в белом костюме был нечистым на руку предпринимателем, связавшимся с криминалом и не расплатившимся вовремя по своим долгам, а мне «повезло» оказаться на линии огня между ним и киллером.

...Мои размышления были прерваны новым визитером. Как всегда, подтянутый и бодрый, герр Рихтер излучал в окружающее пространство волны уверенности и оптимизма. Он располагал большой внутренней силой — большей, чем кто-либо из тех, с кем мне доводилось встречаться. Он легко и естественно организовывал окружающий мир под себя. Людям в его присутствии хотелось вытянуться и сделать хоть что-нибудь, чтобы заслужить его одобрение. Прирожденный лидер и первоклассный учитель.

Он улыбнулся, приветственно кивнул мне и сел на стул рядом с кроватью.

— Привет, Дильгерт. Сегодня ты выглядишь намного лучше, чем вчера.

Что было вчера, вспоминалось с трудом. Взрыв поезда, падение... А потом... потом начался настоящий кошмар.

Меня доставили в больницу вечером и терзали всю ночь. По какой-то неведомой мне причине врачи решили обойтись без обезболивающих средств. Пара открытых переломов, несколько глубоких порезов — все это вправляли и зашивали «по живому». Хорошо еще, что я временами терял сознание. Но потом боль опять возвращала меня к действительности. Я

приходил в себя на операционном столе и начинал орать.

Когда живодеры в халатах оставили меня в покое, наступило, наконец, милосердное забвение. Я несколько раз выныривал на «поверхность». Помню, мне в рот вливали какую-то жидкую гадость. Герр Рихтер задавал простые вопросы, и с третьего раза я даже сумел на них ответить. Кажется, были и другие посетители, но в целом вчерашний день больше походил на тяжелый нездоровый сон...

— Спасибо. — Сказал я. — Вы тоже ничего.

Герр Рихтер улыбнулся. Морщинки собрались вокруг глаз и краешков губ в запутанную сеть...

На вид моему учителю — лет сорок-сорок пять (я не знаю точной даты его рождения, но, кажется, реальный его возраст превышает видимый на десять или пятнадцать лет), он предпочитает одеваться в однотонно черный цвет (сейчас поверх обычной одежды на его плечах красуется белый больничный халат), не имеет дурных привычек вроде тяги к табаку или алкоголю, поддерживает хорошую спортивную форму, управляет небольшой закрытой школой в пригороде Эленгарда (впрочем, об этом я, кажется, уже говорил), и, не смотря на то, что совершенно неизвестен публике, является, быть может, самой влиятельной фигурой в ВЕК — Восточно-Европейской Конфедерации, объединяющей все страны Восточной Европы вплоть до границ Московского ханства.

— Что произошло? — Спросил я. — Удалось выяснить?

— Я думал, ты уже сам все выяснил, — герр Рихтер подмигнул мне и, чуть повернувшись, показал глазами на телевизор.

Ага... выходит, ему сообщили, что я уже настолько оклемался, чтобы следить за новостями.

— Ну... мне было интересно.

— Медперсоналу тоже стало очень интересно, каким образом ты смог включить телевизор, если у тебя нет пульта и ты не можешь ходить.

Герр Рихтер встал и подошел к зомбоящику, разглядывая его так, как будто в самом предмете техники было заключено что-то необычное.

— Научился управлять электричеством? — Спросил он, потому что я молчал, не зная, какого ответа он от меня хочет. — Раньше у тебя были с этим проблемы.

— Они и сейчас есть, — неохотно признался я. — Могу вызвать электрическую бурю, но она только портит технику, и все.

— Как же тогда?..

Я показал ему. Кнопка «Power» пришла в движение. Щелчок, появились изображение и звук. Программы стали меняться одна за другой,

следуя за кнопкой ручного переключения каналов. Потом «Power» опять утонула и вернулась на место, и телевизор погас.

— Понятно, — герр Рихтер вернулся на место. Моя способность двигать вещи на расстоянии его не удивила — когда-то он сам помогал мне оттачивать телекинетический талант. Он знал, что я могу делать это намного лучше остальных учеников... лучше, чем мог он сам.

— Вижу, ты продолжаешь совершенствоваться в телекинезе, — похвалил меня наставник. — Я имею в виду точность воздействия. Ровно такое усилие, какое необходимо, чтобы нажать кнопку, не больше и не меньше. Раньше с этим у тебя были проблемы.

— Много практиковался в последнее время.

— Да?

— Ну... иногда вечером дома пульт валялся неизвестно где, мне было лень вставать, чтобы искать его или переключать вручную...

Герр Рихтер засмеялся.

— Понятно. Навык развился в естественных условиях...

— Угу, вроде того, — я тоже улыбнулся. Потом усилием воли прогнал улыбку. Мне нужны были ответы.

— И все-таки, что произошло? — Повторил я свой вопрос. — Да, я видел новости. Но то, что они там говорили, я и так знаю. Взорвался один из вагонов, состав сошел с пути и рухнул со стометровой высоты вниз. Много людей погибло. Кто-то выжил. Некоторые получили тяжелые увечья. Но почему? Вагоны сами по себе не взрываются.

— Сработало взрывное устройство, находившееся в пятом вагоне, — ответил герр Рихтер. — По всей видимости, его принес с собой один из пассажиров.

— Теракт? Но кому это надо?.. Здесь, в Норриге?..

— Неизвестно. Ни одна террористическая организация пока не взяла на себя ответственность за случившееся. Постарайся вспомнить... когда ты ехал в поезде, ты не заметил чего-нибудь подозрительного?

Я рефлексивно покачал головой, опять забыв о том, что некоторыми частями тела мне лучше не шевелить. Корсет не позволил мне свернуть себе шею, но от одного только напряжения мышц шея взорвалась болью. Перед глазами все поплыло.

— Нет... ничего.

— Помнишь, в каком вагоне ты ехал?

— Да. Как раз в пятом.

— Но в момент взрыва тебя там не было. — Герр Рихтер полувопросительно-полуутвердительно посмотрел на меня.

— Не было. Мне повезло.

— Где ты был?

Я рассказал ему про пожилого мужика и горгону.

— Хм, — мой учитель задумчиво поскреб скулу. — Я полагал, горгоны предпочитают безлюдные места.

— После того, как она накачала его пивом, могла бы уединиться с ним, например, в туалете.

— Как-то слишком изобретательно для обычного чудовища, тебе не кажется?

Я хотел было пожать плечами, но на этот раз вовремя вспомнил о том, что совершать лишних телодвижений не стоит.

— Мир меняется. Они вынуждены приспособливаться к нам.

Герр Рихтер едва заметно кивнул головой, соглашаясь.

— Вы ведь уже проверили список пассажиров, верно? Если это не теракт, наверное, в вагоне ехал кто-то, кого хотели убить таким образом? Мафиози какой-нибудь... чиновник... бизнесмен...

— Все версии проверяются, — успокоил меня герр Рихтер. — Есть пара возможных кандидатур. Но пока рано говорить о чем-либо определенном.

— Идиоты, — я ощутил злость. — Если им нужно убрать человека, неужели нельзя было сделать это как-нибудь... культурно? Послать убийц к нему домой или нанять снайпера... зачем взрывать поезд?

Герр Рихтер помолчал, что-то обдумывая, а затем сказал:

— Если бы люди всегда действовали обдуманно и рационально, мир... он был бы совсем другим, Дильгерт.

— Да. Пожалуй, вы правы.

После короткого молчания мой учитель произнес:

— Вернемся ко времени твоего пребывания в поезде. Криминалисты, которые изучали остатки пятого вагона, утверждают, что взрывное устройство располагалось в районе двадцать пятого — двадцать восьмого места. Это середина вагона, правая сторона. Характер повреждений указывает на то, что эпицентр взрыва находился в верхней части вагона, под самым потолком. Итак, верхняя полка для багажа над двадцать пятью — двадцать восьмью местами... Помнишь, кто там сидел?

— Нет.

— Вспомни, не ленись.

Я закрыл глаза и вызвал в памяти события того злосчастного вечера, начиная с момента, когда показал проводнику билеты и сел в аэропоезд. Словно погрузился в прошлое — вот я медленно продвигаюсь по центральному проходу, высматриваю свои места, терпеливо жду, когда

ползущая впереди старушка достигнет цели и уберет, наконец, с пути свою громоздкую тележку, давлею раздражение, когда прущий навстречу здоровяк толкает меня в плечо (видите, каким я стал мягким и покладистым за последние годы? если бы он встретился со мной раньше, до того, как меня зачислили в ШАД, его бы увез не поезд, а белая машина с мигалками, и не в Эленгард, а в реанимацию), добираюсь до своего места, кладу рюкзак на сиденье кресла и еще раз оглядываюсь по сторонам...

— Пожилая пара, — сказал я, открыв глаза. — И парень лет двадцати пяти... может, старше. У него был здоровенный рыжий чемодан, который он закинул наверх. Кто занял последнее место, я не знаю.

Из внутреннего кармана черной куртки без рукавов герр Рихтер извлек электронный планшет. Включил, пробежался пальцами по экрану.

— Личности тех, кто ехал с тобой в пятом вагоне, установлены. Сможешь узнать этого парня?

— Давайте.

Перед моими глазами замелькали фотографии. Разные национальности, разный возраст, но формат фото для всех один и тот же. Было ясно, что фотки вытащили из государственной базы данных, что сделать было совсем нетрудно с учетом того, что при покупке билета на аэропоезд в обязательном порядке нужна была гражданская карта. Несовершеннолетнему, вроде меня, билет мог приобрести родитель, опекун, учитель — да, в принципе, любой взрослый, способный нести хоть малейшую формальную ответственность за означенного несовершеннолетнего.

— Стоп. — Сказал я, и герр Рихтер остановил прокрутку. — Вот этот.

Парень на фотографии мало походил на террориста. Скорее, на неудачника. Неопрятная одежда, кое-как приглаженные волосы, тусклый взгляд...

Герр Рихарт снова едва заметно кивнул — как будто бы я подтвердил то, что он уже и так знал. Впрочем, если они установили эпицентр взрыва и проверили по базе, кто брал билеты на соответствующие места, этот парень в качестве подозреваемого должен был идти под номером один.

— Ну что ж, у меня пока все, — герр Рихтер убрал планшет. — Будем разбираться.

— Держите меня в курсе, ладно?

Мой наставник ободряюще улыбнулся.

— У тебя есть какие-нибудь пожелания? — Спросил он, обводя глазами палату. — Может быть, что-нибудь нужно?

— У меня есть вопрос. Мучает уже вторые сутки.

— Слушаю.

— Какого черта меня оперировали без наркоза? Я чуть с ума от боли не сошел.

Мой наставник глубоко вздохнул.

— Наркоз был.

— Что-то я не заметил, — я позволил себе криво ухмыльнуться.

— Тебе вкололи столько обезболивающих, что можно было усыпить и лошадь. А возможно, и не одну. Но ты все равно оставался в сознании... Неужели не помнишь, как тебя кололи?

Уколы? Да, было дело. Но в памяти застряли не они, а то, как меня резали, зашивали, выправляли кости... Значит, меня все-таки пытались усыпить. Но не вышло. Интересно, почему?

— И маску с сонным газом тоже не помнишь? — Спросил герр Рихтер, пристально меня разглядывая.

— Маску?.. — Я задумался. — Да, пытались что-то такое на лицо нацепить, из-за чего было трудно дышать...

— И поэтому ты ее скинул. И испортил аппарат. Собственно говоря, ты вывел из строя вообще всю технику в операционной.

— Знаете ли, стало немного сложно себя контролировать, когда они начали меня резать, — мне не понравилось, как это прозвучало. Это прозвучало так, как будто бы я пытался в чем-то оправдаться. — Подождали бы, что ли, пока газ подействует...

— Врачи и так ждали столько, сколько могли. Но ты находился в критическом состоянии, нужно было срочно что-то делать. Когда газ не помог — сделали несколько инъекций. Но и они результата не дали. В итоге пришлось оперировать так, даже с учетом того, что ты мог умереть от анафилактического шока. Вариантов-то не было.

Я нахмурился. Похоже, на самом деле «врачи-садисты» сделали все, чтобы меня спасти. Покажется странным, но мне эта мысль не понравилась. Не люблю менять свое мнение о людях.

— Вообще, можно лишь удивиться их мужеству и профессионализму, — продолжал мой наставник. — Конечно, люди тут ко всему привычные, но когда во время операции начинают летать по воздуху вещи, падать шкафы и один за другим сгорать электроприборы... это уже немного слишком.

— Я старался ничего такого не делать, честно.

— Я понимаю, — герр Рихтер успокаивающе похлопал меня по здоровой руке. — Но напугал ты их здорово. Хорошо, что эти люди свое дело знают и даже в такой... нервной обстановке... сделали все, что могли.

Хотя некоторым из них после этого пришлось прямиком отправляться на больничные койки. Ты там ломал не только вещи.

— Надеюсь, все живы?

— К счастью.

Я помолчал, а потом спросил:

— А где мы вообще находимся?

— То есть?

— Ну, вы сказали «люди тут ко всему привычные»... Я думал, это городская больница. Но, похоже, нет.

— Это закрытая клиника. — Известил меня герр Рихтер. — Обслуживает учеников нашей школы... и не только. Совмещена с лабораторией по изучению... — Он запнулся и как-то скомкано добавил. — Разных странных людей. Вы вот, в школе — нормальные здоровые дети, но нередко бывает так, что необычные способности вроде ваших оказываются связанными с разными физиологическими отклонениями...

— Понятно. Скажите уж прямо — лаборатория по изучению уродов.

Герр Рихтер хотел что-то сказать, но потом, видимо, решил, что не стоит. Через некоторое время примирительно произнес:

— Бывают и такие.

— Тут лечили Клайва?

Герр Рихтер прищурился. Его взгляд перестал быть расслабленным и доброжелательным.

— Сюда его привезли.

— Может быть, стоило везти в обычную больницу? Пока тут изучали, там могли помочь.

— Клайв умер по пути в клинику.

— Вообще-то он умер у меня в комнате, — возразил я. — Но Бьянка вернула его к жизни.

— Ненадолго. Когда его доставили сюда, он был уже мертв... И поверь, ты напрасно сомневаешься в компетентности здешних врачей. Тут работают лучшие. — Голос герра Рихтера прозвучал холодно и отчужденно.

В ШАД в этом году проходили обучение около сорока подростков (когда я пришел в школу, учеников там было в два раза меньше) в возрасте от девяти до семнадцати лет. Для каждого существовала своя, индивидуальная программа обучения, но было и несколько устойчивых групп, образованных, как правило, учениками близкими друг к другу по возрасту и интересам. Клайв учился в той же группе, что и я, Бьянка и Вит. Не скажу, чтобы мы с ним были близкими друзьями, да и пришел он к нам

в школу всего лишь пару лет тому назад, в то время как Бьянку и Вита я знаю уже шесть лет — огромная эпоха, если тебе всего лишь семнадцать — но, так или иначе, мы были знакомы, иногда вместе проводили время, и, в общем-то, было не очень приятно наблюдать, когда он вдруг умер у меня на глазах — прямо в моей комнате, ни с того ни с сего. Я его не трогал. Я говорю это потому, что те, кто меня знал, заподозрили именно меня в его смерти. Но я ему не вредил, честно. Мы болтали о всякой ерунде (Клайв — спортсмен, красавец, сынок богатых родителей, со смехом рассказывал о том, как подкатывал к известной киноактрисе на вечеринке, устроенной его отцом), а потом он вдруг захрипел, схватился за горло и упал на пол, содрогаясь в конвульсиях. Я пытался ему помочь, но я — не слишком хороший целитель. Наши паранормальные способности в значительной мере связаны с нашим внутренним отношением к окружающему миру. Мне на окружающих наплевать. Меня не волнуют их проблемы и беды, я не стремлюсь сопереживать и сострадать, меня не интересует их внутренний скучный мир. Поэтому я — плохой целитель. Но тогда я все-таки что-то попытался сделать. Ничего не вышло. Конвульсии Клайва уже почти прекратились, налитое кровью багровое лицо потихоньку приобретало неприятный синюшный оттенок... К счастью, в комнату заглянул Вит, он позвал на помощь, в школе начался переполох, прибежала Бьянка и вместе нам удалось вернуть Клайва к жизни. Точнее, удалось ей, я, скорее, работал бесплатным источником энергии. Клайв проблевался, украсив пол моей комнаты остатками ужина и сливочными орешками, которыми я его угостил во время разговора. Меня, честно говоря, разозлило, что мои орешки, которых и так было не очень-то много в пакете, мало того что не пошли впрок, так еще и оказались выложены в виде кашицы, изрядно приправленной желудочным соком, прямо на пол. Помимо того, что хорошая вещь превратилась в бесполезное дерьмо, так мне теперь придется это дерьмо убирать. Я почти пожалел о том, что Клайв не сдох. Если вы обратили внимание на то, о чем я говорил чуть выше (о взаимосвязи способностей и отношения к окружающему миру), то должны догадаться, что при таком настрое находиться рядом с Клайвом мне явно не стоило. Поэтому, когда приехала скорая, Бьянка отправилась в больницу вместе с Клайвом, а я нет. Я думал, он уже, в целом, в норме и мы зря беспокоились. Но оказалось, что нет. По пути ему стало хуже, в операционную Бьянку не пустили, а потом нам сказали, что Клайв умер. Видимо, снова умер, как и в первый раз, у меня в комнате, только теперь его уже не смогли откачать. Бьянка очень переживала и не любила говорить о том случае. Возможно, винила себя за то, что не проявила достаточно настойчивости, чтобы

остаться с ним до конца. Год назад они встречались, и хотя уже несколько месяцев как расстались, она, по видимости, сохранила к этому хлыщу какие-то чувства. Хотя о мертвых либо хорошо, либо никак... Да-да, к этому замечательному парню, Клайву Вильсону.

4

К концу нашего разговора с герром Рихтером пришла сестра и поставила мне капельницу. Дала какие-то лекарства, немного бульона. Мне хотелось мяса, желательнее побольше и с кровью, но я не стал качать права. Когда сестра ушла, включил телевизор. Ничего интересного. Скучные новости, несмешные комедии, нестрашные ужастики, высосанные из пальца криминальные истории. Хотя бодрствовал я не так, чтобы слишком долго, все же утомлялся я пока еще слишком быстро, и поэтому вскоре уснул. Несколько раз просыпался. Сначала меня разбудила сестра, которая зашла в палату, чтобы выключить телевизор, потом — она же, но уже с целью освободить меня от капельницы, ну а когда я проснулся в третий раз, визитером оказалась Бьянка. Она стояла надо мной с сосредоточенным лицом, вытянув перед собой руки так, как будто бы собиралась опустить ладони на мою грудь и живот. Кисти рук ее совершали при этом плавные круговые движения, оставаясь на расстоянии десяти-пятнадцати сантиметров от моего тела. Я знал, что она делает, зачем и почему. Сначала хотел было упереться рогом и начать сопротивляться, но затем обнаружил, что совершенно не настроен бунтовать. Обижать ее, сбивать с ритма, прогонять из комнаты, пренебрежительно комментировать ее усилия почему-то не было ни малейшего желания. Наверное, я слишком устал. Поэтому я закрыл глаза, погрузился в сон и разрешил ей делать все, что она считала нужным. В конце концов, врачам же я это позволил, а Бьянку я знал на целых шесть лет дольше, чем местных вивисекторов.

Когда я проснулся опять, было уже утро и чувствовал я себя намного лучше. Настолько лучше, что смог уже сам продиагностировать свое состояние. Сломанные кости почти срослись, внутренние гематомы рассосались, а от большей части порезов, которые мне так долго и тщательно зашивали три дня назад, остались лишь зарубцевавшиеся шрамы. Ужасно хотелось есть. Нет, даже не так: мне нужно было поесть. Действия Бьянки привели к ускоренной регенерации костной и мышечной ткани — но ничего само по себе из ничего не берется, даже в магии. Бьянка задействовала резервы моего собственного организма, подстегнув естественную систему регенерации. Теперь нужно было возобновлять потраченные запасы. Я нажал на кнопку вызова медсестры. Минут пять мы препирались: она предлагала мне подождать еще пару часиков, после чего

придет время «завтрака» (на который мне полагалось немного жидкой каши и чай без сахара), а я требовал бифштекс, и побольше. А еще лучше — два. Я уже почти дозрел до того, чтобы перейти к противоправным методам убеждения, когда появился мой лечащий врач. Вероятно, герр Рихтер проинструктировал его о том, какой политики в отношении меня лучше держаться, потому что вместо споров врач сразу послал сестру на кухню. И только после этого предупредил:

— У вас обширные внутренние повреждения. Твердая пища может вас убить.

— Не убьет, — ответил я. — Я уже поправился почти.

Он пожал плечами и вышел из палаты: мол, я предупредил, а теперь умываю руки.

В течении нескольких следующих часов мой лечащий врач нет-нет да заглядывал ко мне — наверное, проверял, не окочурился ли я. Пришлось его разочаровать. С помощью костыля я даже сам смог добраться до туалета.

В середине дня появилась Бьянка. На этот раз она не дала отвлечь себя разговорами, а сразу принялась меня лечить. Мне были неприятны ее действия, но я мужественно терпел. Ненавижу ощущать себя зависимым от другого человека.

Во время «сеанса» я кое-что вспомнил.

— Покормила моего монстра?

— Угу.

— Он тебя не сильно испугал?..

Бьянка мрачно на меня посмотрела.

— Я никого не видела. Я сразу ушла.

— А-а-а... ну правильно.

— Пожалуйста, помолчи немного, ладно? Думай о чем-нибудь приятном.

Я замолчал и стал думать о приятном. О размерах Бьянкиной груди.

После «сеанса» она почти сразу ушла, сославшись на занятость. Я включил телевизор и провалял дурака до позднего вечера, делая перерывы лишь для того, чтобы поесть. Поговорил по телефону с родителями. Их немного удивило мое столь быстрое выздоровление, но не слишком. Я никогда не был нормальным ребенком, и они это прекрасно знали.

Последние годы мы жили отдельно, встречаясь лишь раз в три-четыре месяца, когда я выбирался в Новгард на выходные, чтобы увидеться с ними. Мы и раньше не были близки, а после моего переселения в ШАД отдалились друг от друга еще больше. Не могу сказать, что люблю их или

когда-нибудь любил, но я старался сохранить с ними хорошие отношения.

Вероятно, для развития нормальных семейных отношений необходим какой-то элемент принуждения — пусть даже на самом раннем этапе. Ребенок знает, что если поведет себя вразрез с правилами, установленными в доме, то будет наказан. Также он вынужден считаться с установленными в его отношении ограничениями («ты не получишь сладкого, пока не съешь свой обед»). Все это способствует росту авторитета родителей, и в конечном итоге выливается в сыновью почтительность. Кроме того, нормальным детям нужна ласка, а родители могут как дать ее, так и в ней отказать. Таким образом, родитель для ребенка является неким высшим источником добра и зла... в нормальной семье. На которую я могу лишь смотреть со стороны — без зависти и сожаления, просто смотреть, изучая со стороны то, что никогда не переживал сам. Не могу вспомнить случая, когда мне нужна была чья-либо ласка. Я никогда не просился на ручки. Я никогда не плакал, а если мне нужно было что-нибудь взять, то брал это без чьего-либо разрешения. Меня никогда не наказывали — по крайней мере, насколько я себя помню, а это лет с трех-четырёх. Не могу сказать, что они были добрячками или я не давал поводов к наказанию. Поводы были. Но не было ответной реакции. Они боялись применить какие-либо жесткие меры, потому что всякие странные вещи происходили у нас в доме всегда, с самого моего рождения, и они знали, что эти вещи связаны со мной. А там, где есть страх, нет условий для появления любви и доверия.

Знаю, что они были только рады, когда я переехал в ШАД. Их терпению и выдержке можно поразиться: им удавалось уживаться со мной почти одиннадцать лет. Правда, они пытались избавиться от меня и раньше — спихнуть митраистам — но, когда во время первого нашего совместного посещения храма там начался пожар, данная идея как-то сама собой отпала. Мне не понравилось это заведение, и родители мое настроение правильно оценили.

Когда меня привели в храм Митры, пожилой жрец стал сюсюкать и разговаривать со мной так, как будто бы я был глупее его. Наверное, мне стоило проявить большую терпимость. Но тогда мне было не семнадцать, как сейчас, а всего лишь пять лет, и тормозов в моей голове было существенно меньше. В какой-то момент пламя, горевшее в ближайшей жаровне, перекинулось на одежду священнослужителя. Он довольно-таки смешно запрыгал, пытаясь его сбить. Прибежали его единоверцы. Совместными усилиями они, конечно, быстро потушили бы огонь — но это шло вразрез с моим настроением побезобразничать. Им пришлось отвлечься от вопящего дядечки, когда одна за другой по всему храму

начали опрокидываться жаровни и разбиваться чаши с маслом. Пламя мгновенно распространилось по помещению. Началась паника. Мне нравился огонь — мы с ним всегда были в хороших отношениях. Родители тоже знали, что мне он нравится — в свое время моя любовь побудила их сменить газовую плиту на электрическую, отказаться от камина, и никогда, ни при каких обстоятельствах не зажигать свечи в доме. И эта любовь была одной из причин, в силу которых они решили спихнуть меня именно митрастам, а не старым добрым язычникам: культ Митры, даже после всех реформ и изменений, которые он претерпел в Европе, оставался самым тесным образом связан именно с огнем. По крайней мере, митраисты это декларировали. Но, как оказалось на практике, их связь носила скорее теоретический, чем реальный характер...

— Дил!!! — Закричала мама. Я повернулся. — Хватит! Не надо! Останови это!

Отец прижимал ее к себе. Он ничего не сказал, но поймал мой взгляд и осуждающе покачал головой. Подойти ко мне они боялись. Возможно мать и бросилась бы, но отец держал ее крепко. Они уже знали, что когда происходит что-то необычное, ко мне лучше не приближаться, и уж тем более — нельзя хватать за руки, трясти или как-то иначе убеждать силой. Но инстинкты иногда брали свое. Поэтому отец и держал ее так крепко.

Я повернулся и ощутил свою связь с разгорающимся пожаром. В каком-то смысле я был им, а он был мной. С неохотой я утихомирил свою «огненную часть». Пламя начало спадать и в конце концов пропало. Панические вопли перестали быть такими отчаянными, но те люди, которые получили ожоги, по-прежнему стонали и выли от боли.

Я подошел к родителям и, задрав голову, посмотрел на них снизу вверх. Ради них я отказался от удовольствия сжечь здание здесь и сейчас, но разве они оценили мои усилия? Куда там! Я ощущал исходящие от них отчуждение и страх. Мне это было неприятно. Захотелось как-то наладить наши отношения, переключить их внимание на что-нибудь другое.

— А пойдете в парк погуляем? — Жизнерадостно предложил я.

5

Я опять заснул, и сон, который приснился мне на этот раз, не был слишком приятным. Я видел его и раньше. Как и у многих людей, у меня периодически случаются повторяющиеся сны и сны с продолжением, но этот был самым плохим. И всегда одно и то же.

Я плыл по серой реке вместе с сотнями, тысячами других людей и животных. У реки не было ни дна, ни берегов — поток свободно тек в странном, искаженном пространстве, подобном пещере невообразимых размеров. По сложной, изломанной траектории мы спускались вниз; люди и звери, окружавшие меня, пребывали в состоянии отчаяния и ужаса. В серой реке не было воды — ее заменяло что-то, похожее на кисель из медленного света, и из этой же эссенции состояли тела окружавших меня людей и животных — серые тени, неровные уродливые формации, образующие общую массу, движущуюся в одном направлении... также, как множество зерен, пересыпаемых из одного мешка в другой, видятся единым целым. Но стоило мне задержать взгляд на какой-либо из теней — она начинала обретать форму и цвет; глухой стон превращался в вопль ужаса — когда же я отводил взгляд, фигура опять становилась неотличимой от остального потока.

Наше течение не было единственным, здесь было множество таких же, и все они двигались сверху вниз к некоему незримому центру, постепенно сближаясь и сливаясь друг с другом, готовясь сойтись в точке, которая пока еще оставалась невидимой для меня. Я не был способен охватить взглядом всю совокупность потоков, но по мере движения начинал постепенно угадывать ее общую форму: сравнение с рекой, имеющей многочисленные рукава — может быть, не самое лучшее, в большей степени все это было похоже на дерево или куст с коротким стволом и множеством веток. В конце концов я увидел цель, итог того, к чему мы стремились, и тогда ужас охватил и меня. Серые течения сливались в один клубок, и там, в самом его центре, находилась устрашающая темная фигура. Это был великан, намного превосходивший ростом любое из существ, пливших в потоке. Его тело состояло из множества перемещающихся ртов, жадно всасывавших в себя тот серый «студень», который его окружал. Все это множество людей и животных втягивалось в темную фигуру и пропадало — так, как будто бы никогда не существовало.

Тогда я понял, что это — конечная смерть; а серые тени — не сами животные и люди, но их души, расставшиеся с телами и прошедшие до конца той дорогой, на которую обречены все мертвые; нет добрых богов, рая, или хотя бы нового перерождения — все души стекали к той темной фигуре в исполинском подземном зале и исчезали в ней, и больше не было ничего. Я стал бороться, пытаюсь выбраться из потока, но течение было слишком сильно, а фигура ужасного голодного бога становилась все ближе и ближе...

Мое нежелание сдаваться и принимать роль жертвы сделалось настолько велико, что сопротивление потоку переросло в сопротивление сну, и реальность, до сих пор более чем убедительная, начала смазываться. В рамках того сна я не мог победить; темное существо располагало безграничной властью над попавшими в поток, я же был всего лишь одной из его жертв; однако, я мог проснуться. Я содрогнулся и открыл глаза — какой-то частью себя ощущая, что все еще нахожусь там, в серой реке, приближаюсь к чудовищу в пещере; и одновременно — я был в палате, в мире людей, и за окном пели птицы, приветствуя солнце и наступление нового дня. Потом сон растаял, я понял, что взмок, тяжело дышу, а сердце колотится так, как будто бы я только что совершил марафонский забег.

Я видел этот сон уже не в первый раз — он приходил раз или два в течении каждого года моей жизни; иногда был насыщенным, ярким и долгим, и вырваться из его плена на «поверхность», к обыденности, стоило больших усилий; иногда — как намек, короткое и блеклое видение, отстраниться от которого можно было сравнительно легко. У меня имелись две версии относительно того, что этот повторяющийся кошмар мог означать, но легкомысленного отношения «это всего лишь сон» не предполагала ни одна из них. К слову сказать, такое отношение мне в целом было совершенно чуждо еще до того, как я стал учеником герра Рихтера; когда же он принял меня под свою опеку и повел по дорогам магии, моя инстинктивная уверенность в том, что сновидения в определенном смысле не менее реальны, чем обыденный окружающий мир, получила необходимое теоретическое — и практическое — обоснование.

Повторюсь, я располагал двумя версиями относительно природы своего навязчивого кошмара. Самая простая заключалась в том, что это — самые обычные воспоминания. Я жил когда-то раньше, потом умер, познакомился с доброжелательным властелином потустороннего мира, едва не отправился к нему на обед, но все же каким-то невероятным образом вырвался из серого потока и родился заново. Эта версия хорошо

согласовалась с некоторыми другими повторяющимися снами, в которых я был не Дильгертом Гудриксоном, уроженцем Норрига, а мужчиной, определенно жившим где-то на юго-востоке евразийского континента, по всей вероятности — в Китае. То обстоятельство, что о событиях до своего появления на свет я располагал крайне редкими и отрывочными воспоминаниями, можно списать на шок от нового рождения. В общем, эта версия выглядела довольно привлекательной и я склонялся именно к ней. Второе объяснение состояло в том, что увиденное в кошмарном сне не происходило «когда-то давно», оно происходит сейчас. Какая-то моя часть прямо сейчас существует в подземном аду, направляясь, вместе со множеством иных душ, прямо в пасть тамошнему хозяину, и вся моя «нормальная жизнь» Дильгерта Гудриксона — лишь способ бегства от встречи с голодной и омерзительной тварью. Эта версия выглядела менее привлекательно, однако, свои резоны имела и она, и я не мог просто так сбросить ее со счета.

Можно, конечно, выдвигать и более рациональные объяснения: скажем, причина тяжелого сна в избытке съеденного вчерашним днем и вечером, а содержание — в частности, та самая устрашающая темная фигура, которая все поглощает и ничего не отдает обратно — символизирует подсознательный страх перед влагалищем. И попробуй докажи психоаналитику, что, в общем-то, не испытываешь никакого страха перед этим местом — согласно психологии отрицания, твои возражения будут рассмотрены как указание на то, что страх ты все-таки испытываешь, однако тщательно скрываешь его от себя самого... Но меня не привлекают «рациональные» объяснения в психологии. Они ничего не дают и никуда не ведут.

Утром, когда появился мой лечащий врач, я сообщил ему, что выписываюсь. Доктор решил, что это шутка. Я встал с кровати и прогулялся по комнате. Сломанная и сросшаяся за четыре дня нога еще немного побаливала, но не сильно. Сняли гипс. Рентген показал, что кости целы — как будто бы я тут пролежал целый месяц. Меня не хотели отпускать, настаивали на том, чтобы сделать еще кучу анализов, но у меня не было настроения становиться объектом научного исследования. Я переделся, собрал привезенные родителями вещи (пару книг, туалетные принадлежности, новый мобильник и прочую мелочь), сложил все это в пакет и покинул клинику.

Светило солнышко, пели птички, и автобус, идущий в город, подошел к остановке почти сразу после того, как там оказался я — в общем, все было замечательно. На полпути меня осчастливил звонком герр Рихтер,

желавший узнать, какого черта я делаю и куда направляюсь. Кажется, он был немного расстроен из-за того, что я не желал играть по правилам общества, в котором живу. Все как всегда.

— Трудно было провести в клинике еще пару дней и позволить врачам сделать все необходимые анализы? — В голосе наставника слышалось скрытое раздражение.

— Там скучно.

— Ты уже не ребенок, Дил. Мог бы и потерпеть.

— Мог бы. — Согласился я.

Тяжелый вздох.

— Ты куда сейчас? Домой?

— Угу.

— Ладно. Увидимся.

И короткие гудки.

Я убрал мобильник, и, повернувшись к окну, стал рассматривать проносящиеся мимо деревья. Клиника находилась за чертой города, как и наша школа, но я ехал не в школу. У меня была небольшая двухкомнатная квартира в западном районе Эленгарда — подарок доброго учителя любимому ученику. Я улыбнулся.

...Впервые с Рихтером Эзенхофом мы встретились шесть лет тому назад в полицейском управлении, куда меня привезли для очередного допроса, закончившегося, впрочем, столь же бесплодно как и все предыдущие, поскольку неинтересные вопросы я игнорировал, а без моего признания ситуация заходила в тупик. Но — обо всем по порядку.

После моего рождения родители несколько раз переезжали. Один раз — из-за пожара (я уже упоминал про свои близкие отношения с огнем), потом мы не ужились с соседями, потом выбрали какое-то неудачное место, которое пришлось почти сразу покинуть, ну а потом отец нашел уютный домик вдали от городской суеты. Меня перевели в новую школу. Я отнесся к переменам в своей жизни философски — в старой у меня друзей не было и покидать ее было совсем не жаль. Однако, при вращении в новый коллектив возникли некоторые сложности. Бесплатная муниципальная школа, куча детей из неблагополучных семей, своя внутренняя иерархия, законы стаи... Новичок должен вписаться в коллектив — в том или ином качестве. Новичок ставится в стрессовую или просто в дискомфортную ситуацию, а коллектив смотрит, как он будет реагировать. Сумма его реакций и поступков определяет то место, которое он займет. Однако, подходящего для меня места там так и не нашлось. Когда меня начали испытывать на «прочность нервов», я избил местного «лидера» и двух его

шестерок. Мои способности к телекинезу — лишь часть общего умения управляться с гравитацией, влиять на тяжесть, движение и механическое взаимодействие предметов. Видели, как на соревнованиях мастера единоборств разбивают руками ряды кирпичей? Я могу делать тоже самое, только лучше. В общем, я избил нескольких одноклассников, но местный заводила, вместо того, чтобы успокоиться, начал орать, грозиться мстостью и поливать грязью меня и мою семью. Заявы «твоя мать — шлюха, а твой отец трахает тебя каждый день перед сном!» — были еще самым приличным из того, что он выдавал. Я мог бы его заткнуть, но к этому моменту он меня уже порядком достал, и когда лопнуло мое терпение, лопнуло и сердце у него в груди.

Девчонки подняли визг, прибежали учителя, появилась полиция и скорая. Откачать моего одноклассника они, понятное дело, не смогли, хотя и пытались. Меня забрали в участок, где мурыжили пару часов, после чего приехали родители, забрали меня и увезли домой. По дороге мы не разговаривали. Отец был бледен, как мертвец, мать также выглядела совершенно убитой и опустошенной. Если у полиции все еще не понимала, что именно произошло (поскольку внешних травм, могущих привести к смерти, я своему однокласснику не нанес), то родители слишком хорошо меня знали, чтобы тешиться иллюзиями и верить в мою непричастность. Я чувствовал, что они на взводе. Мне было их немного жаль. Они ведь хотели обычного, нормального ребенка, который мог бы ныть, плакать, бояться, обращаться за помощью к маме с папой, а не решать возникающие перед ним проблемы прямолинейно, да еще и с помощью сверхъестественных сил. Я не был тем ребенком, который им требовался, и не мог им стать. Они долго терпели мои выходки, но сегодня я перешел черту. Нормальной семьи уже не будет, все запасы любви, доверия, надежды исчерпаны. Нужно было расставаться с ними. Я задумался, как это лучше сделать.

Полиция находилась в сложном положении. С одной стороны, отсутствие опасных для жизни ран свидетельствовали в мою пользу (разбитый нос и пара синяков — не в счет). Можно было бы списать смерть на несчастный случай, если бы не результаты вскрытия. Его сердце ведь не просто остановилось, а буквально лопнуло. Такая смерть не выглядела естественной. Свидетели же происшествия — то бишь, мои одноклассники — в один голос утверждали, что парень был совершенно здоров (опять-таки, не считая разбитого носа), и отбросил коньки, предварительно выплюнув на парту поллитра крови, сразу после того, как новичок процедил ему «Сдохни...».

Они — я про полицейских — были нормальными людьми, вполне себе скептически настроенными. Мистические объяснения — это последнее, что они были готовы принять. Им требовался простой, логичный и рациональный ответ. Но такого ответа не существовало. Меня возили в управление каждый день. Со мной разговаривало множество людей. Все они опять и опять требовали, чтобы я рассказал, что произошло в тот день. Я описывал ссору и драку. А дальше происходил примерно следующий диалог:

— Ты знаешь, почему умер Ольг? (так звали моего одноклассника)

— Он меня оскорбил.

— Ты его убил?

— Да.

— Каким образом ты это сделал?

— Просто захотел.

Далее они начинали задавать вопросы о том, что значит «просто захотел» и каким образом одно только желание может кого-то убить, и тогда я переставал отвечать на вопросы. Во-первых, я и сейчас вряд ли смогу внятно сформулировать, как именно нужно накапливать внутри себя, настраивать и направлять на цель смертоносное желание, а в одиннадцать лет не мог на эту тему сказать вообще ничего внятного, и во-вторых, даже если бы и мог, не стал бы, потому что не считал, что окружающим меня людям нужно это знать.

Конечно, я мог бы соврать, что понятия не имею о том, что произошло. Притвориться обычным ребенком — испуганным и ничего не понимающим. Но мне всегда было противно лгать. Да и смысла не было: вернуться к «тихой» жизни в кругу семьи уже все равно невозможно. Будущее выглядело довольно-таки туманным. На дворе — четырнадцатый век от начала Сошествия, и всерьез в порчу и колдовство уже мало кто верит. Однако, когда полиция исключит все остальные версии (а рано или поздно им придется это сделать), они останутся с той единственной фантастической, которую не хотели принимать. Конечно, они ее обязательно проверят. К этому все и шло. В основном, со мной общались детские психологи, но время от времени появлялись следователи и разные люди из прокуратуры, а потом и из ВЕСБ. Один раз даже принесли щенка и предложили сделать с ним тоже самое, что я сделал с Ольгом: мол, если ты действительно можешь убить кого-то, лишь пожелав ему смерти — докажи.

— Я не хочу убивать это животное. — Сказал я.

— Захоти.

— Не хочу хотеть.

Собаку убрали, но мне стало ясно, что будет дальше. Им не нравилось, как я себя веду. Я не боялся и не беспокоился о том, что будет дальше. Перспектива оказаться в тюрьме для малолетних преступников, о которой мне регулярно напоминали, меня не пугала. Существовать во враждебном окружении мне было бы даже проще, чем постоянно сдерживать себя, находясь в обществе родителей. Было очевидно, что в итоге меня спровоцируют на какие-нибудь действия. Нет, убивать собак я не буду. Но в конце концов какой-нибудь психолог или следователь меня достанет, и они на своей шкуре убедятся в том, что я не лгал. И меня посадят. Все шло именно к этому... как мне тогда казалось.

Я не учитывал тогда одно простое обстоятельство: если они убедятся в том, что я — аномалия, такую интересную аномалию никто ни в какую тюрьму не отправит. Скорее уж — в закрытую лабораторию. В исследовательский центр. Или... в особую закрытую школу.

Я не знал, что в заинтересовавшей мною Восточно-Европейской Службе Безопасности существовал целый отдел, занимающийся выявлением людей с экстрасенсорными способностями. И вместо провокации с целью провести дурацкий «следственный эксперимент», они опросили моих родителей, наших старых соседей, знакомых... Тут, конечно, всплыли разные интересные факты, доклад об «аномалии» ушел вверх, и вскоре в полицейском управлении появился герр Рихтер Эзенхоф.

Рыбак рыбака видит издалека. Я понял, что в определенном отношении этот человек — такой же как я, сразу, как только он вошел в комнату. И он тоже понял, что на этот раз его подручные, занятые поисками людей с врожденным Даром, не ошиблись. Чувство, что у нас есть что-то общее, сближало. Как будто встретились два негра в стране, населенной исключительно белыми. Или наоборот — два европейца где-нибудь в глубинах Африки...

Следователь и психолог покинули комнату, а Рихтер Эзенхоф сел напротив. Поздоровался и представился. Спросил, как давно я осознал в себе талант и что уже научился делать. «Как себя помню» — ответил я на первый вопрос и «Разные штуки» — на второй. Он заговорил про Ольга — в общем, все те же вопросы, что мне задавали и раньше. Я отвечал, как и прежде, но, в отличие от моих прошлых собеседников, он не сомневался в правдивости ответов.

— Ты так спокойно относишься о чужой смерти, — констатировал он после того, как завершилась первая часть нашей беседы. — Это не очень

похоже на поведение одиннадцатилетнего мальчика. У большинства твоих одноклассников — истерика и шок, хотя они были только свидетелями случившегося, у тебя же — совершенно равнодушная реакция, как будто это был не живой человек, а кукла.

Я пожал плечами. Он прав. Я и в самом деле не ощущал никакой вины из-за того, что сделал. Позже, когда я подрасту и прочту пару умных книг, то пристрою к своему поведению и отношению к окружающему миру соответствующую философию. Но тогда мне было просто плевать и ни в каких самооправданиях я не нуждался. Потребность в самооправдании возникает как следствие воспитательного процесса, куда в обязательном порядке включают насилие и наказание. Но меня никто никогда не наказывал.

— Это ведь не первый человек, которого ты лишил жизни? — Поинтересовался герр Рихтер.

Я покачал головой.

— А кто был первым?

Я задумался. Прошлое казалось океаном, в который мое сознание погружалось все глубже и глубже...

...Детская площадка. Мне три или четыре года. Мы — я и еще один мальчик — увлеченно строим башню. Потом появляется его подвыпивший отец, начинает орать, вытаскивает моего приятеля из песочницы, ругает за испачканную одежду и бьет. Мальчик громко плачет, и я ощущаю, как во мне поднимается гнев...

Я встряхнул головой, возвращаясь к настоящему.

— Это было очень давно, — сказал я, чувствуя, что улыбаюсь.

— И ты не раскаиваешься в том, что сделал?

Я покачал головой.

— Нет ничего... даже малейшего сожаления? — Продолжал давить герр Рихтер.

Этот вопрос опять заставил меня задуматься. Был ли эпизод на детской площадке — первым случаем, когда я использовал свою силу для того, чтобы убить? Во всяком случае, он был первым из тех, что я помнил. Когда отец мальчика умер, его мать не смогла одна платить за квартиру и переехала в другой район города, к своим родителям. Мой приятель перестал появляться на детской площадке. Мне было грустно, и строить песочные замки без его участия стало уже не так интересно.

— Иногда, — сказал я. — Иногда я сожалею.

Позже я понял, что герр Рихтер во время той первой встречи неверно истолковал мой ответ. Он решил, что где-то глубоко в глубине души мне

все-таки жаль тех, кто становился жертвами моего колдовского таланта. Но меня никогда не беспокоила чужая смерть сама по себе, меня беспокоили ее последствия. Убив отца мальчика, я лишился товарища для игр. Это стало хорошим уроком: не надо трогать родственников тех людей, которых я хотел сохранить в своем окружении. Вообще в большинстве случаев не стоило пытаться наводить порядок в чужих отношениях. От этого становилось только хуже.

Каждое существо само организует свой мир. Даже если устранить то, что вот сейчас, сию секунду отравляет этому существу жизнь, не устраняя причин, побуждающих его организовывать свой мир именно так, а не иначе — существо все равно не станет счастливо.

— Тебе нельзя учиться в обычной школе, — сказал герр Рихтер, и я был вынужден с ним согласиться. Путь в ту школу, где учился Ольг, для меня закрыт, а если меня отдадут в какую-нибудь другую, рано или поздно история повторится. Терпеть чужие выходки я не стану.

Он рассказал о ШАД — Школе для Асоциальных Детей. На самом деле словечко «асоциальный» служило тут в большей степени прикрытием. Оно не было прямой ложью, потому что дети, которые там учились, обычно с трудом уживались с окружающими (однако были среди них и такие, которые прекрасно чувствовали себя в любом обществе — взять хотя бы, того же Клайва, талант которого заключался в способности располагать к себе и даже влюблять в себя окружающих), но все же заведению, в котором я провел следующие шесть лет, больше подошло бы название, скажем, Интерната для Детей с Паранормальным Способностями. Как-нибудь так.

6

Автобус довез меня до Юго-Восточной линии — одного из восьми основных проспектов города. Множество машин, новостройки, гудение летающих по небу флаеров... Вместе с толпой людей я двигался к подземке — не торопясь и с удовольствием воспринимая окружающий мир. Хорошая погода, свежий воздух, открытое пространство после трех дней взаперти, и, кроме того, я жив, хотя мог взорваться со всеми остальными в этом поезде. У меня было отличное настроение.

Я не спешил — разглядывал девушек, витрины магазинов, шикарные авто, пронесившиеся по проспекту, многоэтажные дома и облака... Я переживал этот мир, был его частью, а он — частью меня.

Если бы я двигался четко к своей цели, то, скорее всего, не заметил бы Трещины. Я обратил на нее внимания лишь потому, что задержался перед подземным переходом — захотелось побыть еще немного на открытом пространстве, постоять в стороне от толпы, разглядывая поток людей и машин... Трещина, или, как называли такие штуки у нас в школе — раумлогическое искажение — находилась между прозрачной стенкой автобусной остановки и стеной продуктового магазина — там оставался небольшой зазор, через который при желании можно было пройти, что я и сделал, постаравшись не особо испачкаться.

Задняя стена магазина почти вплотную примыкала к каменном бордюру высотой около метра, разделявшему тротуар и проезжую часть. Почти — но не совсем: между ними оставался проход шириной около тридцати сантиметров. В отличии от идеально вылизанного проспекта, закуток, в который я попал, был завален всяким хламом — битым стеклом, камнями, окурками, пустыми банками из-под пива. Это вполне естественно, поскольку убирать мусор, скапливающийся в Трещинах, в большинстве случаев просто некому. Не удивляло и то, что проход между стеной магазина и бордюром был слишком длинным — метров двадцать пять, не меньше, при том что длина самого магазина не дотягивала до двадцати. Двадцати — это если измерять его длину снаружи, со стороны проспекта. Но здесь, внутри Трещины, все было немного иначе: магазин выглядел как минимум на треть длиннее. Я неторопливо двинулся по проходу. Звуки стали слегка приглушенными, а когда я переводил взгляд налево — туда, где находилась проезжая часть Юго-Восточной линии — возникало

ощущение легкого головокружения. Это все означало, что я нахожусь уже внутри раумлогической аномалии и пялиться по сторонам не следует.

Проход заканчивался допотопной телефонной будкой. На вид ей было по меньшей мере лет пятьдесят. Внутри — опять битое стекло, пыль, грязный футбольный мяч и какие-то лохмотья. И все. Трещина заканчивалась тупиком.

Я отступил от будки на шаг и, преодолевая сопротивление окружающего мира, повернулся к проспекту. Было ощущение, как будто что-то физически мешает посмотреть туда, не давая вывести внимание из особой зоны пространства, ограниченного Трещиной.

«Снаружи» ничего особенного видно не было. Все тот же проспект, те же машины. Я задумался: могут ли меня заметить люди на другой стороне улицы или пассажиры автомобилей? В принципе, это было возможно — я не так уж далеко отошел от обычной человеческой реальности — но маловероятно, потому что та же сила, которая отводила мое внимание, влияла и на них, и воспротивиться ее действию шансов у них было намного меньше по той простой причине, что они даже не осознавали влияния этой силы. Телефонную будку «снаружи» не углядеть, это сто процентов. Иначе ее бы давно отсюда убрали. Интересно, когда образовалось это искажение и при каких обстоятельствах будка «выпала» из обычной реальности? Магазичику от силы лет двадцать.

Я двинулся в обратном направлении. В таких закутках реальности нередко селились разные странные существа, которым не находилось места в мире людей, но здесь, похоже, никто не жил. Слишком маленькая Трещина. Открытое пространство, много света и чрезмерная близость к человеческой реальности. Не самые лучшие условия для чудовищ.

Когда я протискивался мимо остановки, сидевшая на лавке женщина заметила меня и с неприязнью посмотрела. Видимо, решила, что я заходил в этот безлюдный грязный закуток отлить или ширнуться. Я усмехнулся.

В окружающей реальности полно раумлогических проходов. Однако окружающая реальность заботится о своей целостности и поэтому пудрит мозги тем, от кого зависит — то бишь, простым людям — всячески отводя их глаза от своих дыр. Я замечал Трещины с детства, но не придавал им особого значения, пока в восемь лет не попал через одну из них в весьма опасную реальность, где едва не погиб. Долгое время я опасался, что твари, которые жили в той Трещине, выберутся наружу и расползутся по городу. Лишь позже я понял, что они, по видимости, испытывают те же проблемы, что и люди — а именно, не замечают перехода, хотя он находится у них перед самым носом. У них была «своя» реальность — не столь обширная,

как реальность людей, но куда более мрачная. Один Митра знает, что они жрали в своем «подвале». Наверное, крыс и бродячих животных, с миром которых у них было намного больше точек соприкосновения, чем с миром людей.

Направляясь к подземному переходу, я критически осмотрел себя и обнаружил на рукавах куртки коричнево-серые полосы пыли. По видимости, все-таки задел стену, когда протискивался в Трещину. Увлечшись чисткой одежды, я заметил призрака лишь после того, как он прошел мимо, окатив меня волной уныния и холода. Поднял взгляд и увидел, как фигура поднимающегося по лестнице человека тает в свете дня.

Сядясь в поезд, запоздало подумав о том, что стоило бы купить в ларьке какой-нибудь журнал или хотя бы анекдоты — ехать долго, моя квартира находилась на другом конце города.

Дом, в котором я жил, располагался в северо-западной части Эленгарда, в зоне, которую еще пятьдесят лет назад занимали исключительно промышленные предприятия. Но все меняется. Эленгард рос, границы города расширялись, и предприятия — по собственной инициативе или под давлением мэрии — перебирались дальше на окраины. Часть старых заводов модернизировали, превратив их в образцы современного производства — бесшумного, компактного и бездымного; остальную площадь использовали для строительства офисов и жилых домов. Сейчас это был один из самых дорогих районов Эленгарда.

Двери из полупрозрачного затемненного пластика разъехались передо мной, открывая холл, визуально разделенный на три части колоннами, стилизованными под древнеегипетскую архитектуру. Мраморный пол со сложным геометрическим рисунком и такого же цвета и фактуры, будто вырастающая из пола стойка охранника справа. Слева — спуск в полуподвал, где находилась прачечная. Если же идти прямо, пересечь холл, подняться на несколько ступенек, миновать лифты, то можно попасть в небольшой ботанический сад — надежно закрытый от холода зимой, летом же плавно перетекавший из здания во внутренний двор, также превращенный, по сути, в настоящий сад, изобилующий цветочными кустами и карликовыми деревьями.

Я вызвал лифт. Пока ждал, в холле нарисовалась соседка. Я не запомнил, как ее звали, хотя она, наверное, представлялась полгода назад, когда я только въехал сюда. Возникло искушение что-нибудь с ней сделать, организовать если не инфаркт, то хотя бы легкий обморок для того, чтобы избежать обычных вопросов о том, кто я, сколько мне лет, чем я занимаюсь, откуда прибыл и почему живу в квартире один. Однако я справился с искушением, припомнив ту идею, которую герр Рихтер пытался донести до меня на протяжении всего нашего знакомства: если ты хочешь научиться жить в социуме, говорил наставник, обходись без магии. Да-да, вообще не применяй свои способности для решения жизненных проблем, ищи другие пути решения... Мы не раз спорили с ним об этом, потому что я считал и считаю, что в подавляющем большинстве ситуаций простые и прямые пути самые лучшие, однако кое-что из сказанного им

все-таки осело где-то у меня в голове, и теперь всплыло, я переборол искушение и ничего не предпринял, позволив ей подойти и встать рядом со мной. Даже вежливо поздоровался. К счастью, за время пока, мы ждали лифта и потом, пока поднимались на двадцать седьмой этаж, никаких попыток заговорить с ее стороны так не последовало. И правильно, потому что во время всех наших предыдущих встреч я просто игнорировал ее вопросы. Не люблю, когда суют нос в мои дела. Вообще говоря, никто этого не любит, но люди в своей массе по мере взросления учатся терпеливо относиться к окружающим. В этом смысле я, наверное, никогда окончательно так и не повзрелею. Общество «взрослых людей» построено на лжи. Может быть, у цивилизации и не было иного выбора, как пойти по пути самообмана, заменяя правилами приличия природные симпатии и антипатии. Может быть, у подавляющего большинства людей и нет другого выбора, кроме как следовать этим правилам и культурным нормам — потому что если они от них отступят, то не получат работы, еды, жилья, а в конечном итоге попадут в тюрьму или в больницу для умалишенных. Да, может быть. Я могу лишь посочувствовать тем, кто лишен выбора.

Двери лифта открылись. Мы вышли в коридор и разошлись — поджавшая губы соседка направо, я налево. Я приложил руку к замку и закрыл глаза, распространяя свои ощущения на металлическую часть двери. Хотя у меня был ключ, в большинстве случаев я предпочитал открывать дверь менее традиционными способами — исключительно в качестве тренировки. В отличие от простой кнопки телевизора, которую достаточно всего лишь нажать, замок устроен несколько сложнее и требуются определенные усилия для того, чтобы правильно настроиться, ощутить его как часть себя, а потом совершить этой «частью» именно те движения, которые нужны.

Раздалось четыре последовательных щелчка, я толкнул дверь и вошел в свою квартиру.

Хм. Большой вопрос, в какой мере я могу называть эту квартиру «своей». Если бы я самостоятельно купил ее или отобрал бы у предыдущих хозяев, никаких сомнений в ее принадлежности у меня бы не было. Мое — это то, что я взял собственными силами (и неважно, законным способом или нет) и самостоятельно же способен удержать. Но квартиру мне подарили. И хотя я жил здесь уже более полугода, чувство «своего дома» в полной мере так и не возникло. Не знаю, может быть, появится когда-нибудь. Если не появится — то рано или поздно я отсюда перееду и сам выберу себе жилье.

Я снял куртку, разулся и прошел в ту комнату, которую считал своим

«кабинетом», потому что там стоял стол с компьютером, несколько книжных шкафов, и небольшой раскладной диванчик из кожзаменителя — мое любимое место в доме. Вторая комната представляла собой нечто вроде гостиной — там был телевизор, стол и диван посолоднее. Спальни как таковой не было, в зависимости от настроения, я спал то в одной комнате, то в другой. Если отодвинуть стол, то диван во второй комнате можно было разложить полностью, превратив в полноценный сексодром — что бывало очень кстати в тех случаях, когда я ночевал не один.

Квартира у меня появилась благодаря тому же источнику, из которого с самого начала обучения в ШАД ежемесячно на мой счет приходили деньги. Схожим образом обеспечивались и другие ученики школы — хотя многие проводили в своих новых квартирах не так уж много времени, предпочитая родительский дом или привычные и давно обжитые комнаты интерната. Понятия не имею, из какой статьи бюджета оплачивалось все это. Теоретически, герр Рихтер Эзенхоф мог зачерпнуть из любой.

Я пересек комнату и увидел, что чаша с молоком и кровью, поставленная Бьянкой на подоконник, осталась полной. За истекшее время жидкость испортилась. Я отнес чашу на кухню и помыл. Интересно, почему Ярдзич не принял подношение? Не услышал Бьянку? Или просто был занят своими делами? Или услышал и был свободен, но не сумел войти в дом? Последнее тоже иногда случалось — иногда это существо демонстрировало совершенно поразительные способности, а иногда — не могло сделать самых элементарных вещей. Я залез в холодильник, и обнаружил, что из трехсотграммового пакета с кровью Бьянка использовала меньше половины. Молоко в холодильнике тоже было. Я подогрел молоко в микроволновке, добавил крови, перемешал. Отнес в кабинет, поставил на подоконник и уже было открыл рот, чтобы произнести ритуальную фразу, когда понял, что не так. Я держу форточку открытой постоянно, но сейчас она была наглухо закрыта. По всей видимости, Бьянка закрыла ее и лишь после этого произнесла приглашение. Вот он и не смог проникнуть.

Многие считают, что духи способны совершенно свободно игнорировать материальные преграды. Это мнение основано на искусственном разделении двух природ — «духовной» и «материальной», и оно ошибочно, поскольку на самом же деле, бытие едино, а духовное и материальное — лишь разные аспекты этого единства. Если обратиться к народным представлениям — то есть, к представлениям, основанным на регулярном и повседневном контакте с разного рода нечистью — то мы увидим, что самые что ни на есть «духовные» сущности иногда проявляют

себя на удивление «материально». Ну взять хотя бы обычай открывать окна или прорубать отверстие в углу дома, если в этом доме недавно кто-нибудь умер – с целью обеспечить душе свободный выход из помещения. Или обычай кормить мелкую домашнюю нечисть вроде домового вполне себе материальным молоком.

Я открыл форточку, прикоснулся к чаше и сказал:

— Еда и питье для тебя, Ярдзич. Приходи и ешь, пока дают.

И когда внизу от внезапного порыва ветра зашумели деревья, я понял, что мой призыв услышан.

Следующей мыслью было включить компьютер и посмотреть почту, накопившуюся за последние дни, но техника в присутствии смока начинала капризничать, и поэтому компьютер я трогать не стал, а вместо этого открыл ящик стола и достал листок с расписанием экзаменов. Экономiku я пропустил, и теперь одному Митре было известно, на какое число назначат пересдачу. Следующей по расписанию шла история. Я взял список экзаменационных билетов, достал из шкафа учебник, устроился в кресле, стал читать вопросы и мысленно отвечать на них, а когда не знал ответа – заглядывал в книжку.

Вопрос: В каком году митраизм был провозглашен официальной религией Римской Империи? При каком императоре это было сделано и по каким причинам?

Ответ: В 73 г. до Сошествия, императором Максенцием, после победы над его соперником Константином на берегу Тибра, каковую победу, по убеждению Максенция, ему даровал Митра.

Вопрос: Какими причинами была вызвана календарная реформа Валерия Максимилиана?

Ответ: Ранее отсчет лет велся от начала правления императора («в четвертый год правления императора такого-то...»). Календарная реформа Валерия Максимилиана стала частью его общей религиозной и политической реформы. Провозглашалась новая эпоха, началом которой объявлялся год «Сошествия» — мистического события, якобы наблюдавшегося Максимилианом и его приближенными.

Я на секунду оторвался листка с вопросами. Митраисты давно требовали, чтобы речевые обороты, ставящие под сомнения ключевые положения их религии — вроде «якобы наблюдавшегося события» — были вычеркнуты из всех учебников истории. Препирательства на эту тему велись уже не первый год, но, к счастью, у нас светское государство и каких-то особых подвижек в пользу «культурообразующего вероисповедания» не наблюдалось.

Вопрос: В каком году образовалось Вестготское королевство? Где проходили его границы?

Ответ: В 90 г. от Сошествия, когда Эйрих Первый провозгласил себя независимым королем. При нем Вестготия занимала большую часть Пиренейского полуострова и западную часть современной Франции. При его сыне, Аларихе II, владения вестготов еще больше расширились, включив в себя так же Северную Африку.

Скосив глаза, я заметил, что в комнате появился легкий дымок. Белый, едва заметный дым, похожий на витиеватый шлейф от горящей сигареты — но никак не желающий рассеиваться, равномерно распределяясь в окружающем пространстве. Белые полупрозрачные ленты двигались в воздухе изящно и неуловимо, словно морские змеи.

Я вернулся к билетам...

Вопрос: Какой год принято считать годом образования Норригского государства и почему? Каковы были причины его возникновения?

Ответ: 904 от Сошествия, когда была подписана «Новгардская уния», объединившая Швецию и Новгардскую республику в одно государство. Причины объединения: шведские короли, незадолго до этого покорившие финские земли, искали союзника на юго-востоке; в то время как Новгарду, желавшему сохранить свою самобытность, требовалась помощь для противостояния набиравшему силу Московскому ханству.

...Со стороны подоконника послышалось чавканье. Повернувшись, я увидел сотканное из тусклого белого света существо, похожее на смесь ящерицы и головастика. У него были только две короткие неуклюжие лапы, вытянутое тело, переходящее в мощный хвост, и множество тонких отростков вдоль туловища — то ли сенсорные волоски, то ли какие-то загадочные астральные плавники. Морда определенно принадлежала пресмыкающемуся, хотя в ней было и что-то от собаки. Немногим больше метра в длину. Средняя часть тела покоилась на батарее, задняя раскачивалась в воздухе, словно паутинка, колеблемая малейшим движением воздуха, когтистые лапы вцепились в подоконник, а морда уткнулась в чашу с кровью и молоком. Белесого дыма в комнате стало меньше, он как будто бы весь сосредоточился в одном месте, вызвав прямо из воздуха это странное чудо. Ярдзич не отрывался от чашки, пока не вылакал все, что было, но все это время левый его глаз шарил по комнате, периодически останавливаясь на мне. Что делал правый, не знаю, но могу предположить, что точно также лихорадочно осматривал территорию за окном.

Когда он поел, то отпихнул чашку и довольно заскользил по полу. Я

ощутил его томление — с самого начала нашего знакомства его эмоциональный настрой я определял безошибочно. Кровь и молоко — лишь две трети его рациона. Последней третью было желание. Когда он выберется отсюда, то найдет женщину, расставшуюся с любовником или потерявшую мужа, проникнет в ее дом, и по дороге сна выведет ее из унылой человеческой реальности. Женщина увидит серию ярких, волнующих снов, а будет ли их характер в большей мере развратным или романтическим, или же совместит первое со вторым — зависит не столько от Ярдзича, сколько от нее самой. Ее нерастраченная сексуальная энергия надолго напаяет смока, а когда он уйдет, она еще много недель будет вспоминать ту волшебную ночь и даже не взглянет в сторону обычных мужчин...

— Здесь была девушка, которую ты запретил трогать, — сообщил Ярдзич. — Она пыталась приманить меня.

Я улыбнулся. Значит, он все-таки ее слышал...

— Тебе помешало стекло?

— Нет. Есть и другие пути проникнуть в дом.

— Тогда почему ты не принял подношения?

— Твой запрет.

— Я запретил влиять на нее, а не принимать от нее дары.

— Как я мог войти в ее мир, не влияя? Даже от одного только наблюдения за ней мне делалось дурно. — Пожаловался смок.

Я задумался. Смок весьма трепетно относился к своей персоне, но насколько в данном случае его страдания преувеличены? Не могло ли быть так, что я наложил на него заклятье, не вполне осознавая, что делаю? Мой приказ, совмещенный с усилием воли, породил барьер, преодолеть который Ярдзич не смог бы, даже если бы пожелал?.. Могло ли такое случиться? Я знал, что далеко не всегда способен контролировать свои способности: я пользовался ими столь же естественно, как и своим телом, но не все мои действия были полностью осознаны и не всегда я мог приложить именно то усилие, которое требовалось, не большее и не меньшее. Ситуация осложнялась еще и тем, что разные существа обладали различной восприимчивостью к моему влиянию. Я всегда легко находил общий язык со змеями и ящерицами, а вот с теплокровными такой внутренней связи не было, мне приходилось ломать их для того, чтобы чего-то добиться. Такой же неопределенной ситуация была и в мире духов. Горгона плевать хотела на мои запреты, и поэтому пришлось ее уничтожить, зато смок, забавная астральная змеящерка, явно выделял меня из человеческого рода. По непонятным причинам мой приказ имел

для него определенное значение, и дело было не только в том, что я лишу его жратвы в случае нарушения запрета. Он мог находить пропитание и без моей помощи — как, собственно, и делал до нашей встречи. Со стороны процесс этот выглядел не слишком привлекательно, потому что кровь и молоко он мог употреблять только вместе, но не по отдельности (к счастью, для этой цели ему больше подходили коровы, а не женщины, и в наш рациональный век пропажу молока и поврежденное вымя фермеры списывали на какие-нибудь рациональные причины, не выискивая иных).

— Ну хорошо, — сказал я. — Теперь ты сыт?

— О, да. Благодарю.

— Тогда освободи помещение. Мне нужно заниматься.

Когда смок ушел, я включил компьютер. В почтовом ящике обнаружилась пара десятков писем — в основном, спама, но были и те, которые стоило просмотреть, а на некоторые можно было даже ответить. Чтобы не скучать, я залез в папку с аудиофайлами и ткнул на первую попавшуюся песню. Из динамиков полилась протяжная плавная мелодия, стилизованная под старинные русские распевы.

Ах, иначе в былые года
Колдовала земля с небесами,
Дива дивные зрелись тогда,
Чуда чудные деялись сами...
Позабыв Золотую Орду,
Пестрый грохот равнины китайской,
Змей крылатый в пустынном саду
Часто прятался полночью майской.
Только девушки видеть луну
Выходили походкою статной,
Он подхватывал быстро одну,
И взмывал, и стремился обратно.

В моем аудиоархиве — не так много песен, и эта — одна из любимых. Чем-то она задела меня еще в самый первый раз, когда ее услышал, и продолжает цеплять до сих пор. Она стала одной из причин, побудивших меня приручить и откармливать смока — было интересно, сможет ли он когда-нибудь вырасти до размеров существа, о котором поется в песне?.. Сомнительно, конечно, но вдруг...

Как сверкал, как слепил и горел
Медный панцырь под хищной луною,

Как серебряным звоном летел
Мерный клетот над Русью лесною:
«Я красавиц таких, лебедей
С белизною такою молочной,
Не встречал никогда и нигде,
Ни в заморской стране, ни в восточной.
Но еще ни одна не была
Во дворце моем пышном, в Лагоре:
Умирают в пути, и тела
Я бросаю в Каспийское Море.
Спать на дне, средь чудовищ морских,
Почему им, безумным, дороже,
Чем в могучих объятых моих
На торжественном княжеском ложе?
И порой мне завидна судьба
Парня с белой пастушеской дудкой
На лугу, где девичья гурьба
Так довольна его прибауткой».

Последний куплет. Я невольно напрягся. Мне не нравилась концовка песни.

Эти крики заслышав, Вольга
Выходил и поглядывал хмуро,
Надевал тетиву на рога
Беловежского старого тура. [\[1\]](#)

В отличие от змея, Вольга не вызывал никакого сопереживания, ни на грамм. Почему-то он казался не благородным героем, а мрачной аллегорией смерти, неким демоническим разрушителем, кладущим предел той замечательной эпохе, когда по небу летали драконы, а глубинах еще не загаженного нефтью и бакинскими отходами Каспия красавицы спали вечным сном в окружении фантастических существ.

Последние распевы «Змея» совпали с трелью мобильного телефона. Высветившийся номер мне ничего не сказал, а вот голос я узнал сразу. Видимо, Густав звонил из управления.

— Говорят, ты сбежал из больницы, — это прозвучало вместо приветствия. Хмурый и слегка недовольный тон, как всегда.

— Добрый день, Густав. — Я улыбнулся. — Как поживаешь?

Я знал, что мой доброжелательный голос его не обманет. Густав

недолюбливал меня, я знал об этом, а он знал, что я знаю. У нас были довольно странные и в чем-то забавные отношения, потому что с одной стороны он считал, что такие как я не должны жить вообще (в свое время он настаивал на том, чтобы просто пристрелить меня, а не обучать в ШАДе; к счастью, герр Рихтер его не послушал), а с другой — он был мне кое-чем обязан... сильно обязан. При иных условиях я бы не обратил на него внимания: людей, испытывавших ко мне негативные чувства, всегда хватало. Но внутренний конфликт сделал Густава интересным объектом для наблюдения. Со своей стороны Густав так же регулярно искал повода для встречи — возможно, хотел разобраться в своем отношении, а возможно — отыскать способ вернуть долг. Да, последний вариант был бы для него оптимальным: это вернуло бы ему внутреннее спокойствие и позволило бы вновь сделать отношение ко мне максимально простым. Но случая никак не выпадало, и хотя он оказал мне пару услуг, сделанное явно не тянуло на то, чтобы уравновесить некогда спасенную жизнь. Вся эта канитель продолжалась уже больше года. Мне было любопытно, насколько она еще затянется и к чему все придет.

— Спасибо, неплохо, — смешок в трубке. И, после паузы:

— Нам нужно встретиться и поговорить.

Меня насторожил его тон. Это не приглашение в бар и не предложение заехать в управление по какому-то пустячному поводу. И говорить мы будем явно не о том, почему я прогуливаю лекции по криминалистике уже второй месяц подряд.

— Что-то серьезное? — Спросил я.

— А ты как думаешь? — Теперь его тон стал снисходительным. Как будто бы я что-то пропустил и не заметил чего-то очевидного и важного. Это мне уже совсем не понравилось.

— Густав, не томи. В чем дело?

— Не телефонный разговор. Приезжай завтра.

— Если это так важно, могу и сегодня.

— Нет... — Короткий вздох. — Завтра. Сегодня график совсем плотный... кто же знал, что ты выйдешь из больницы так скоро...

— Когда именно завтра?

— В середине дня. Пока не могу сказать точно. За тобой приедут.

Короткие гудки. Сделав гримасу, я несколько секунд разглядывал мобильник. И что все это значит?.. Ладно, завтра узнаем.

Я вернулся к билетам и занимался часа два, а когда даты, имена и события начали смешиваться в одну кашу, сходил в магазин и основательно закупились продуктами. Ночью мне приснился Китай — один

из тех повторяющихся снов, благодаря которым я точно знал, что живу в этом мире уже не в первый раз. Опять нахлынуло щемящее чувство — как будто бы во сне я прикоснулся к раю, который давным-давно потерял. При этом я точно знал, что та, далекая жизнь, никогда не была раем — и хотя под ее конец я стал довольно-таки важной шишкой, вечная война — как с внешними врагами, так и с интриганами, желавшими отнять у меня власть — не останавливалась ни на минуту. И все же, там было что-то очень важное, какая-то часть меня, которую я утратил и никак не мог вернуть. Настало утро, и трель будильника вырвала меня из страны сновидений, а перед глазами, тая в будничной обстановке современности, все еще текли бесконечные колонны войск, над которыми развивалось знамя с изображением дракона.

8

Обещанная машина прибыла в полвторого, а в два я уже входил в массивное здание Центрального Полицейского Управления Эленгарда. Как всегда, внизу было шумно и многолюдно. Мне выписали временный пропуск и сообщили, где располагается кабинет Густава — последнее, впрочем, я и так хорошо знал.

На пятом этаже было намного спокойнее. И уютнее. Тут обитало начальство. Беззвучно работали кондиционеры, звуки шагов полностью заглушались мягким ковром. Стены и перегородки из прозрачного пластика. Если бы не жалюзи и занавески, обеспечивавшие уединение тем обитателям кабинетов, которые желали этого, можно было бы, наверное, одним взглядом окинуть весь этаж.

Густав был не один. Более того, он сидел не на своем месте, а занимал одно из гостевых кресел. За его собственным столом расположился мой наставник, герр Рихтер Эзенхоф.

Вообще, полицейское управление имело свою собственную иерархию и, хотя и сотрудничало с ВЕСБ, последней ни в коей мере не подчинялось. Но это внешняя, формальная сторона вопроса, которая так же «верно» отражала настоящее положение дел, как и скромная официальная должность герра Рихтера — его реальное влияние в Восточной Европе. Внутренние связи были намного сложнее, но каковы они, и куда сходятся все ниточки, знали очень немногие. Густав — знал. Он не был психокинетиком, но неоднократно посещал ШАД, находился в курсе тех паранормальных проблем, с которыми мы периодически сталкивались, и даже участвовал в решении некоторых из них. В последний раз это едва не стоило ему жизни. Не думаю, что он был в восторге от сверхъестественного. Полагаю даже, он был бы только рад, если бы в один прекрасный день все чудеса и все волшебные создания попросту исчезли бы из нашего мира. Но поскольку Густав являлся прагматиком, а магическим существам было глубоко наплевать на его желания, он вынужденно смирялся с их существованием и молча делал свою работу. Хотя нет, не молча. Периодически, он принимался ворчать и тихо ругаться.

Я поздоровался — сначала с герром Рихтером, затем с Густавом.

— Присаживайся, Дил, — герр Рихтер кивнул на пустовавшее кресло, расположенное напротив и справа от стола (то, которое занимал Густав,

находилось слева). Я последовал приглашению, гадая, для чего меня вызвали. Появилась какая-то пугающая аномалия, которую требовалось изучить? Чудовище, которое нужно уничтожить? Сильный и харизматичный лидер, занимающий высокий должностной пост, чью волю требовалось сломать? Своих воспитанников герр Рихтер готовил для самой разнообразной работы. Моя работа меня вполне устраивала.

Недолгое молчание завершилось, когда герр Рихтер взглянул на настоящего хозяина кабинета и произнес:

— Расскажи ему.

Густав не стал ходить вокруг да около, а просто сказал:

— Мы думаем, что взорвать в поезде пытались тебя.

— Меня? — Я фыркнул. Предположение выглядело нелепым. У меня не было врагов... по крайней мере, готовых совершить такое покушение. Нет, конечно, многие меня недолюбливали. Некоторые даже ненавидели. Но способных на такой поступок... нет, таких я не мог припомнить.

— Давай сначала. — Сухо произнес герр Рихтер.

Я быстро спрятал улыбку. Пусть это и нелепость, но демонстрация пренебрежительно-легкомысленного отношения к словам этих двоих может привести к тому, что меня воспримут как бестолкового подростка и вовсе не захотят делиться какой-либо информацией. Меня такой исход совершенно не устраивал. Тем более, что им, похоже, было что сказать. Пусть даже сделанные ими выводы и неверны, но были же какие-то факты, которые привели их к этим выводам? Ну что ж, послушаем...

— Да, начнем сначала. — Густав вздохнул. — Думаю, ты еще не забыл то происшествие в декабре, когда в мексиканском ресторанчике тебя едва не пристрелил снайпер?

— Не забыл. — Я по очереди посмотрел на Густава и герра Рихтера. — Но мне сказали, что целью был не я, а какой-то мелкий мафиози. Которого, собственно, и убили. А я лишь случайно оказался на линии огня.

— Да, я помню, — Густав устало протер глаза. — Такова была первоначальная версия. Убит Энрике Флечтон, когда-то — обычный сутенер, а ныне... или, точнее, перед смертью — владелец нескольких публичных домов в Центральной Европе. Что мы должны были подумать? Человек с кем-то не поделился, за что и был убран. Однако во время расследования...

— Стоп. — Сказал я. — А почему мне об этом рассказываешь ты, Густав? Насколько я помню, расследованием занялась ВЕСБ как раз по причине того, что в ходе этого преступления едва не был убит ученик школы «для особо одаренных», а вся информация, связанная с ШАД,

считается засекреченной...

И я опять посмотрел на герра Рихтера.

— Мы вели расследование, — произнес мой наставник прежде, чем успел ответить тот, кому формально адресовался вопрос. — Но Густав решил проявить инициативу. — Усмешка. — Начав собственное расследование и, по сути, повторив путь моих людей.

— Вау!.. — Сказал я. А что я еще мог сказать? То, что казалось мне до сего дня досадной неприятностью, привлекло внимание мощнейших государственных организаций. Какие ресурсы, сколько десятков людей было задействовано в этих двух расследованиях, одно из которых, если верить Рихтеру, дублировало другое? Чрезмерно серьезное отношение к смерти сутенера вызывало недоумение. Что же они там накопили?..

Я опять посмотрел на Густава. Он казался смущенным. «Решил проявить инициативу...» Выходит, ему намекнули, чтобы он не лез в это дело, а он полез и начал копать сам. А может быть, поэтому мы сейчас вообще разговариваем? Если настоящей целью снайпера должен был стать не Энрике Флечтон, а я сам, мой наставник мог и умолчать об этом. Из самых лучших побуждений. Просто, чтобы обезопасить меня... и себя. Я ведьотреагирую остро, это и ежу понятно. А затем, оказавшись один против сильного и многочисленного противника, перестану выбирать средства борьбы. В результате мой «адекватный ответ» на угрозу может стать таким, что привлечет слишком много внимания, начнется шумиха, люди с паранормальными способностями перестанут быть достоянием одних фантастических фильмов и книг, засветится ШАД — в общем, произойдет много такого, чего герру Рихтеру совершенно не хотелось бы. Поэтому лучше мне ни о чем не сообщать, выдвинув успокаивающую, но насквозь фальшивую версию событий. Уверен, именно так он и мыслил. И этот план прекрасно работал до тех пор, пока в дело не влез Густав, с его нелепым чувством долга и еще более нелепым желанием во что бы то ни стало оказать мне услугу, способную уравновесить то, что когда-то сделал для него я. Слишком много людей оказалось вовлечено, чтобы скрывать все это и дальше... особенно теперь, после взрыва в поезде. Тут наметилась еще одна цепочка интересных размышлений, но додумать ее я не успел, потому что Густав, наконец, оборвал затянувшуюся паузу, откашлялся, и продолжил:

— Людей, которые крышевали бизнес Энрике, он вполне устраивал. С конкурентами он также договорился о границах. Было подозрение, что его могли заказать по личным причинам, но после тщательной проверки отпала и эта версия. Конечно, мы что-то могли упустить. Самого снайпера

так и не нашли, и сомневаюсь, что когда-либо найдем. Не думаю, что он до сих пор жив.

— Не пойму, — сказал я. — Так что же заставило вас думать, что этот сутенер был не целью, а случайной жертвой?

— Это же очевидно, Дильгерт, — вполголоса произнес мой наставник. Я хотел спросить, что именно ему очевидно, но не успел, потому что герр Рихтер вдруг отодвинул ящик стола, молниеносным движением руки схватил лежавший там пистолет и выстрелил мне в голову.

Нет.

Выстрела не было.

Мир стал неправильным в тот момент, когда его рука еще только начинала движение к лежащему в ящике и уже снятому с предохранителя оружию. Снайпер, стрелявший два месяца тому назад, был слишком далеко и не оставил мне выбора — чтобы выправить «вывих мироздания», я мог сделать только одно: уйти с линии огня. Сейчас же выбор был. Не обязательно было уклоняться, чтобы остановить источник дисбаланса в окружающем пространстве и вернуть все к исходному равновесию. Сила вырвалась из меня еще до того, как палец герра Рихтера коснулся курка — навстречу угрозе. Он нажал на курок, но выстрела не произошло. Осечка. Еще осечка. И еще.

Герр Рихтер улыбнулся, поставил пистолет на предохранитель и убрал его в кобуру под мышкой.

— Помнишь наши уроки? — Спросил он. — Бои вслепую?

Я кивнул, хотя моего ответа, в общем-то, и не требовалось.

— Ты чувствуешь угрозу лишь в том случае, если желание переходит в намерение, которое приводит к действию. Просто желания убить тебя ты не ощутишь или, максимум, почувствуешь чужое раздражение. Да что я говорю! Большинство обитателей ШАДа — может быть, все, кроме Бьянки — мечтали о том, чтобы поставить тебя на место. Но ты реагировал только тогда, когда желание переплавлялось в поступок. Пока кто-то сидел в уголке и тихо ненавидел тебя, ты не обращал на него внимания. Но стоило кому-то схватить вазу и швырнуть тебе в голову — ты сразу отвечал. Видимо, в тот момент, когда желание перестает быть просто «хотением», становясь намерением, ищущим способа немедленно воплотиться, мозг агрессора излучает какие-то особые волны, которые ты — на внесознательном уровне — улавливаешь, переводишь в понятный для себя образ «неправильного мира» и реагируешь в ответ.

В этом что-то было... Но с вазой он переборщил. В меня никогда не кидали вазой. Не помню такого. Один раз кинули стаканом. Кстати, кидала

Бьянка, и ее я простил. Тем более, когда стакан лопнул в воздухе, осколками ей порезало щеку и руки, и пришлось срочно звать школьного врача, чтобы она не истекла кровью. Еще раз, помню, бросили обломок кирпича... Он тоже лопнул на середине полета.

— Ты бы почувствовал угрозу лишь в том случае, если бы тебя собирались убить, — продолжал герр Рихтер. — Именно тебя, а не какого-то там сутенера. Более того, если бы стреляли в него, а ты случайно оказался бы на линии огня, твоя интуиция могла бы и подкачать.

— Это единственный аргумент в пользу того, что охотились именно на меня или есть еще?

— Профессионализм исполнения. — Опять заговорил Густав. — Оружие, которое мы нашли на месте, подготовка преступления, сокрытие следов — все это говорит о высоком профессиональном уровне как исполнителя, так и организатора. Такое убийство стоит больших денег. Слишком много за бывшего сутенера. Если бы Энрике действительно хотели убрать, наняли бы какого-нибудь безработного византийца, который за сотню крон пристрелил бы его на автостоянке. Большого он не стоил.

На некоторое время в разговоре образовалась пауза — мне давали возможность обдумать и усвоить все вышеизложенное. Пришла мысль, что вообще-то, до сих пор у меня не было причин не доверять выводам Густава и герра Рихтера. Кроме того, я давно привык жить в атмосфере враждебности и страха, которые время от времени выливались в агрессию, направленную окружающими меня людьми на то, что внушало им страх. Другими словами, на меня. Люди боялись того, чего не понимали и что не могли контролировать; мне было наплевать на их правила, на их мораль, религию и этику; я был опасен для них и за прошедшие годы (а может быть, века? ведь это была не первая жизнь и сильно сомневаюсь, что в предыдущих я был более благодушен) свыкся с их ненавистью и враждой: такое отношение казалось привычным. Поэтому идея о том, что кто-то охотился лично за мной, действуя с максимальным профессионализмом, что кто-то не достиг успеха в организации моего убийства лишь потому, что сыграли такие факторы, появления которых охотник не мог предвидеть — эта мысль не показалась мне чересчур странной.

— Стрелка так и не нашли? — Спросил я.

Густав покачал головой.

— И вряд ли когда-нибудь найдем. — Добавил он.

— Думаешь, его убрали?

— Нет, я думаю, ему выписали премию за проваленную операцию. —

Искривившая его губы усмешка на мгновение обнажила пожелтевшие от никотина зубы.

Опять пауза — Густав и герр Рихтер молчаливо предлагали мне возразить или озвучить вопросы, если таковые возникли, но у меня вопросов не было... пока. Мне было интересно, что еще они скажут.

Когда молчание совсем уже затянулось, герр Рихтер заговорил:

— И в связи с тем, что ты только что услышал, недавние события также... заставляют смотреть на них немного по другому.

Я понял, о чем он говорит. Действительно, если то происшествие в мексиканском ресторанчике не было случайной неприятностью, то и цель взрыва в поезде можно было уже не искать. Возникло неприятное ощущение... Тот, кто хотел меня убить, на этот раз подготовился более тщательно. И на этот раз он был намного ближе к цели.

— Я не чувствовал там никакой угрозы. — Задумчиво произнес я.

Герр Рихтер кивнул, как будто ничего другого и не ожидал услышать. Густав поднялся, взял со стола бумажную папку и протянул мне. Внутри обнаружилось досье на некоего Лассе Халонена, финна по происхождению, безработного, проживающего со своей матерью в Эленгарде, двадцати семи лет от роду... Прикрепленную к углу листа фотографию я уже видел — только не на бумаге, а в цифровом изображении, когда герр Рихтер расспрашивал меня в больнице. Тот самый парень с большим рыжим чемоданом, занявший место в середине вагона, в котором я ехал.

— Ни образования, ни специальности, — сказал Густав. — Бывший наркоман. Постоянной работы не имел, перебивался случайными заработками либо просто валял дурака. Его мать рассказала, что в последние дни он был очень горд и доволен собой — нашел непьющую и хорошо оплачиваемую работу курьера. Нужно было всего лишь развезти «документы» и «образцы товаров» в соседние города. Ему купили билет, проследили, чтобы он вовремя пришел на вокзал и вручили закрытый чемодан перед тем, как посадить на поезд.

— Похоже, на этот раз они хорошо подготовились... — Задумчиво сказал я.

Густав кивнул и сказал:

— Тот, кто охотится за тобой, учится на своих ошибках.

— Дил... у тебя самого нет никаких предположений, кто бы это мог быть? — Спросил меня герр Рихтер.

Я покачал головой.

— То, что меня кто-то не любит, не удивляет. Но человека, который

при этом еще и смог бы организовать два таких покушения, мне трудно представить. По первому впечатлению, дело это не личное...

— А какое же тогда?

— Профессиональное. Кто-то узнал о ШАД и сделал свои выводы относительно того, с какой целью там обучаются люди с врожденными паранормальными способностями. Очевидно же, что в ближайшие годы Вестготия присоединится к Восточно-Европейскому Союзу. Что дальше? Америка, Азия... Кому-то идея такого объединения могла и не понравиться, особенно если этот «кто-то» узнал о том, что ключевые фигуры в аппарате управления подвергаются гипнотической обработке, обеспечивающей их лояльность и исполнительность.

— Другими словами, удар нацелен не на тебя, а на меня? — Герр Рихтер мягко улыбнулся, а вокруг его глаз собрались морщинки. Похоже, мои слова чем-то ему понравились.

Я пожал плечами.

— Это кажется более вероятным, чем какая-то «личная месть».

— Думаю, ты угадал верно.

— Тогда вопрос к вам: кто это?

Он на секунду отвел глаза, а когда вновь посмотрел на меня, стало ясно: он что-то знает или предполагает, но говорить об этом не станет.

— К сожалению, этого установить нам пока не удалось...

— Даже предположений нет?

— Есть. Но обсуждать их пока преждевременно.

— Бросьте. Я имею право знать.

— Дил, — мой наставник откинулся на спинку кресла. — Я достаточно хорошо тебя знаю. Ты не станешь сидеть сложа руки...

— Верно.

— ...а вместо этого пойдешь и разворошишь осиное гнездо. А потом окажется, что я ошибся. Да, такое тоже может быть, потому что нет уверенности, что мы правильно оценили угрозу. И что в итоге? Мы будем иметь совершенно ненужную ссору с весьма влиятельными и могущественными людьми.

Я покачал головой:

— Кого вы так боитесь?

— Дело не в страхе, — спокойно ответил герр Рихтер, и стало ясно, что моя провокация не удалась. — А в естественном желании не создавать лишних проблем на пустом месте.

— Следующее покушение может оказаться удачным, между прочим.

— Именно поэтому с этой минуты тебя повсюду будет сопровождать

охрана.

— Я против. Категорически.

— Не глупи.

— Если что-то произойдет, телохранители только помешают. Лишат мобильности. В том же поезде мы просто взорвались бы все вместе — и толку?.. Да и не пошел бы я за горгоной, если бы был не один.

— О поездках в таком транспорте теперь придется забыть. — Подал голос Густав.

— Если мне дадут права на месяц раньше, я не буду возражать.

— Тебе дадут не права, а бронированный автомобиль с персональным водителем и парочкой накаченных ребят в сопровождении. — Жестко сказал герр Рихтер. — И это будет только видимая часть айсберга. Тебя буду сопровождать и другие люди и вести постоянное наблюдение.

Я представил, во что превратится моя жизнь при таком развитии событий, и покачал головой. Какова бы ни была угроза, прятаться за чужими спинами — это не для меня. Это претило тому положению в мире, которое я для себя определил. Помимо того, что я не верил в эффективность охраны, я периодически лазал по таким местам, попадать в которые обыкновенному человеку не рекомендуется ни при каких обстоятельствах. Телохранители там будут только обузой. И что же теперь, отказаться от исследования пространственных складок и реальностей, соседствующих с человеческим миром, избегать встреч с демонами и духами, никуда не ходить в одиночку, огородить себя от окружающего мира стеной из чужих мышц и бронежилетов только потому что появился какой-то урод — или целая организация уродов, которые вообразили себя охотниками, а меня — дичью? Нет, я не буду прятаться. Я найду эту организацию сам. И когда я доберусь до людей, решивших испортить мне жизнь, они горько пожалеют о том, что затеяли свою игру.

— Нет. — Я посмотрел герру Рихтеру в глаза. — Телохранители мне не нужны. И я хочу сам водить свою машину. А не кататься в ней, как пассажир.

По моему взгляду он понял, что спорить бесполезно. Его авторитет учителя имел свои границы, и он не был таким идиотом, чтобы начать проверять, где же они проходят.

— Это ребячество...

— Это мой выбор.

— А у тебя он есть? — Хмыкнул Густав. Я перевел взгляд на него, и он тоже все понял. Улыбка сползла с одутловатого лица, а кадык судорожно дернулся вниз. Пухлый рот несколько раз открылся и закрылся, как будто

бы Густаву было трудно дышать. Я не хотел пугать его и не собирался вредить. Просто... попытками указывать мне, что делать и как дальше жить они меня порядочно разозлили — в результате чего, социальная маска, которая так заботливо лепилась директором ШАД и его подручными вот уже шесть лет, слегка подтаяла, а наружу выглянуло мое настоящее «я». Выглянуло совсем на чуть-чуть, но этого было достаточно, чтобы напомнить им, что я не подросток, не их подчиненный, и даже не рядовой воспитанник школы для детей со сверхъестественными способностями. Я знал, какое впечатление произвожу на людей, когда маска падает и семнадцатилетний юноша оказывается... чем-то другим. Вряд ли это «что-то» можно назвать человеческим. Оно не умеет любить, не умеет действовать рассудочно и разумно, не способно жить в каком-либо обществе. Оно не планирует действий, оно сразу действует. Ему недоступно и неинтересно почти все, чем заполнена жизнь обыкновенного человека, зато оно умеет подчинять и убивать, заставляя сердца и летящие камни лопаться, словно изделия из хрупкого стекла под ударом молота.

— Конечно же, Густав, у меня есть выбор.

Я постарался, чтобы эти слова прозвучали максимально доброжелательно.

9

Выходя из здания, я ощутил укол раскаяния из-за того, что сорвался. Хищник уполз в свою нору, его место опять заступил человек, и человек был недоволен упущенными возможностями. Густав и герр Рихтер, не смотря ни что, все же, на моей стороне, а я, вместо того, чтобы выведать побольше полезной информации, стал скалить зубы и сделал невозможной какую-либо дальнейшую конструктивную беседу. Хищнику («крокодилу», как когда-то обозвала мою темную сторону Бьянка), понятное дело, было плевать, но человеку — нет, и всю дорогу обратно я мысленно прокручивал недавний разговор, пытаюсь понять, что от меня хотели скрыть и как могла бы сложиться беседа, поверни мы в ином направлении в какой-либо ее точке. Информации было слишком мало. Кто-то хочет меня убить, и чем дальше, тем меньше этот кто-то стесняется в средствах. Наставник знает — или подозревает — кто это может быть, но прямого столкновения допускать не хочет. Последнее было очень странно, потому что мне трудно было представить какую-либо силу или организацию в этом мире, которая могла бы заставить герра Рихтера считаться с собой. Я говорю о человеческой реальности, конечно. За ее пределами было море неизвестного и множество чрезвычайно опасных сил и существ... Между прочим, а может быть, в этом все дело? Я повертел эту мысль так и сяк. Может быть, враг герра Рихтера, о котором он не хотел говорить, вовсе и не человек? Однако, во всех покушения, производившихся на меня, не было и намек на сверхъестественное. Тогда что это? Террористическая организация, узнавшая про ШАД и поставившая своей задачей уничтожение наиболее опасных ее воспитанников? «Дружелюбный привет» от Вестготии, не желающей мирно вливаться в состав Восточно-Европейской Конфедерации? Не думаю, что ее разведка работала столь плохо, чтобы не знать, к кому в конечном итоге вели все ниточки грядущего объединения, и те, кто были против слияния, могли попытаться изменить ход игры, устранив с поля если не самого герра Рихтера, то хотя бы его ближайших учеников и агентов... Эта версия выглядела весьма правдоподобно, но меня не оставляло ощущение, что я упускаю что-то важное.

Мучительные размышления прервал звонок мобильного. Это была Бьянка. Она уже знала, что я свалил из клиники — мы около получаса

болтали утром по скайпу — и звонок спустя несколько часов меня слегка удивил. Что-то случилось?..

— Привет.

— Приветик. Дил, ты завтра очень занят?

Я на секунду задумался. Кроме подготовки к экзаменам на завтра, кажется, больше ничего запланировано не было. Таинственные убийцы из не менее таинственной организации отступили на второй план. Конечно, это не та проблема, от которой можно просто отмахнуться, но прямо сейчас в голову не приходило ни одного способа, с помощью которого можно было бы на эту организацию выйти, и поэтому я сказал:

— Не особенно. А в чем дело?

— Завтра четверг. — Напомнила Бьянка так, как будто этот день недели имел какое-то особенное значение.

— И?..

Я услышал, как она вздохнула, смирившись с тем, что придется опять говорить о вещах, ей самой казавшихся важными и очевидными.

— Занятия со средней группой.

— Я тут при чем?

— Вообще-то, мы все должны участвовать в обучении малышек, — заявила она, обиженная отсутствием какого-либо энтузиазма в моем голосе.

— У меня нет педагогического таланта.

— Перестань.

— Нет, я серьезно.

— Дил... я могу рассказать им про Трещины, но кто их покажет, кто проведет, научит чувствовать, где они начинаются, продемонстрирует, как найти вход и как выбраться обратно? Я боюсь туда идти одна, а тем более с кучей детишек. Вит Трещины чувствовать почти не умеет. Марта уехала. Герр Рихтер... ты сам знаешь, как занят директор. Кто еще? Больше никому. Старшекурсников нет. Мы и есть сейчас самые старшие. Мы трое.

Мне стало ясно, что отвертеться не удастся. Что было печально, потому что я терпеть не мог обучать детишек из младших классов. Дети, собранные в кучу, периодически будили во мне желание придушить одного или двух в назидание остальным. К сожалению, этого нельзя было сделать — Бьянка из смерти пары никчемнышей наверняка бы развела мировую трагедию, а реакция директора могла стать и вовсе непредсказуемой, учитывая, как он дорожил каждым учеником. В результате возникал внутренний конфликт — омерзительная штука для людей вроде меня, желающих видеть свой мир — как внешний, так и внутренний — ясным,

чистым, простым и целостным.

— Ну хорошо. — Я тяжело вздохнул. — Во сколько?

— В двенадцать. Но приходи пораньше.

— Нет. Ты в своем уме? День — худшее время для хождения по Трещинам. Тем более в первый раз.

— Да, я знаю, ты любишь бегать по Трещинам ночью, когда их полно и все они кишат невообразимыми чудищами, но мы ведь хотим чему-то обучить этих ребят, а не угробить их в соседнем измерении, не так ли? — Язвительно парировала Бьянка.

— Пойдем вечером. — Предложил я компромисс. — Часов в шесть. Вечер — тоже хорошее время.

— Поздно...

— Солнце полностью скроется только через три-четыре часа, трусишка.

Бьянка немного посопела в трубку, а потом сказала:

— Ну как скажешь... — И тут же просительно добавила:

— Но может быть, все-таки чуточку пораньше? Им же ведь нужно сначала объяснить все...

— Пол-шестого.

— Ну, до завтра тогда.

— До завтра.

Убирая телефон, я выглянул в окно. Мы уже подъезжали. Выходя из машины, мимолетно подумал о том, какую замечательную мишень сейчас представляю... но интуиция молчала, внутренний мир оставался спокоен и чист, без всяких «неправильностей», а значит — в данный момент можно было не опасаться снайперов. Вообще, если охотящиеся за мной господа уже сообразили, что внимание убийцы я непременно почувствую иотреагирую (а взрыв в поезде более чем определено намекал на то, что да, сообразили), следующим логичным шагом было бы заложить бомбу под домом, где я живу. Поэтому домой заходить я не стал, а достал мобильник и позвонил своему дорогому наставнику.

Герра Рихтера мой звонок не обрадовал — кажется, я отвлек его от беседы с парочкой высокопоставленных шишек. Наскоро продиктовав номер телефона, он добавил:

— Если у тебя возникнут еще какие-нибудь идеи, звони ему же. — И отключился.

Ладно. Набираем указанный номер... и имеем познавательный разговор с человеком, который вот уже более года руководит группой наблюдения — за моим домом, моими передвижениями, кругом моего общения... даже за магазином, где я совершаю покупки.

Ларс Свенсен — так звали моего собеседника — захотел узнать, был ли мой интерес к возможности закладки бомбы под здание вызван какими-то мистическими «предчувствиями». Я заверил его, что нет. В ответ он заверил меня, что за домом ведется круглосуточное наблюдение с использованием самой современной аппаратуры, и незаметно пронести крупную партию взрывчатки в здание малореально. Хотя, если у меня все же есть «предчувствие», они немедленно проверят все здание. Я сказал «Спасибо, не надо», и отключился.

Интересно. Я и раньше знал, что за мной ведут наблюдение, но никогда не думал, что в этом участвует столько людей. Вероятно, я просто никогда всерьез не обращал на них внимания, хорошо зная, что в любой момент могу уйти в соседнюю реальность, избавившись от назойливых глаз.

Выйдя из машины, я задержался на улице. Поскольку Ларс снял мои подозрения относительно бомбы под зданием, почему бы не побаловать себя во второй половине дня? У меня в последнее время было столько негативных событий — выматывающее общение с родителями, взрыв в поезде, эта мутная беседа в полицейском управлении... Пришло время компенсировать все это какими-нибудь положительными эмоциями.

Я стоял на улице и разглядывал молодых женщин, а когда нашел ту, которая мне понравилась, то поманил ее к себе и сказал: «Пойдем со мной». Мы поднялись в мою квартиру и занимались сексом около двух часов. А что вы хотите? Мне семнадцать лет, переизбыток гормонов... Кончив в четвертый раз, я решил, что на сегодня хватит, отпустил девушку и разрешил ей убираться. В процессе одевания ее начало трясти: обыденное человеческое сознание, которое я отключил для того, чтобы ничто не мешало нашим совершенно естественным животным отношениям, возвращалось на место и пыталось осмыслить произошедшее. Не знаю, почему она так плохо восприняла случившееся: возможно, у нее был парень, которому она не хотела изменять, а возможно — была воспитана в строгой семье и имела кучу установок и предрассудков. Наблюдая ее истерику, я еще раз убедился в том, что социум калечит психику людей, заставляя их обманывать самих себя. Если бы она не хотела меня, она бы со мной не пошла. Но она привыкла себя обманывать, привыкла жить ненастоящими желаниями, чужими правилами, неизвестно кем и когда привитыми установками, и вот теперь, когда я на время убрал всю эту шелуху, она не может смириться с теми двумя часами, в которые была настоящей собой — покорной и страстной, не обремененной ни малейшей тенью мысли, великолепным раскрепощенным сексуальным животным.

Она выбежала из квартиры, а я закрыл дверь, взял из холодильника сок и котлету и пошел смотреть телевизор. Все же, обычно девушки воспринимали произошедшее не так остро. Обычно они пытались найти какое-то рациональное объяснение случившемуся, списать случайную связь на собственный каприз, а некоторые даже оставляли свои телефоны. Но я редко вызывал их во второй раз. Если я чего-то хочу, то стараюсь получить это немедленно, а ждать, пока девица разберется со своими делами, накрасится и приедет — нет, спасибо, это не для меня. Проще выйти на улицу и поймать какую-нибудь свеженькую.

Конечно, с точки зрения общественной морали мое поведение совершенно неприемлемо. Но я делаю то, что хочу, беру то, что мне нравится, и уничтожаю то, что ненавижу. Хотя герр Рихтер и убедил меня в том, что во многих случаях выгоднее мимикрировать под «нормальную» человеческую особь, подчиняющуюся правилам и социальным нормам, всегда, когда есть возможность, мне проще быть собой-настоящим, а не изображать из себя культурно-приличное не пойми что.

10

Ночью опять снился Китай, и этот сон я запомнил. Изрезанная речушками, покрытая холмами долина, и неисчислимое множество людей и лошадей... колона воинов подобно реке тянется к самому горизонту. Я нахожусь на возвышении, на одном из холмов, и, вдобавок, сижу на лошадке, которую трудно назвать красивой — зато она поразительно вынослива и неприхотлива. Я провожаю взглядом армию, которой не видно ни конца, ни начала. Позади и вокруг — мои сановники и приближенные. Я едва замечаю их. Волю некоторых из них я сломал для того, чтобы подчинить себе их армии и земли, другие присоединились добровольно. Рядом, тоже верхом — женщина. Особенная женщина. Хотя мы близки, наши отношения совершенно не похожи на те, что связывают меня с прочими женами и наложницами. Я вижу в ней союзника, а не самку, и знаю, что ее собственная сила лишь немногим уступает моей. Жаль, что во сне я не вижу ее лица.

...Проснувшись, я некоторое время лежал в кровати и думал о том, откуда проистекает моя уверенность в том, что эти сны связаны с древним Китаем, а не с какой-нибудь другой азиатской страной. Сон с колонной войск, уходящей за горизонт, снился мне уже не впервые. Он нес с собой предчувствие грозы, крови и ярости. Армию эту я ведь собирал не зря. Что с ней стало — потом, когда она повстречалась с противником, для которого готовилась?.. Я этого не знал, но, вероятно, ничего хорошего. А может быть, это Монголия? Низкорослые лошадки, доспехи и одежда почти без украшений, все предельно функционально. Люди, окружавшие меня, были азиатами, но я совсем не уверен в том, что запомнил детали их лиц.

Я встал и пошел чистить зубы, попутно размышляя о том, что стоило бы как-нибудь выбраться в Китай и проверить свои ощущения на месте. Может быть, что-нибудь всплывет и я пойму хотя бы, в какую эпоху происходило то, что я помню?..

В ШАД я приехал около четырех. Уточнил время перенесенного экзамена по экономике и заглянул в свою старую комнату. Она по-прежнему пустовала. Вещей, которые мне захотелось бы забрать в квартиру, там не обнаружилось, все ценное я уже вынес ранее, а на все остальное махнул рукой. Я не цепляюсь к вещам.

До встречи с Бьянкой и ее группой оставалось еще минут сорок, и

возникла идея навестить Вита. В жилом корпусе его не было — ни у себя, ни в буфете на этаже. Я вышел наружу и окинул взглядом территорию школы. Центральное строение, напоминающее дворец эпохи ренессанса, три жилых корпуса — для мальчиков, девочек и преподавателей, стадион, пара бассейнов, парк, за которым, если выйти за ограду, начинался лес, здание охраны... Тут Вита нет, это точно. Скорее всего, он в ангаре, возится с очередной железякой. По мощеной дорожке я обошел центральное здание, миновал стадион и лужайку, на которой медитировали ученики младших классов, прошел через участок, заполненный флаерами и автомобилями, и подошел к полукруглому металлическому сооружению. Да, Вит здесь. Я почувствовал это еще до того, как открыл дверь.

Внутри было прохладно, пахло бензином и маслом, и темноту разгонял свет электрических ламп. Я прошел по пустому пространству в центре, мимо полуразобранных машин, станков и металлолома. В углу копались техники — кажется, они даже не услышали, что в ангар кто-то зашел.

Вит сидел за столом, заваленным всевозможным металлическим хламом, в дальнем углу ангара, и сосредоточено что-то паял. Я думаю, это была очередная Неведомая Металлическая Херня, каковые он мастерил едва ли не ежедневно. Впрочем, приходится признать, что некоторые его изобретения даже были способны делать что-то полезное.

Я подошел к столу и секунд десять смотрел на него прежде, чем он почувствовал мое появление, отложил паяльник, снял защитные очки и сказал: «Привет.»

— Сидишь тут сутками, как сыч, — пожурил я приятеля. — Не скучно? Давай лучше вечером прокатимся в город, девочек каких-нибудь найдем.

— Н-нет, — Вит едва заметно вздрогнул и замотал головой. — Н-не хочу.

Вит не одобрял то, что я делаю с людьми. Вернее, его, как правило, не интересовали мои занятия — до тех пор, пока я не пытался оторвать его от его собственных. Девушек он ужасно стеснялся, перед незнакомыми людьми робел, и вместо того, чтобы преодолеть свою робость, предпочитал мастурбировать в душевой, думая, что об этом никто не знает. Я как-то вытащил его в город, зацепил двух симпатичных девиц, привел всю компанию к себе в квартиру и думал уже, что дело в шляпе и что сегодня Вит, наконец, лишится девственности, как он все испортил. Он начал ныть, задавать дурацкие вопросы, а когда одна из девочек набросилась на него и стала нетерпеливо срывать одежду — предпринял попытку смыться из квартиры. Попытку я пресек, но дальше началось нытье: «Что ты с ними сделал? Пожалуйста, отпусти их! Я не хочу!..» Он

ныл до тех пор, пока настроение у меня окончательно не испортилось, и я не выгнал девиц на улицу, поскольку ничего делать с ними уже и мне самому не хотелось.

— Я д-думал, ты в больнице, — сколько я его помню, Вит всегда заикался. Раньше — сильнее. В ШАД этот дефект речи пытались исправить, но до конца так и не сумели. — С-сказали, б-была авария.

— Я уже выписался.

— П-понятно.

— Что это? — Я показал взглядом в сторону Неведомой Металлической Херни.

— Это?.. — Вит вздрогнул. — А, это... Это психок-к-кинетический сенсор.

— Что это значит?

— Ну... с его помощью м-можно обнаруживать раз-з-зные... объекты, к-которых обычно н-не видно и вообще нет. И с-существ.

— Я думал, ты не веришь в духов.

Вит поморщился. Слово «духи» ему не нравилось. Оно было ненаучным, как и «магия». Ему не нравилось все, что нельзя было уложить в рациональные рамки. Хотя его собственный талант иначе как «магией» назвать было сложно, поскольку я лично не могу представить, какое может быть рациональное объяснение у следующей ситуации: человек садится за компьютер, включает его и спокойно чего-то там программирует несколько часов, а потом выясняется, что этот компьютер в принципе работать не может, потому что у него неисправна материнская плата, оперативной памяти нет вообще, и даже проводочки от блока питания ни к чему не подключены. Но у Вита все работало. А иногда работало очень странно, демонстрируя такие результаты, которые используемая им техника в принципе выдать не могла. Если бы он оказался голым на необитаемом острове, и имел бы при себе только два предмета: паяльник... и, скажем, электрический чайник, я бы не удивился, узнав, что он через пару часов каким-то образом сумел установить интернет-соединение. Хотя, возможно, он сделал бы себе из чайника вертолет и просто улетел бы с острова...

— Их м-можно называть и д-духами, но это не н-научно. Я с-считаю, что есть особое п-психокинетическое п-поле, в котором остаются с-следы энерг-гетических в-возмущений...

— Какие, к черту, «следы», Вил? Если бы ты видел Паука или его детенышей, которых он подсаживал к людям, ты бы забыл, что значит слово «следы», и никогда бы о нем больше не вспоминал.

Вит поджал губы и упрямо сказал:

— У этой ан-номалии тоже д-должно быть об-бъяснение.

— Объяснение, по-моему, лежит на поверхности.

— Н-нерациональные объяснения т-толкают ц-цивилизацию в п-прошлое.

— А в прошлом у нас, к твоему сведению, все было отлично, — усмехнулся я, мимолетно вспомнив песню про крылатого змея. — Были бескрайние леса, загадочные королевства, герои, колдуны и драконы. Возьми любую мифологию и ты увидишь прекрасный дикий мир, еще не загаженный человеком. А теперь возьми футуристическую литературу... не любую, не розовые сопли, а ту, которая основана на реалистичной оценке существующего положения вещей и того, во что все это в итоге выльется. И что мы там увидим? Урбанистическая планета, перенаселение, истощение ресурсов, атомный апокалипсис. Ну так нахер мне сдалось твое рациональное будущее? Иррациональное прошлое мне нравится гораздо больше.

Вит поправил очки и слабо улыбнулся.

— Д-даже если т-ты и прав, п-прогресс не остановить.

— Прогресс? А я вот сомневаюсь, что это прогресс. Я думаю, что гораздо больше это похоже на вырождение и деградацию. Остановить которые очень бы хотелось.

— Я д-думал, тебе п-плевать на людей.

— Так и есть. — Согласился я. И тут же поправился: — За немногими исключениями... Но мне не плевать на планету. И если ты согласишься не с точки зрения своего «прогресса», а с точки зрения мира в целом, то увидишь, что человечество становится больше похожим на раковую опухоль, распространяющуюся по телу планеты.

— Ты н-не любишь л-людей, но т-ты ведь и сам ч-человек.

— Я...

Я хотел ему сказать, что вовсе не уверен в этом. В ШАД меня с горем пополам научили существовать в социуме, но слишком часто я чувствовал себя волком, которого приняли в собачью стаю и научили лаять для того, чтобы не отличаться от окружающих. Если не человек, то кто?.. У меня не было ответа на этот вопрос, но иногда свое отличие от людей, свою абсолютную чуждость их муравьиноподобному миру я ощущал очень остро. Нет, я несколько не сомневаюсь в том, что мои родители — обычные люди: родинки и схожие черты лица с ходу отметают версию о какой-либо подмене. Также и в отрывочных воспоминаниях о своих прошлых жизнях: я точно также жил среди людей, моими родителями были обычные люди, у меня были дети (особенно много их было в той,

«китайской» жизни: ведь там у меня был целый гарем), и все же... и все же иногда мне казалось, что все это, все эти рождения — часть какой-то большой, растянувшейся на столетия, имитации человечности. Бывало, конечно, и наоборот. Рядом с теми, кто был мне дорог, ощущение чуждости пропадало.

Я мог бы высказать ему все это, но ничего не сказал. Это были мои собственные заморочки, мои сомнения и, может быть даже — мои фантазии, но как бы там ни было, делиться ими я не желал. Не потому, что не доверял Виту. Просто в этом не было смысла.

Я хмыкнул и сказал:

— Будем считать, ты меня подколол. Ладно. Я бы еще задержался поболтать, но Бьянка, наверное, уже собрала учеников. — В ответ на недоуменный взгляд Вита я пояснил. — Хочет, чтобы я провел с ними занятие по раумлогии. После Паука у нас проблема с преподавателями.

— А-а-а... — Кивнул Вит. — Это да... Т-тебя иначе б н-недопустили бы к ним.

Я засмеялся. Отчасти Вит прав... да что там, «отчасти»: полностью прав.

— Спасибо на добром слове. Ладно, бывай.

— П-пока.

Я вышел из ангара и направился к учебному корпусу.

На самом деле, проблема с преподавателями существовала в ШАД всегда, а Паук только еще больше обострил ее. Герр Рихтер Эзенхоф в своем роде — гений, сделавший для развития психокинетики то же, что Аристотель, Ньютон и Эйнштейн сделали для развития рациональной науки — все трое, вместе взятые. Цивилизация отбросила древние формы магии и сделала ставку на рациональное знание; Рихтер вернул древнее знание людям, разработал систему обучения, позволяющую из крошечной, едва заметной врожденной склонности развить со временем настоящий Талант. Но Рихтер был один. Отсутствие соответствующих кадров долгое время не позволяло ему развернуться по-настоящему. Он потратил годы, уча детей тому, чему научить их не мог больше никто. Да, у нас были и другие «профильные» преподаватели — разные сумасшедшие астрологи и практически ничего не умеющие экстрасенсы — но толку от них, скажу прямо, было не очень много. Рихтер прекрасно понимал это и сам. Именно поэтому, когда его первокурсники подросли, задача обучать молодежь легла уже на их собственные плечи, а неумех отстранили. Но затем объявился Паук, и ШАД оказалась отброшена на много лет назад, потому что практически все, кто обучился и вырос в Школе, кто развил свой

Талант до такой степени, чтобы можно было учить других — все они погибли.

Из следующего поколения учить были способны очень немногие. Клайва Вильсона сгубила неизвестная хворь, Марта Леонардес укатила обратно в свою Мексику, а робкого, заикающегося Вита младшие ученики просто затравили бы... да и слишком уж специфический у него был Талант, мало кто смог бы у него учиться. Оставалась Бьянка. В общем, она справлялась, но были дисциплины, в которых не разбиралась она сама. Каждый Талант имеет свою область приложения. Я не умею лечить, как Бьянка, зато она не умеет искать Трещины и перемещаться в соседние реальности. То есть, кое-как она это способна, но совершенно недостаточно, чтобы учить других или хотя бы гарантировать им безопасное возвращение в общечеловеческую реальность. И убивать она тоже не умеет.

По понятным причинам на меня в большинстве случаев обязанности преподавателя не возлагали — охотничью собаку, или тем паче, слегка прирученного волка не оставят следить за детьми — но были исключительные ситуации...

...Они стояли передо мной, все семеро, молчащие, настороженные и немного напуганные. Дети от девяти до тринадцати лет. Бьянка расположилась сбоку — присела на бетонный блок и зорко следила за тем, что я говорю и делаю.

Самый старший из них, Ольгерт Эрикссон, отвел взгляд и ссутулился, когда я посмотрел на него. Последний раз я изображал из себя преподавателя месяцев шесть назад, и Ольгерт был в той группе. Ему вздумалось похихикать над чем-то во время моего урока. Я швырнул его об стену, сломал ему несколько костей, и потащил вниз, вжимая в камень и сдирая кожу до костей. Мне наплевать, кем является тот, кто меня раздражает — ребенок это, старик, зрелый мужчина или беременная женщина. У меня нет комплексов, заставляющих подавляющее большинство людей ценить некоторых представителей своего биологического вида больше других. Я бы убил засранца, если бы меня не остановили. Герр Рихтер Эзенхоф кинулся ко мне, схватил за руки и попытался заблокировать ту силу, которая от меня исходила. Я отшвырнул и его, но он не успокоился, и полез опять, и передо мной возник выбор: идти на конфликт с Рихтером или нет. Я отступил. Прекратил давить. Когда телекинетическое воздействие исчезло, Ольгерт упал на землю. Вместо лица у него сплошное месиво из крови, грязи и лоскутков кожи. Но

он еще был жив. Я подарил его ничтожную жизнь учителю, но Рихтер, вместо того, чтобы оценить мой великодушный поступок и поблагодарить, начал орать:

— Твою мать!!! Ты что делаешь?!!

— Надо показательно убить одного, самого наглого, и тогда остальные станут паиньками, — объяснил я.

— Уйди... Уйди с глаз моих! — Отмахиваясь от меня, как от навязчивого психа (хотя это странно — может быть, с точки зрения людей, я и не совсем нормален, но уж точно не навязчив), Рихтер бросился к умирающему ученику. Чуть позже подросла Бьянка, и они вдвоем вытянули его. Позже, как я слышал, ему сделали несколько пластических операций, и даже почти вернули его физиономии прежний вид. Почти. Глядя на лицо Ольгерта, я видел целую сеть шрамов, покрывавших лицо и шею. Ну что ж... надеюсь, он не полный кретин и хорошо усвоил урок полугодовой давности.

Скользнув взглядом по лицам учеников, я еще раз оглядел место, в котором мы находились. Это была заброшенная стройплощадка на краю Эленгарда, куда всех нас, по моей просьбе, доставил школьный автобус. Конечно, мы могли поупражняться в раумлогии в лесу — лес начинался прямо за воротами парка, примыкавшего к ШАД — но зачем им лесные Трещины и знакомства со странными обитателями чужих лесов? Люди — городские жители, вот пусть и знакомятся с теми мирами, в которые можно попасть из их любимых городов.

— Я полагаю, вам всем уже объясняли, что такое раумлогия, — сказал я, мрачно рассматривая детишек. — Думаю даже, вам показали чары, меняющие восприятие так, чтобы сделать его более чувствительным к видению Трещин, которых полно вокруг нас. Верно?.. Что тебе?

Последний вопрос адресовался десятилетнему, склонному к полноте мальчишке из младшей группы. Не помню, как его звали. Бьянка представляла их всех, но я не запомнил. То ли Фрейс, то ли Фрайк, то ли еще как-то.

— Герр... учитель, — мальчик явно не знал, как ко мне обращаться. Зато он знал, кто я, и знал, что терпением я не отличаюсь. — А что такое «чары»?

Я посмотрел на него еще более мрачно, чем до сих пор, и малыш как-то сжался и отступил на полшага. Но ребенок был не виноват.

— Во-первых, меня зовут «Дильгерт». Просто Дильгерт или Дил. Я не ваш учитель и не собираюсь им быть. Во-вторых, «чарами» герр Рихтер Эзенхоф называл вербально-энергетические конструкции

психокинетического кода в те времена, когда он эти кодировки разрабатывал и шлифовал... При мне эта работа уже сворачивалась, но словечко «чары», от которого потом почему-то отказались, я запомнил, и мне нравится использовать именно его. Еще мне нравятся такие дремучие ненаучные слова как «магия», «заклинания», «колдовство» и все прочее в таком духе... Итак. Вам показывали психокинетическую кодировку для улучшенного восприятия пространственных искажений?

Теперь все закивали, а некоторые осмелели настолько, что вполголоса сказали «Да» и «Показывали».

— Замечательно. В городе полно таких проходов и сегодня я покажу, как находить их и пользоваться ими. Первое, на что стоит обратить внимание: Трещины редко возникают на пустом месте. Они всегда связаны с нашим миром и с тем, что его наполняет. Другими словами, всегда есть знаки, которые указывают на Трещину — они могут быть более или менее заметными, но они есть. Трещина всегда связана с чем-то странным. Странное расположение окна там, где его не должно быть, необычное чувство, возникающее, когда вы идете по подземному переходу, ощущение, что дверь, которую вы собираетесь открыть, ведет совсем не туда куда, по идее, она должна вести, и прочее в этом же роде — все это может указывать на то, что Трещина, вероятно, находится где-то рядом. В городе эти искажения тесно связаны с его архитектурой. Трещина — это не просто какое-то место, где происходит переход из нашей реальности в соседнюю, это еще и определенный путь в точку перехода. Это значит, что имеет важное значение, как и откуда вы к этой точке подходите. Когда вы научитесь чувствовать Трещины достаточно хорошо, вы сможете находить пути перехода интуитивно. Сейчас же вам в первую очередь нужно будет сосредоточиться на знаках. Идите за мной.

Мы пересекли заброшенную стройку, вошли под арку, оказались в небольшом каменном туннеле и почти добрались до противоположного выхода, когда я велел поворачивать обратно.

— Дил, а откуда здесь ворота с решеткой? Их же не было!.. — Пискнула одна из моих «учениц».

Я хмыкнул и открыл ворота. Когда только учишься ходить по Трещинам, воображение поражают вещи, которые то появляются из ниоткуда, то исчезают в никуда — при том никогда нельзя заметить момента, когда эта вещь пропадает или появляется, ибо восприятие человека устроено таким образом, чтобы поддерживать более-менее целостную картину мира.

За воротами обнаружилась почти такая же стройка, как та, которую мы

покинули — но все-таки не совсем такая же. Куда более заброшенная и старая. Вместо пустых окон, в которые так и не вставили рамы — разбитые и запыленные окна. Очень тихо и пыльно.

— Этот пустой район когда-то вывалился из нашей реальности. Здесь, в общем, никто не живет... разве что иногда забредет какое-нибудь заблудившееся животное. Бывают и люди, но редко. Итак, демонстрацию вы увидели, теперь ваша очередь. Помимо того входа, через который мы сюда попали, тут масса переходов — в нормальный человеческий мир и в другие. Ваша задача — их найти. Я подожду здесь. Как только что-то находите — посылаете ко мне Бьянку, я прихожу и смотрю. Друг другу вы будете только мешать, поэтому расходитесь по одиночке, максимум парами. Еще раз: вам нужно только найти Трещину, переходить не надо.

Они поначалу помялись на месте, потом начали несмело расходиться, бормоча мантру, составлявшую вербальную часть их «поискового психокинетического кода», который в этом месте должен был сыграть роль как локатора, так и ключа от двери.

Но разошлись не все.

— Дил, а как искать? — Спросил пухлый мальчик.

— Я уже все объяснил и показал. Если ты невнимательно слушал, значит, нет смысла повторять по второму разу. Не найдешь выход — останешься тут навсегда.

Распахнутые от страха глаза. Но...

...но к сожалению, тут была Бьянка.

— Не заводись, — она взяла меня за руку. — Ничего страшного не произойдет, если объяснить ему еще раз.

Я убрал руку и сунул ее в карман.

— Мне претит идея выращивания идиотов в тепличных условиях. Он переспрашивает, потому что привык к тому, что ему все разжевывают по десять раз. Пусть учится думать собственной головой.

— Знаешь, это не такой уж простой урок. А ты лишь в общих чертах обрисовал им что делать... Мог бы и подробнее...

— Я не собираюсь ничего разжевывать.

Бьянка укоризненно посмотрела на меня, а затем отвернулась и занялась учеником. Чтобы не слушать ту чепуху, которую она несла — мол, все будет хорошо, мы тебя тут не оставим, конечно же, у тебя получится найти Трещину, только не волнуйся и постарайся сосредоточиться — я стал прогуливаться вокруг свалки. Когда я сделал большой круг и вернулся на то же место, ни мальчика, ни Бьянки там уже не было. Вот интересно, почему во мне никогда не возникало желания

сломать Бьянку? Иногда она делала вещи, за которые кого-нибудь другого я бы непременно убил — или, как минимум, покалечил бы. Я опять стал размышлять над природой своих чувств к ней. Можно было бы, конечно, списать все на «влюбленность», но, насколько я помнил, и в прошлых своих жизнях я относился к женщинам — как, впрочем, и к людям в целом — приблизительно так же, как и в этой. Совсем не по-по-джентльменски. На особом месте стояла всадница, посещавшая меня в тех снах, что были связаны с древним Китаем — но и на нее я смотрел совершенно не так, как на Бьянку. Всадница была в первую очередь союзником; она была не менее опасна и сильна, чем я сам. Бьянка же была слабой и временами бестолковой. Я всегда презирал слабых и беспомощных людей. Так почему я позволяю ей делать то, что другим никогда бы не позволил? Меня беспокоил этот вопрос, потому что он был тесно связан с тем, что я есть, с моей природой. То есть, мне совершенно не свойственно так относиться к кому бы то ни было — это я понимал четко. Это было похоже на какое-то совершенно извращенное (для меня) влечение, которое возникло во мне вдруг, без каких-либо внятных причин. Может быть, она околдовала меня?.. Я покачал головой. Вряд ли. Она намного слабее меня. Да и Талант ее ориентирован совсем на другое.

Прошло минут двадцать, и детишки начали сообщать о том, что, как им казалось, могло быть Трещинами. Первым был Ольгерт Эрикссон — мой предыдущий «урок» явно пошел ему на пользу. Он больше не смеялся, и полезную информацию мимо ушей не пропускал. Ольгерт подвел меня к крышке канализационного люка и указал вниз.

— И? — Спросил я. — Что дальше?

Я произнес это без пренебрежения и агрессии, и он понял, что не ошибся в знаках и угадал верно, и теперь ему надо лишь закончить начатое. Он подобрал палку и открыл люк; кивком я велел ему лезть первым.

В вертикальной шахте, в которую мы спустились, было душно и пахло не слишком приятно. Добрались до горизонтального туннеля, и двинулись по нему, по грязному полу, между старых труб и проводов. Здесь было куда холоднее, чем наверху, и вдобавок — темно. Сконцентрировавшись, я зажег над ладонью огонь. Создавать пламя намного труднее, чем управлять или усиливать уже существующее. Вряд ли я смог бы убить кого-нибудь этим сгустком огня. Однако осветить им дорогу — вполне. Спусти двадцать метров мы увидели обитую металлом дверь. На первый взгляд, она выглядела неприступно, но запирающий механизм проржавел, а дерево сгнило, и мы без особого труда выломали ее. Далее обнаружилось

небольшое помещение, в котором внимание моего спутника привлек еще один металлический люк в полу. После некоторых усилий Ольгерту удалось поднять крышку. Было слышно, как внизу плещется вода. Некоторое время он с сомнением всматривался в отверстие, а затем сделал движение, как будто бы собирался спуститься туда. Но, похоже, на самом деле спускаться он не собирался, потому что уже почуял, что ничего хорошего там его не ждет.

— Какой у тебя Талант? — Спросил я, и Ольгерт с облегчением убрал ногу от отверстия, расценив вопрос как отличный повод не лезть вниз.

— Я могу находить потерянные вещи, — ответил он. — И еще иногда вижу людей, которые... далеко. Но это не всегда получается.

— Понятно. Ты нашел проход в довольно мрачное место. Смотри сюда.

Я кинул сгусток пламени вниз. Пока огонь не погас, мы успели заметить тварей, которые тихо и осторожно ползли к нам по стенам шахты, выбравшись из протекавшей внизу черной реки. Огонь напугал их и было слышно, как они падают в воду уже после того, как пламя погасло. Я зажег над рукой еще один сгусток. Вниз попрыгали многие, но не все. Некоторые прижались к стенкам шахты и затаились на время. Я ощущал их враждебное злобное внимание не менее ясно, чем теплоту горящего над ладонью огня.

— Закрывай люк. Запомни ощущение от этой реальности и никогда в нее не суйся.

Он серьезно кивнул и выполнил то, что я сказал. С сомнением посмотрел на крышку люка.

— Она тяжелая, но... они точно не смогут ее открыть?

— Если мы будем и дальше тут сидеть и думать о них, слушать их и чувствовать их — несомненно, смогут. Но дело ведь не только в люке. В отличии от нас, они не умеют находить проходы между мирами. Как только мы уйдем, каждая из реальностей — и наша, и их — постарается восстановить свою целостность.

— То есть, для них там не будет прохода? Будет просто тупик?

— Наверное.

— Тогда давайте... давай поскорее уйдем.

Мы так и сделали. Пока мы шли по тоннелю, Ольгерт пару раз оглянулся назад. Видимо, он гадал: услышим ли мы за спиной звук отодвигающегося люка? Успеет ли восстановиться преграда между двумя реальностями прежде, чем водные твари попытаются выползти наружу? Пришлось грубо толкнуть его, велев сосредоточиться на выходе и свете, льющемся из отверстия над нами.

Когда мы выбрались на поверхность, ожидавшая нас у канализационного люка Бьянка отрапортовала, что еще двое учеников, кажется, что-то нашли.

Мальчика звали Реенке, а его сестру — Лауфа. Когда мы с Бьянкой подошли, они сидели на подоконнике между вторым и третьим этажами в пустующем доме. Хотя на нас смотрело двое детей, источников внимания было три. Третий — осторожный и слабый. Он был где-то рядом с детьми и в то же время — нигде. Детей он совершенно не боялся и даже, кажется, испытывал к ним какие-то теплые чувства, а вот я ему совершенно не нравился. Я не стал разбираться, что это, потому что этот третий казался каким-то образом связанным с детьми, и может быть, даже был своеобразной формой, в которую отливался их Талант. А может быть, это было семейное проклятье или мелкая нечисть, которую они где-то подобрали и пригрели по доброте душевной. В любом случае, к делу все это отношения не имело.

— Что вы нашли?

Реенке показал на дверь пролетом выше.

— С ней что-то не так! И Попрыгунчик тоже так думает.

— И что же именно с ней «не так»? — Хмыкнул я.

— Тут семнадцать ступенек, — подала голос девочка. — А на других лестницах — восемнадцать.

И она показала вниз.

— Кто вас надоумил считать ступеньки?

— Попрыгунчик. — Отозвались они хором.

— Замечательно. Но задание найти проход было дано вам, а не ему.

Показывайте, что вы нашли.

Дети слезли с подоконника и с некоторой опаской стали подниматься по «неправильной» лестнице.

— Они не исчезнут? — Прошептала Бьянка.

— Нет, пока мы их видим, — также тихо ответил я. — Да и проход не здесь, а дальше. Ступеньки — это только знак. Пойди посмотри, что там у остальных.

— А ты уверен, что...

— Иди.

С некоторым сомнением она кивнула и стала спускаться вниз. А я остался на площадке смотреть за братом и сестрой. Они уже преодолели лестничный пролет и теперь стали изучать старую дверь слева. Реенке, опираясь одной ногой на дверную ручку, уцепившись руками за фигурный косяк и поддерживаемый сестрой, посмотрел в дверной глазок, но уже

спустя секунду разочаровано спустился вниз — видимо, глазок оказался закрыт. Прямо-таки Гретель и Гензель, заглядывающие в окошко пряничного домика.

Забитая мусором замочная скважина также не принесла результатов. Дверные звонки привлекли Лауфу и с помощью брата она сумела добраться до них — увы, ни один из них не работал. Дети в растерянности топтались на площадке, поглядывая вниз, а я размышлял о том, что с ними сделать в том случае, если они осмелятся сказать, что ничего не нашли или не знают что делать. Видимо, некоторые мои мысли были написаны на лице достаточно отчетливо, поскольку заявить о неудаче они так и не посмели.

Отвернувшись, Реенке начал что-то шептать. Лауфа с беспокойством посмотрела на меня — очевидно, опасаясь, что использование Попрыгунчика одобрения с моей стороны не вызовет. Но мне было плевать. Мне нужен был результат, а способ его достижения они смело могли выбирать сами.

Потом я заметил движение на площадке и понял, что «карманная нечисть» выбралась из своего потаенного убежища, каким-то образом связанного с этими детьми. В тени Попрыгунчик казался световым бликом, а выбираясь на свет становился тоненькой, едва заметной тенью. Он попрыгал на месте, словно солнечный зайчик — то ли не мог спокойно стоять на одном месте, то ли разминал перед работой свою миниатюрную астральную мускулатуру. Затем я услышал топот. Как будто-то кто-то пробежал по площадке. И еще раз. И еще. Вскоре невидимка так осмелел, что сбежал по лестнице вниз, едва не скатившись мне под ноги, и тут же рванул обратно.

Реенке и Лауфа напряженно наблюдали за действиями Попрыгунчика. Когда нечисть затихла, Реенке подошел к двери и постучал — в том ритме, в котором бегал по площадке невидимый Попрыгунчик. Я не замечал, что у всех его пробежек есть один и тот же повторяющийся ритм до тех пор, пока мальчик не воспроизвел его в виде стука.

Интересный подход. Я был настолько заинтригован, что едва не прозевал момент, когда дверь начала открываться. И все же, щелчок замка вернул меня к действительности. Дверь открылась, оттуда выползла накрашенная жирная тетка лет сорока и протянула руки к детям, однако больше ничего она сделать не успела. Я взбежал по лестнице, встал позади детей и положил руки им на плечи. Тетка растянула губы в фальшивой улыбке в ответ на мой недовольный взгляд.

— Дил, — прошептала Лауфа, — ты же говорил, что тут никто не

живет.

— Как видишь, — ответил я, не понижая голоса. — В любом правиле есть исключение.

— Хотите пройти? — Приторным голосом спросила тетка. Улыбка ее растянулась еще больше и стала напоминать гримасу клоуна.

— Да, мы войдем. — Я подтолкнул детей вперед и двинулся за ними следом, а тетка синхронно отступила назад и растворилась в полумраке коридора.

Когда мы вошли, я оглянулся назад. Попрыгунчик сиротливо жался к краешку стены, не решаясь войти.

— Оставайся на площадке, — шепнул я, закрывая дверь.

Это была довольно странная квартира. Кривой коридор, скособоченные стены, ступеньки, заложенные кирпичами окна, многочисленные двери — старые, покосившиеся, с облезлой краской и новые, деревянные, застекленные, обитые кожей и дерматином... Квартира больше напоминала огромное общежитие, которое неоднократно перестраивали. Мы дошли до конца коридора, но там сбоку обнаружился еще один коридор, и можно было не сомневаться, что когда мы пройдем и его, откуда-нибудь обязательно вылезет продолжение в виде третьего прохода, и так далее, до бесконечности.

— У меня так редко бывают гости, — хозяйка квартиры неожиданно появилась из обшарпанной двери справа и позади нас. Все тот же приторный голос и будто приклеенная улыбка: — Не желаете ли чего-нибудь отведать? Салатик?.. Конфеты?.. Пироженные?..

Дети синхронно замотали головами. Тетка стояла перед нами, покачиваясь и отвратительно улыбаясь.

— Она странная, — тихо сообщил мне Реенке.

— Это потому что она вообще не человек. — Я посмотрел на хозяйку квартиры и сказал:

— Покажи нам, как ты выглядишь на самом деле.

Но оно в ответ только стояло, покачивалось и улыбалось.

— Плохо со слухом? — Теперь в моем голосе прозвучала угроза.

— Не могу, — сквозь зубы выдавило оно. — Вы меня держите... Оставьте их. Уходи. Тогда изменюсь. Оставьте их и уходи.

— Дил! — Отчаянно зашептала Лауфа. — Она стала толще!.. У нее сейчас халат лопнет.

Реенке молча выставил перед собой руки, сложив пальцы в сложном жесте. Герр Рихтер недавно выписал для подрастающего поколения из Индии настоящего йога, который учил их различным асанам и мудрам —

нашему поколению, к сожалению, ничего подобного не преподавали, и я мог лишь догадываться, какой эффект даст жест Реенке, когда паренек решит произвести по «тетке» энергетический залп. Вряд ли ей он сильно повредит, но разозлить — или напугать — может.

— Спрячься где-нибудь, чтобы мы тебя не видели, — приказал я. — И сиди там, пока не уйдем.

Оно согнулось, потолстело еще больше и боком кое-как протиснулось обратно в дверь.

— Ч-что это было, Дил? — Спросил Реенке, расцепляя руки. Его голос дрожал от напряжения, но страха в мальчике я не чувствовал. Страх исходил от Лауфы, но паники не испытывала и она: она боялась, но держала себя в руках, поскольку была уверена, что ее защитят.

— Это Привратник, — сказал я. — Они живут в таких вот странных местах на стыке миров. Обустраивают их под себя.

— Они опасны?

— Некоторые — да. Они разные по силе. Некоторые недостаточно сильны, чтобы съесть человека, но могут заморочить ему голову и запереть где-нибудь, вынудив заключить неудобную для путешественника сделку. Другие с радостью заманят и слопают ребенка с врожденным Талантом. Есть и такие, которые могут сожрать и взрослого, если он окажется недостаточно силен, чтобы справиться с Привратником. Но обычная их пища не люди, а мелкая нечисть, которая чувствует такие места и иногда пытается воспользоваться проходом между мирами.

— Попрыгунчик... — Брат и сестра с ужасом посмотрели друг на друга. Они рванули назад, и если бы я не держал их за плечи — убежали бы и немедленно потерялись бы в этой квартире, напоминающей лабиринт.

— Успокойтесь. Он остался с той стороны. Давайте посмотрим, чем заканчивается этот коридор, а потом вернемся обратно.

Третий коридор немедленно обнаружился сбоку, как только закончился второй. Но дальше мы не пошли, а вместо этого встали перед дверью, которой завершился второй. В обычной квартире это могло быть «черным ходом». В жилище Привратника эта дверь, скорее всего, вела в какую-то другую реальность.

Мы отодвинули засовы, но там были еще замки, которые нельзя было открыть, не имея ключа. Первым моим побуждением было вышибить эту дверь к чертям, но я придержал свое естественное стремление переть напролом, ломая преграды и уничтожая все, что пытается сопротивляться. Если вышибить дверь, существа, обитающие с той стороны смогут обнаружить проход — и кто знает, к каким последствиям это приведет. Я

немного поорал, зовя Привратника и требуя, чтобы он принес нам ключи от двери, но он, выполняя предыдущее распоряжение, вероятно, спрятался слишком хорошо. Во всяком случае, никто не появился. Мы провели небольшую дискуссию — поскольку мне понравилось, как при выполнении этого задания действовали брат и сестра, я решил дать им право участвовать в принятии решения относительно наших дальнейших действий. Однако, предложение поискать Привратника и выбить-таки из него ключи они отвергли. Они настаивали на возвращении: их все больше и больше беспокоила судьба несчастного Попрыгунчика, оставшегося на площадке у входа. Поскольку задание они выполнили, я не стал настаивать. Практический навык раумлогии они получили, а если им неинтересно, на что похож мир, в который ведет дверь в жилище Привратника — ну что ж, давайте вернемся.

На обратном пути коридор был слегка не таким, каким мы его видели прежде, но Привратник, очевидно, очень хотел поскорее избавиться от нас, поскольку, несмотря на все перемены и странности в окружении, выход мы нашли без каких-либо осложнений. Обрадованный Попрыгунчик покружил рядом с Реенке и Лауфой и, забравшись по ноге брата, спрятался то ли у него в кармане, то ли где-то в складках одежды.

— Дил, а у тебя есть помощник? — Спросил Реенке, когда мы спустились вниз на этаж.

— Такого — нет. У меня есть знакомые и друзья... некоторых я иногда использую как слуг... но такого, как ваш, у меня нет.

— А как бы ты тогда узнал, как надо стучать в дверь, чтобы открыли? Этот Привратник не открыл бы на обычный стук, так ведь?

— Наверное, не открыл бы, — я пожал плечами. — Но каждый входит по-своему.

— И как бы вошел ты?

Вопросы начали раздражать меня, но еще не настолько, чтобы телекинетическим пинком выбросить Реенке на улицу, и поэтому я по-прежнему спокойно ответил:

— Не знаю. Мог сработать какой-нибудь звонок.

— Мы проверяли! Они не работают!

— Это у вас они не сработали, а у меня могло быть по другому. Или дверь была бы открыта. Или она открылась бы после обещания выбить ее, если Привратник не пустит меня по доброй воле. В таких случаях заранее не угадаешь.

— Так значит, можно было просто открыть ее... — Разочарованно потянул Реенке. — И нет никакого специального секретного стука...

— Ну, обычно чем слабее Талант, тем более сложные и запутанные вещи нужно делать для того, чтобы сделать хоть что-то. Возможно, когда-нибудь тебе не потребуется ни помощь Попрыгунчика, ни специальные стуки для того, чтобы открывать такие двери. А возможно, ты сможешь находить в этих стуках смысл, который не увидит никто другой. Свой Талант можно развивать очень по-разному.

— А какой путь лучше?

— Тот, который подходит лично тебе. И хватит задавать вопросы, ответить на которые ты мог бы и сам при желании.

Мы вышли из подъезда и зажмурились от дневного света, показавшегося необычайно ярким после полумрака заброшенного дома.

Бьянка ждала нас недалеко от входа.

— Что-то вы долго, — сказала она. — Все в порядке?

— Все замечательно. Где следующее юное дарование?

Следующим был Ратислав Ашкназаев — одиннадцатилетний мальчик, пару лет назад приехавший к нам из Москвабада и до сих пор говоривший по-норрижски с акцентом. Смуглая кожа и раскосые голубые глаза... Смешение славянской и монгольской крови давало подчас забавные результаты.

Ратислав молча провел меня по двору. Одна арка, закрытый дворик, опять арка, улица, следующая арка слева, опять маленький закрытый дворик... через десять минут кружения по дворам мы вошли в подъезд, Ратислав поднялся по лестнице и открыл окно на первом этаже. Он спрыгнул вниз, а я — за ним. Необычное высокое здание, последняя арка... Ратислав остановился на незримой границе, разделяющей нависшее над нами здание и улицу. От домов на другой стороне улицы остались только руины. А за ними шумел лес.

— Очень хорошо, — сказал я.

Он заслужил похвалу не столько потому, что нашел этот путь, сколько потому, что сумел вовремя остановиться. Это был путь только в одну сторону, и если бы мы вышли на улицу, обратно этой же дорогой вернуться бы уже не смогли.

— Что это за место? — Спросил Ратислав.

— Не знаю. Я тут ни разу не был.

— Осмотрим его?

Я покачал головой.

— Ты ведь чувствуешь, что по этой дороге обратно не пройти, не так ли?.. Поиск другого пути может занять слишком много времени. А нас группа ждет.

— Я... — Мальчик сделал неопределенное движение головой. — Я не знал, что этой дорогой нельзя вернуться.

— Ну ты же остановился на самой границе.

Он задумчиво кивнул.

— Было странное чувство... как будто там какая-то опасность... или как будто что-то непоправимо изменится, если я туда пойду.

— Вот об этом я и говорю. Пошли назад.

Я посадил его, помогая залезть в окно, а затем, ухватившись за подоконник, подтянулся и забрался сам.

— Это не я придумал, — неожиданно сказал Ратислав, пока мы столь же запутанным и извилистым путем возвращались назад. — Я прочитал в одной книжке. Там... один человек... должен был пройти через семь арок в городе для того, чтобы попасть в другой мир. Но это фэнтези. Я даже не думал, что это сработает. Просто у меня не было других идей. Я начал искать арки и проходить через них... в какой-то момент у меня возникло чувство направления. И потом, эта улица с развалинами и лес... значит, это все по-настоящему... Но откуда тот человек, ну, автор книжки, мог об этом знать? Ведь это же просто фантастика.

— Люди отгородились от магической части мира стеной предрассудков и «здравого смысла», — сказал я. — Но она ведь от этого никуда не исчезла. И чувствовать ее люди не перестали, перестали только осознавать то, что чувствуют. Научились не обращать внимания. Вряд ли твой автор был психокинетиком. Но то, что он, как и множество других людей, с детства загнал в подсознание, все равно пыталось найти выход. Какая-то его часть чувствовала, как можно найти путь, но здравый смысл и культурные установки не позволяли ему отнестись к этому «чувствованию» как к чему-то серьезному, не позволяли даже толком осознать, что именно он ощущает. И в результате то, что он чувствовал, вылилось в форме сказки. Наверное, когда он писал, то чуть-чуть открывал дверь в подсознание, обычно надежно запертую. Позволял себе хоть в какой-то мере становиться свободным от культурных установок и предрассудков. Вот оно и просочилось наружу.

Ратислав долго молчал, а потом сказал:

— Но тогда могут быть и другие... Я имею в виду, если это фантастика, но там рассказывается нечто настоящее, тогда могут быть и другие такие книги, правда?

Я пожал плечами.

— Может быть. Не люблю фэнтези.

— Почему?

— Потому что пытаться найти там что-то осмысленное и полезное — все равно что искать жемчужину в куче дерьма. Лучше я поищу жемчужины на дне моря.

— Что ты имеешь в виду? — Заинтересованно спросил мальчик. — Что такое это «море»?

— Ты хорошо справился с заданием, но сейчас мы слишком много говорим. Если я отвечу тебе на этот вопрос, то окончательно все испорчу. Попробуй найти ответ сам.

Ратислав присоединился к группке учеников, уже сдавших задание, и их стало четверо. Бьянка повела меня в дальний конец двора, в подъезд, где нас должен был ждать пятый ученик, Клаус Шольце. Клауса, однако, на месте не оказалось.

— Наверное, отошел... — Извиняющимся голосом произнесла Бьянка. — Он был готов вместе с Ратиславом... даже раньше... но Ратислав куда-то далеко забрел и я хотела, чтобы ты посмотрел его путь в первую очередь...

— А что там с оставшимися?

— Как раз перед тем, как вы вернулись с Ратиславом, Диса таинственным шепотом сообщила мне, что она, кажется, нашла кое-что, — Бьянка улыбнулась. — И, пожалуйста, Дил... будь с ней помягче. Она и так очень застенчивая. А тебя она просто боится.

— Ага, и давай теперь потакать их слабостям и страхам, — недовольно пробурчал я. — Пусть вырастают полнейшими ничтожествами...

Бьянка закатила глаза, но ничего не сказала.

— А что там с последним? С тем безынициативным лодырем, которого ты защищала?

— Он ничего не нашел, — Бьянка посмотрела на меня обвиняюще. — И я думаю, что если бы ты повел себя иначе, проявил бы хоть чуточку терпения, результат был бы другим. Я просто уверена в этом! А ты напугал его и в итоге убил в нем веру в себя самого.

— Я убил? Нет, это ты начала с ним сюсюкаться, жалеть его. А он маг. По крайней мере, потенциально мог бы им стать. И смерть, страх и опасность для него куда лучшие советчики, чем лень и тепличные условия обучения.

— Знаешь, Дил, мы живем не в каком-то воображаемом мире, где все подчиняется твоим правилам и все работает так, как ты хочешь. Реальным детям, а не таким, какими ты их хочешь видеть, необходимы поддержка и понимание.

— Этой поддержки и прочего сюсюканья у них и так слишком много.

Двадцать четыре часа в сутки в ШАД они получают сплошную поддержку, с ними носятся как с писаной торбой. И кто из них вырастет в итоге? «Маги», которые не привыкли принимать самостоятельные решения? «Маги», которые не имеют ни сил, ни упорства для того, чтобы заставить мир крутиться так, как им надо? Не бывает таких «магов». Я считаю, надо было ввести такую систему обучения, при которой погибало бы девять из десяти учеников. Зато единственный оставшийся чего-то бы стоил.

Бьянка насуплено посмотрела на меня. Последняя часть моего выступления ей явно пришлась не по нутру.

— Если тебе не нравится, как учат в ШАД, можешь поспорить об этом с директором! — Возмущенно ответила она. — Только вряд ли он тебя послушает! Он нормальный человек и понимает, что детей-психокинетиков и так слишком мало, чтобы разбрасываться ими просто так... Да и вообще, как можно так цинично и прагматично относиться к чужим жизням? «Давайте наберем десять человек, и сделаем так, чтобы девять погибли, зато оставшийся, может быть, будет чуточку сильнее, чем он был бы в других условиях!» Как вообще так можно рассуждать?! Тогда уж лучше никого не набирать и не учить!

— Смерть — это часть жизни, нравится тебе это или нет. — И, чтобы позлить ее еще чуточку, пренебрежительно добавил: — Добро пожаловать в реальный мир, детка.

— Сам ты «детка»! — Обиженно огрызнулась Бьянка. — Да, смерть существует. Но это не значит, что ее надо еще и дополнительно умножать!

— Бессмысленный спор, — я отмахнулся от ее слов. — Пойдем лучше, посмотрим, что там нашла эта девочка.

Бьянка перевела дух и кивнула.

— Я спрошу у ребят, не видел ли кто-нибудь из них, куда ушел Клаус.

Мы повернули обратно. Бьянка показала мне, в каком направлении находится место, где меня дожидалась Диса Асгердссон, а сама обеспокоенно двинулась к группке ребят, нашедших посреди заваленного строительным мусором двора относительно чистый и неповрежденный кусочек асфальта, и увлеченно игравших там в крестики-нолики. Рядом с ними, пытаясь выглядеть независимо, но не умея скрыть глодавшей его обиды, переминался с ноги на ногу тот мальчик, которому так и не удалось найти проход. Будь моя воля, я бы его тут и оставил, но Бьянка была права: программу обучения определял не я и у меня не было ни малейшего желания доказывать герру Рихтеру Эзенхофу, что я лучше знаю, как строить воспитательный процесс в школе для психокинетиков. Я точно не был лучшим, чем он, учителем хотя бы уж потому, что никогда не имел ни малейшего желания делиться с кем-либо силой и знаниями. Я не смог бы создать лучшей школы потому, что даже не стал бы и пытаться кого-либо учить. И слишком увлекаться критикой существующего положения вещей не стоило, потому что какой бы ни была ШАД, в ней нашлось место даже для меня и за прошедшие годы я почерпнул в школе немало полезного.

Диса, худая и некрасивая девочка двенадцати лет, бродила, погруженная в собственные мысли, по запутанному маршруту на пяточке три на три метра. Она делала маленькие шажки, ставя пятку одной ноги почти в упор к носку другой, и постоянно поворачивала то направо, то налево. Видимо, хотела развеять скуку, и так увлеклась своим воображаемым лабиринтом, что заметила меня только когда я подошел к ней практически вплотную. Диса ойкнула и сбилась с шага. Я молчал, поскольку Бьянка просила не пугать девочку, но мое молчание, видимо, показалось Дисе угрожающим, потому что она как-то вся поникла и сжалась. Мне захотелось сказать: «Если ты не перестанешь бояться, я тебя убью», но была вероятность, что эта фраза не заставит ее осознать свой страх и что-то сделать с ним, а, напротив, еще больше усилит его, и тогда мне, дабы не нарушать свое обещание, действительно придется ее убить, а это было бы не очень хорошо, потому что смерти этой бесполезной соплячки Бьянка бы мне точно не простила. Поэтому я просто вздохнул и промолчал. Девочка сжалась еще больше. Даже обычный человек, ослепший и отупленный цивилизацией потребления, ощутил бы мое недовольство, а она, все-таки, была эмпатом.

— Мне кажется... я думаю... по-моему... тут что-то есть! — Пискнула Диса и даже закрыла глаза, опасаясь того, что может произойти с ней после такого решительного заявления.

Пока она стояла с закрытыми глазами, я задумался о том, что с ней

делать, потому что она слишком сильно фиксировалась на мне и на своем страхе, в то время как концентрировать внимание ей, вообще-то, следовало бы на поиске пути в иную реальность. В таком состоянии она могла провалить не только то, что было ей поручено, но и вряд ли бы справилась с любым делом, которое в иных условиях выполнила бы с легкостью. В качестве спутника — раз уж нельзя было действовать методами шоковой терапии, поставив ученицу перед выбором: или отказ от страха, или смерть — тут нужен был не я, а кто-нибудь типа Бьянка: доброжелательный, ненавязчивый, внимательный и добрый. Рационально было бы сказать этой девочке что-нибудь ободряющее, но меня едва не стошнило при мысли о том, что придется утирать ей сопли для того, чтобы у нее же принять порученное ей задание.

Диса осторожно приоткрыла один глаз, а я так и не сумел придумать, как отвлечь ее внимание от своей персоны и страха перед неудачей. Ситуация была тупиковая. Тут я заметил, что стена вокруг двери подъезда разрисована цветными мелками и подошел поближе, чтобы рассмотреть рисунок.

Диса несколько раз очертила косяк двери, каждый раз рисуя чуть более широкую букву «П» вокруг предыдущей. Также под дверной ручкой она нарисовала замочную скважину.

Дверь производила... какое-то особенное впечатление. Да, сделанное девочкой казалось результатом детской забавы... И вместе с тем...

Я протянул руку, как будто собирался дотронуться до двери, но так и не коснулся ее. Я услышал, как девочка подошла ближе и встала за моей спиной. Я ощущал ее любопытство.

Тот факт, что я всерьез заинтересовался ее рисунком, заставил ее забыть о стеснении и страхе. Это хорошо.

— И куда она ведет? — Спросил я, повернув голову к Дисе.

Девочка неловко пожала плечами.

— Не знаю. Я не смотрела. Вдруг там опасно?.. Нам же сказали найти проход и ждать у входа, вот я и...

— Ты все правильно сделала, — я повернулся и вновь посмотрел на покрытую ржавчиной и облупившейся краской, железную дверь. — Расскажи, как ты искала путь.

— Ну-у-у... я не знала, как его искать, — призналась Диса. — Поэтому я загадала, чтобы он тут начинался. Когда я была маленькая, бабушка мне в одной книжке, — она произнесла название книжки, и стало ясно, что речь опять пойдет о детской художественной литературе, — читала про мальчика, который нарисовал мелком на стене дверь, и она стала

настоящей... вот я тоже решила попробовать... а когда я нарисовала, то почувствовала... ну, как будто там что-то есть... чего не было раньше... я чуть-чуть ее приоткрыла, но там все было по-старому!..

Последнюю реплику она произнесла с обидой и жалобой.

— Ты раньше когда-нибудь рисовала такие двери... ведущие в странные места?

Она отрицательно замотала головой.

— Я пыталась, но у меня ничего не получалось. И на стене рисовала, но... она оставалась просто нарисованной дверью.

Я задумчиво кивнул. Ее Талант пока еще не слишком развит, и преодолеть сопротивление «нормальной» реальности исключительно собственными силами ей пока не удастся. Но здесь, вдали от привычного общечеловеческого мира, наша группа в каком-то смысле формировала свою собственную реальность, более пластичную и гибкую. Бьянка упрекала меня в том, что я почти ничего не объяснил детям, но объяснения, на мой взгляд, не имели большого смысла, поскольку куда важнее объяснений был сам факт моего присутствия и участия в деятельности группы. Мой собственный раумлогический талант влиял на нашу маленькую реальность, способствуя пробуждению и развитию аналогичных способностей у учеников. Но то, что выдала эта девочка, меня по-своему поразило, не смотря на то, что она пока не была в силах полностью сделать все сама.

— Обычно, когда мы проходим через Трещины между мирами, мы влияем на них... Делаем более стабильными, более легкими для прохождения... — Сказал я. — Думаю даже, если пользоваться некой Трещиной постоянно... каждый день по многу раз, и если ходить туда-сюда будет множество человек... то чужая реальность за ней в какой-то момент даже может стать частью «нормального» человеческого мира, влиться в него... Но это так, к слову. Обычно мы ищем уже существующие Трещины... Но ты... Я не могу понять — то ли ты создала ее с нуля, то ли нашла такую крошечную, слабую Трещину, что ее не почувствовал бы даже я, и расширила ее... У Трещин есть определенные признаки... своего рода искажение, влияющее на окружающий район. Так и должно быть, потому что когда барьер между реальностями начинает истощаться в каком-то одном месте, ткань рядом с этим местом тоже меняется... Но тут... — Я покачал головой. — Тут есть проход, но нет никакого «искажающего поля» вокруг. Это не стершаяся ткань, а просто дырка посреди целой нормальной ткани.

Диса смотрела на меня молча и внимательно, не отрываясь, но у меня

возникло впечатление, что понимает она, в лучшем случае, лишь треть из того, что слышит. Да и стоило ли пытаться объяснить, насколько необычным для меня было то, что она сделала? Слова могли убить чудо. Поэтому я прекратил молоть языком, протянул руку к двери и потянул за ручку.

Я ощутил сопротивление. Диса лишь обозначила проход, но чтобы преодолеть сопротивление реальности, пытающейся сохранить свою целостность, ее сил было недостаточно. Если бы дверь открывал обычный человек, никаких затруднений, я думаю, не возникло бы: тут и замка-то не было. Но он бы не вошел в Трещину, он бы просто вошел в подъезд и продолжил бы движение, оставаясь в той же плоскости, что и прежде. Но для нас, для той немногочисленной группки людей, способных чувствовать раумлогические искажения и в какой-то степени управлять ими, дверь оставалась закрытой, потому что, пытаясь открыть ее, мы нацеливались вовсе не на обветшалый подъезд, а на другой, неизвестный нам мир, полноценного пути в который еще не существовало.

Я потянул сильнее, сжав ручку двери так, что побелели костяшки. Никакого результата.

— Нужен ключ. — Пискнула Диса.

— Что? — Переспросил я, переставая пытаться сдвинуть то, что начинало казаться толстенной железной плитой, намертво приваренной к зданию.

— Ключ, — она показала на замочную скважину, которую сама же и нарисовала недавно. — К этой двери нужен ключ.

Интересно. У нее не хватало силы, чтобы открыть путь напрямую, но хватило интуиции на то, чтобы создать игровую конструкцию, способную аккумулировать энергию. Если мы начнем соблюдать правила игры и найдем в конце концов этот ключ — чем бы он не оказался — открыть дверь будет намного легче. Игра — или ритуал (нет никакой разницы, как называть эту процедуру в данном случае) — исполнит роль рычага, позволяющего свободно сдвинуть то, что поднять без помощи инструментов не хватило бы сил.

— Дил!!!

Я раздраженно оглянулся. Бьянка выбрала не самый удачный момент. Она стояла недалеко от группки учеников и отчаянно махала, зовя меня. На мое раздражение, которое она, конечно же, ощутила, Бьянка не обратила ни малейшего внимания, а в ответ до меня докатилась волна ее беспокойства. Что-то случилось. Или ей показалось, что что-то случилось. Или ей показалось, что что-то может случиться. В любом случае, что бы

это ни было, оно могло подождать: Бьянка была жива, ученики — кроме Клауса — на месте. Я поднял руку и показал ей растопыренную ладонь — мол, дай мне еще пять минут. Ей эта идея явно не понравилась, но настаивать и бежать к нам через весь двор она не стала.

Я повернулся к Дисе.

— Ну и где этот ключ? — Вкрадчиво поинтересовался я.

Девочка пожала плечами, сделав при этом такую ошеломленно-недоумевающую гримасу, на которую способны только дети. Хм, игра по поиску ключа могла затянуться, а времени на нее у нас не было.

Я опять посмотрел на дверь и не сумел удержаться от глубокомысленной сентенции:

— Всякую задачу можно решать несколькими путями.

Я поднес руку к нарисованной мелом замочной скважине и выпустил на волю свою силу.

Я не умею ни создавать, ни исцелять. Зато я отлично умею ломать. Неважно, что именно — чужое сердце или летящий камень, чужую волю или металлическую конструкцию, закрывающую вход в иной мир. Я услышал скрежет, а затем увидел, как мнетса железо, ставшее похожим на вибрирующий лист бумаги, который — пока еще аккуратно — пытаются то сжать, то растянуть. Бумага такого отношения долго не потерпит, и металлическая дверь оказалась с ней в этом солидарна: в какой-то момент в железе появились разрывы; они быстро расширились и умножились в числе; зона вибрации охватила уже всю дверь. Железо сворачивалось и изгибалось, разрывалось на множество полосок, скручивавшихся наподобие стружек. Я почувствовал, что взмок.

Пожалуй, достаточно...

Дверь так и осталась закрытой, но теперь в ней зияла здоровенная дыра, в которую можно было, согнувшись, пролезть. Что я и сделал, постаравшись не зацепиться одеждой за многочисленные острые полоски железа, окружавшие дыру. Диса осталась с той стороны. Я ощущал ее страх: девочку пугал как сам проем, похожий на зубастую пасть, так и то, что находилось с той стороны двери. Если раньше другая реальность была таинственной, недоступной и потому привлекательной, то теперь, сделавшись вполне достижимой, она заставляла испытывать немного иные чувства...

Я стоял на небольшой каменной площадке посреди огромного пространства, заполненного лестницами и арками. Там были лестницы и двери, перевернутые по отношению ко мне и расположенные под углом. Это место поражало, потому что с такой фантазмагорией я еще ни разу не

сталкивался. Пространство не казалось статичным: чудилось, что весь этот массив лестниц, арок и переходов медленно движется, но как и куда — понять было невозможно. Привычные законы трехмерного пространства тут, похоже, пасовали. Как и Диса, я ощущал опасность, но если реакцией девочки был страх, то меня это место влекло в первую очередь своей угрозой. Мне нестерпимо захотелось принять брошенный вызов, погрузиться в этот мир и встретиться с тем, что таило угрозу. Интересно, какие существа тут могли обитать, в этом месте, казавшемся сложной колдовской ловушкой?..

К сожалению, я не мог себе позволить все бросить прямо сейчас и погрузиться в изучение аномалии. Социальная ответственность мне глубоко чужда и противна, но личные обязательства, взятые на себя, я стараюсь выполнять. В данном случае я взял на себя обязательство помочь Бьянке в проведении урока раумлогии. Таинственный многомерный лабиринт из лестниц и арок мог подождать.

Я повернулся и выбрался в нормальный мир через дыру в металлической двери. Диса смотрела на меня широко открытыми глазами, как на фокусника, уже вытащившего из шляпы полдюжины кроликов — и не собирающегося останавливаться на достигнутом. Я ее не разочаровал. Основная проблема сломанных дверей в том, что их сложно закрыть, и если поначалу мы не могли попасть в ту реальность, в которую нащупала путь маленькая девочка со странным Талантом, то теперь я понятия не имел, как вернуть все на место. Однако как-нибудь перекрыть путь все же следовало, поскольку оставалось неясным, что может таиться в том многомерном мире и кто из шадовцев, обученных сегодня поиску раумлогических искажений, захочет еще раз вернуться сюда и потренироваться самостоятельно. Я протянул руку к двери, сжал пальцы в кулак и повернул кисть. С омерзительным скрежетом скрученные полоски железа стали вытягиваться и сцепляться друг с другом, образовав в конечном итоге нечто похожее на велосипедное колесо с многочисленными кривыми спицами, скрепленными вместе. Не знаю, удержит ли это тварей, обитающих с той стороны двери, но лучше уж такая преграда, чем никакая.

Когда я направился к группе учеников, Бьянка поспешила мне навстречу.

— Дил, — сбивчивым шепотом заговорила она, — никто из них не видел, чтобы Клаус уходил куда-то... говорят, он нашел Трещину одним из первых, даже раньше Реенке и Лауфы. Он ждал меня там, но я... была с другими детьми. Дил!.. — Бьянка умоляюще заглянула мне в глаза, чувства

вины и тревоги расходились от нее волнами, и были столь же осязаемыми для меня, как тепло включенной на полную мощность электрической печи. — Дил, я думаю, у него не хватило терпения дожидаться своей очереди. Благой Митра, он же сейчас там совсем один, в совершенно незнакомом мире!..

— Я их предупреждал, чтобы не лезли в Трещины, — я пожал плечами. — Он полез. Пусть дальше расхлебывает все сам...

— Он же ребенок!

Она почти кричала.

— Он младше нас с тобой всего лишь на пару лет.

— Дил!!! — Ее взгляд, полный отчаянья и боли, стал просто невыносимым.

Я поднял руки в жесте уставшего, признающего поражение солдата, вынужденного сдаться превосходящим силам противника. Над схожими эмоциями любого другого человека я бы посмеялся, но с ней я так почему-то поступить не мог, и это, помимо согласия пойти и помочь Клаусу, опять заставило меня задуматься над подлинной природой наших отношений, или, точнее, моего отношения к ней. Может быть, убить ее? Нет, это было бы трусостью, отступлением. Как будто бы я испугался тех чувств, что поселились во мне, и, опасаясь, что не сумею справиться с ними, уничтожил их источник... Нет, нет. Бьянка останется жить, и рано или поздно я разберусь в природе нашей с ней странной связи.

— Присмотри за детьми... — В этот момент к нам подошла тащившаяся за мной Диса, которой, судя по виду, было крайне интересно послушать, о чем болтают между собой старшие ученики. Жестом я отправил ее к остальной группе.

— Мы тут с Дисой сделали проход в одно очень странное место, — я кивком показал в ту сторону двора, откуда пришел. — Не подпускай к той двери никого. И если оттуда... если оттуда что-то попытается вылезти, забирай всех и уходите в нормальный мир. Я разберусь с этим, после того как найду Клауса.

— Что вы там нашли? — Тихо спросила Бьянка, опасливо косясь на железную дверь, превращенную в безумную кривую решетку.

— Ничего. Просто странное место.

Я оставил ее и быстрым шагом направился туда, где нас должен был дожидаться Клаус. За моей спиной в группе учеников назревала ссора: Диса требовала вернуть ей мелки (похоже, она притащила сюда целую коробку), а остальные, явно не желая ничего возвращать, убеждали ее в том, что они «еще немножко порисуют и потом вернут». Диса им не

верила, и правильно. Она угрожала нарисовать огромную дверь в Ад, прямиком к подножию Ариманова трона, в которую провалятся все, кто не отдаст мелки немедленно. В ответ на угрозу даже те дети, которые сопротивлялись ее требованиям достаточно вяло и, в принципе, были готовы отдать мелки добровольно, начинали упираться, посмеиваться над девочкой и пытаться взять ее на «слабо».

Ну ничего, думаю, Бьянка как-нибудь решит этот конфликт.

Я зашел в подъезд, где нас должен был дожидаться пропавший Клаус Шольце, и, медленно поворачивая голову, посмотрел по сторонам, одновременно прислушиваясь к своим ощущениям. Мое внимание практически сразу привлекла лестница в подвал, обильно усыпанная битым кирпичом и осколками стекла. Я спустился вниз, ощущая нарастающую близость перехода. Грязная вонючая площадка внизу. Поворот, едва различимый в темноте... Я зажигаю огонь над правой кистью и вижу в пыли свежий отпечаток кроссовки. Да, он прошел именно этим путем, я не ошибся.

Убираю огонь и двигаюсь дальше в темноте, потому что, этот путь, кажется, нужно проходить именно так. Где-то капает вода, слышится завывание ветра. Я ощущаю справа лестницу и поднимаюсь по ней. Как только этот мальчик не побоялся идти тут один? Впрочем, я ведь не знаю, каков его Талант. Быть может, он прекрасно ориентируется в темноте.

Я поднимаюсь, приоткрываю старую скрипучую дверь и иду дальше. Впереди начинает светлеть. Подъезд — еще более заваленный мусором и хламом, чем тот, который я только что миновал. Еще одна длинная лестница наверх, и в конце ее — прямоугольник света...

Я узнал этот мир сразу, как только выбрался наружу. Я заходил сюда время от времени — когда социально-порядочная маска, которую я был вынужден носить, сидела уже в печенках, а срывать ее в ШАД или в Эленгарде не позволяло желание сохранить хорошие отношения с Бьянкой и герром Рихтером Эзенхофом. Это был очень веселый мир, находившийся рядом с «обычной» Землей, и все его отличие заключалось в том, что доступных ресурсов тут, вследствие ядерной войны, было гораздо меньше, чем у нас. Цивилизация скатилась к варварству и работорговле, повсюду царил анархия, и уцелевшие, но стремительно ветшающие города, где не было ни канализации, ни электричества, становились полем боя различных мародерских банд. Люди тут занимались охотой друг на друга, я же заглядывал в эту реальность для того, чтобы расслабиться и поохотиться на охотников. Тут мне никто не пытался читать мораль или угрожать преследованием по закону — поскольку тут и закона-то не существовало

— и это было просто замечательно.

Клаус, однако, вряд ли окажется приспособлен для жизни в этом месте. Уж каким бы ни был его Талант, он не сроден моему, это точно.

Грязные, в ржавых подтеках и в пятнах отлупившей штукатурки, дома смотрели на меня пустыми глазницами окон. Поблизости никого не было видно. Как далеко успел забраться Клаус? Я полузакрыв глаза и постарался «вчувствоваться» в окружающий мир. Я как будто бы стал больше — много больше — и продолжал стремительно расти, захватывая дома и улицы... Я ощущал землю, стянутую многочисленными слоями асфальта, роящиеся в воздухе звуки и запахи, воду в лужах и влагу на стенах домов — здесь недавно прошел дождь... Земля, воздух, вода... Для полноты не хватало только огня, но мне сейчас он и не был нужен: вряд ли бы он помог мне найти пропавшего мальчика.

Наконец, я услышал крики Клауса и даже почувствовал прикосновение его кожи, когда, сбитый ударом на землю, он упал в грязную лужу. Без сомнения, Клаус должен был казаться местным жителям лакомым кусочком: чистенький, ухоженный, без каких-либо явных болячек или врожденных уродств, которые, из-за радиационного заражения, имели тут почти все. Такой раб может дорого стоить.

Я побежал в ту сторону, где находился Клаус. Видимо, когда я психокинетически прикоснулся к нему, он также ощутил мое присутствие, потому что в ответ я ощутил отчаянный эмоциональный импульс. В ШАД нас учили чувствовать друг друга издалека — в качестве одного из первых упражнений на занятиях по экстрасенсорному восприятию. Упражнение было построено в виде игры в прятки, в которую играли все, вне зависимости от личного Таланта: хотя Талант каждого из нас, конечно, раскрашивал личное восприятие так, как было свойственно ему. Я, выполняя это упражнение, обычно ощущал духов лучше, чем людей, а землю и воду — лучше, чем строения и машины. Безусловно, моя нелюбовь к людям и в целом восприятие мира людей как «чужого» напрямую были связаны с особенностями моего Таланта.

Во время пробежки я ощутил на себе перекрестное внимание нескольких людей, прятавшихся в пустующих домах, но интереса они моего не заслуживали, и поэтому я просто продолжил двигаться дальше. Все, что у них тут осталось из оружия — топоры и тесаки, ну и немного огнестрельного, ценившегося с каждым годом все больше. Это просто смешно. Не более опасно для меня, чем козлиные рожки — для волка.

Я заскочил в переулок, и увидел, как два здоровяка скручивают руки Клаусу. Один — неестественно огромный (без сомнения, мутант), с

багровой, похожей на дыню, опухолью, закрывающей левую половину лица. Множество порезов и болячек на черепе — вперемешку с пучками включенных волос. Одет во что-то такое же широкое и просторное, как и он сам. Вооружен автоматом и тесаком. Второй — без видимых уродств, с короткой бородой и гладко выбритым черепом. Лицо — от подбородка и до окончания лба, от правого уха до левого — украшает крест, нанесенный синей краской. Я уже встречал здесь мужчин с таким рисунком на лицах: насколько я понимаю, рисунки означали принадлежность к какому-то местному военно-религиозному ордену, члены которого проходили неплохую — по местным меркам — физическую подготовку. Мне на их физическую подготовку было абсолютно плевать, потому что сердца устроены одинаково и у спортсмена и у торговца, и лопаются, когда я сжимаю их, так же без каких-либо отличий — однако, большим количеством отправленных на тот свет ребят с синей раскраской я похвастаться не могу, поскольку у них, помимо физической подготовки, имелось еще какое-то интуитивное «чувство жопы», и столкновений со мной они обычно успешно избегали.

Мужчины заметили меня в тот же момент, когда я увидел их. Я двинулся к ним, и плешивый бугай, заулыбавшись, пошел навстречу: один раб хорошо, но два — всяко лучше. Я не мог удержаться от усмешки, ощущая, как пульсирует во мне и вокруг меня вокруг нагнетаемая моим Талантом сила. Оружие не поможет ему, даже если он вдруг почувствует опасность и захочет выстрелить издалека: мы были уже достаточно близко, и патрон просто взорвется в стволе автомата, когда он нажмет на курок. А когда мы сблизимся еще больше, я сделаю с его сердцем, глазами, суставами и кровеносными сосудами тоже, что прачка делает с выстиранным бельем, когда принимается его выжимать.

Бородач окликнул товарища и, стоило тому обернуться, отчаянно замотал головой, что-то тихо говоря. Лицо гиганта выразило недоумение. Бородач продолжал говорить, постоянно стреляя глазами в мою сторону; я чувствовал, что он обеспокоен, даже испуган. Гигант, явно удивленный поведением товарища, пытался возражать, но был жестко оборван. «Тгейче-мхгал», — эта реплика бородача поставила точку в разговоре. Бородач схватил Клауса, поставил на ноги, разрезал веревки и толкнул мальчика ко мне, после чего поспешно поднял руки, демонстрируя пустые ладони в жесте, который мог означать как капитуляцию, так и просьбу успокоиться и не проявлять агрессию. Клаус быстро пошел мне навстречу. Поначалу он почти бежал, потом его шаги замедлились, и под конец он шел едва ли не через силу. Если бородач и обладал какими-то

эмпатическими способностями, то у Клауса они были развиты намного сильнее, и он куда яснее чувствовал мое состояние. Памятуя о случае Ольгертом он, наверное, гадал, не искалечу ли я его за то, что он ослушался и, обнаружив раумлогический проход, вошел в него сам. Жестом я показал себе за спину, он все понял и поспешил покинуть переулок. Я повернулся и двинулся за ним следом.

Мне хотелось убить тех двоих, которые едва не продали Клауса в рабство, но я ощущал, что этот поступок повлечет за собой какие-то изменения в той силе, что была мне подвластна, и совсем не был уверен, что желаю этих перемен. В рамках тех правил, которые я устанавливал для себя самого и для окружающего мира (в той мере, в которой мог на него повлиять) — не было причины, в силу которой я мог бы их убить. К сожалению, они не дали мне повода. Конечно, эти правила были сугубо моими, и я мог произвольно поменять их, но это — я чувствовал — не осталось бы без последствий. Перейдя черту между убийством из мести, ради самозащиты или ради достижения некоей значимой цели и убийством, вызванным одним только желанием убивать, изменился бы я сам, а я не хотел такой перемены. И хотя я рассматривал эту реальность как нечто вроде собственного охотничьего загона, я никогда не убивал здесь людей просто так. Нет, когда я приходил к ним, и они всегда нападали сами, движимые страхом или желанием ограбить меня или заполучить в рабство; я мог убить за насмешку или плевков, но все же первым начинал не я. И вот теперь, сопровождая Клауса к подъезду, где начинался раумлогический проход, я размышлял о том, как изменился бы мой Талант, если бы я все-таки убил этих двоих. Да, мои способности к разрушению в результате стали бы сильнее, в этом я почти был уверен. Но что бы я при этом утратил?..

В «Очерке о мифических существах, имеющих реальные прообразы» словом тгейче Рихтер Эзенхоф называл убитых детей, вернувшихся в мир живых в виде злобных мстительных призраков, и наделенных, вдобавок, значительной магической силой. «Мхгал» на языке той реальности, в которую сегодня так опрометчиво заглянул Клаус означало что-то вроде военного предводителя или вождя. В общем, крашенный бородач назвал меня предводителем детей-призраков, и это было забавно, потому что он почти попал в яблочко: для этой реальности путешественники из «моей» Земли и были кем-то вроде призраков, случайно или намеренно забредших в чужой для них мир.

Мы вошли в заветный подъезд и стали спускаться вниз, в подвал. Так или иначе, раумлогический талант раскрылся сегодня у всех — кроме

нытика, с которым, не смотря на все различия, у нас все-таки было кое-что общее: он не хотел учиться, ожидая, что ему все разжуют и положат в рот, а я не хотел его учить. Мы присоединимся к остальной группе, а затем вернемся в привычный мир; я отправлю Бьянку вместе с этими детками в ШАД, а сам уединюсь где-нибудь и немного помедитирую вдали от общества, пока мое желание убивать не пропадет окончательно. Это желание было сродни сексуальному возбуждению, оставшемуся после незавершенного полового акта — хотя, если по дороге до дома мне кто-нибудь нахамит, я просто закончу на «своей» Земле то, что так и не сделал в соседней реальности.

11

Ни в подземке, ни по дороге домой никто так и не дал мне повода, и я зашел в свою квартиру раздраженным и неудовлетворенным. Постояв несколько секунд в прихожей, я понял, что сидеть взаперти нет никакого настроения. Тогда я забрал скрученный в рулон коврик, вышел из квартиры, поднялся по лестнице на последний этаж и по пожарной лестнице залез на крышу. Облака медленно и величественно плыли по небу. Дождя не было, но в воздухе пахло влагой. Сойдет. Выбрав подходящее место, я расстелил коврик и сел, по-турецки скрестив ноги. Кисти рук я положил на бедра, ладонями вверх, глаза закрыл.

Разум очищен от мыслей, я распространяюсь вовне и становлюсь больше...

Земля. Я ощущаю бетон, железо и пластик того дома, на крыше которого нахожусь. Все трещинки и щели, переплетение труб, грязь на облицовке. Мое внимание, расширяясь, скользит по стенам и перекрытиям. Дом становится частью меня, моими костями и кожей.

Воздух. Ритм моего дыхания совпадает с порывами ветра в тропосфере. Я ощущаю свободу и легкость, распространение моего духа вовне становится стремительным, взрывоподобным. Я ощущаю единство с бесконечным воздушным пространством над городом и за его пределами. Веселье и сила переполняют меня. Ветер крепчает. Я гоню облака в Эленгард.

Вода. Стирается разница между жидкостями моего тела и начинающимся дождем. Капли падают вниз и в каждой из них — частица меня. Я отражаюсь в лужах, стекаю по стенами, смывая с них грязь, лечу в бесконечности воздушного пространства вниз и вниз, впитываюсь в землю, проникаю в канализацию через решетки для водостока. Едва-едва, на самом краю восприятия, я ощущаю, как капли дождя стекают по телу человека, которого зовут Дильгерт Гудриксон.

Огонь. От движения облаков возникает напряжение, которое преобразуется в разряд молнии. Еще одна молния. И еще. Моя ярость едина с гневом небес. Молнии бьют совсем рядом, раскаты грома сотрясают дом, на крыше которого я сижу, но жертв и разрушений нет. Я позволяю городским громоотводам ловить огонь небес. Я не хочу разрушать этот город.

Я открываю глаза, чувствуя, как стекает вода по моей коже, слыша завывания ветра и громовые раскаты. Желания убивать во мне больше нет, моя ярость трансформировалась в грозу, которую я вызвал. Я ощущаю усталость и умиротворение. Гроза еще бушует, но чувство единства с окружающими меня стихиями становится слабее. Сейчас они — уже не часть меня, а, скорее, мои друзья и подданные, завершающие свою работу.

Сколько времени я тут провел? Полчаса? Час? Двадцать минут? Я потерял ощущение времени. Я не замерз, но чувствую, что стало значительно холоднее. Пора возвращаться. Поднимаю коврик, встряхиваю и сворачиваю...

Между дождевых капель протянулись тонкие струйки белого дыма. Смок не летел, а плыл в воздухе — плавно и одновременно стремительно. Он был здесь, там, рядом и вокруг меня — взглядом поймать его было трудно.

Я закончил возню с ковриком и направился к лестнице.

— Зачем собирать большую железную штуку на крыше? — Неожиданно спросил смок.

Я рассмеялся, потому что вопрос прозвучал забавно.

— Какую еще штуку? Штуки бывают разные.

— Они называли ее «роботом». — Сообщил Ярдзич.

— Кто «они»?

— Люди, которые ее собирали.

— Где?

— На высоком здании в той стороне, — смок немного пролетел в соответствующую сторону, потом вернулся. Он мог бы и не лететь — эмпатическая связь между нами была достаточно сильной, чтобы, ориентируясь на его ощущение «той стороны», я мог точно определить направление. Также стало и ясно, какое здание он имеет в виду. Увы, из-за дождя рассмотреть его невозможно.

Я пожал плечами.

— Какая-нибудь корпорация hi-tech занимается своими делами... Зачем ты к ним полез?

— Я прилетел к тебе, — объяснил Ярдзич. — Чтобы узнать, не хочешь ли ты дать мне молока с кровью. Но тебя не было. Я сидел на подоконнике. А потом почувствовал, как на меня что-то светит.

— Светит? — Переспросил я.

— Да, светит. Оно светило через меня, в твою комнату. Мне стало интересно, откуда этот свет и я полетел на него. Светили люди, которые возились с той большой штукой.

— С роботом?

— Да, с роботом.

— Загадочно. — Я несколько секунд размышлял, чтобы это все значило. Герр Рихтер решил, что недостаточно тех групп, которые и так постоянно меня пасут и решил установить дополнительную систему наблюдения за моей квартирой? Ну, это уж чересчур...

— Ладно... пойдём посмотрим на твоего робота.

Я зашел в квартиру для того, чтобы переодеться и закинуть одежду в стиральную машину. Стоя голышом перед окном, подумал о том, что наблюдать за мной с той крыши могут прямо сейчас и, повернувшись, похлопал себя по заду. Любуйтесь. Скоро, мои дорогие, мы познакомимся поближе... но вряд ли вас это обрадует.

Ливень все еще шел, хотя гроза и поутихла, и поэтому, чтобы не намокнуть во второй раз, я прихватил полиэтиленовый дождевик.

Проехал на автобусе пару кварталов. Ярдзич летел на некотором отдалении, прячась в тенях под окнами вторых и третьих этажей.

Когда я вышел из автобуса, то увидел прямо перед собой, через улицу, исполинское здание «Алимитед хеус». Туда-то мне и надо. Здание, по большей части, занимали офисы различных компаний. Один из восьми лифтов доставил меня на пятидесятый этаж — далее нужно было выходить и ехать на другом лифте. Охранник попытался узнать, кто я такой и что мне нужно. Я прикоснулся к его разуму, внушив ощущение, что я — важная шишка, которой он всячески должен помогать. Охранник проводил меня до лифта и объяснил, куда и как поворачивать, когда доберусь до самого верха. Очень любезно, спасибо.

Когда я поднялся на последний этаж, то обнаружил, что вход в служебные помещения закрыт на электронный замок. И ни одного служащего поблизости, способного одолжить мне свою карточку. Ну что ж. Я положил ладонь на замок, прикрыл глаза и пару минут экспериментировал с электроникой. В конце концов мне удалось найти контакт, отпирающий дверь — и вот я внутри. Несколько помещений, в том числе — диспетчерская, откуда служба безопасности вела наблюдение за всем зданием. Сначала, когда я только вошел, они были очень удивлены и недовольны моим появлением, но после того, как одного из них я заставил упасть в обморок, а волю второго подавил, у нас быстро сформировался приемлемый формат общения. Правда вот, к сожалению, на крыше у них не было камер. Про работа охранник ничего не знал, хотя весь день какие-то люди таскали на крышу коробки. Что за люди, он понятия не имел — начальство приказало ему не мешать им и оказывать любую

помощь, которую они потребуют.

— А где все эти люди сейчас?

— Они покинули здание около полутора часов назад. — Ответил охранник.

— Все?

— Оставили двоих на крыше и еще одного в кабинете начальника службы безопасности. Эти трое ушли... убежали несколько минут назад.

— Убежали? — Переспросил я.

— Убежали. — Подтвердил охранник.

— Опиши их... Хотя нет, стоп. У вас же тут есть записи. Покажи мне их.

Диспетчер пощелкал по клавиатуре, отматывая запись назад. Парочка с крыши очень спешила. Два здоровенных бугая в военной форме без знаков отличия, в дождевиках и с автоматами. Пробежали мимо диспетчерской всего лишь на четыре минуты раньше, чем к ней подошел я. Парень, которого я отправил в нокаут, вышел было поинтересоваться, что случилось и не нужна ли им помощь — вояки молча, без каких-либо комментариев оттолкнули его с дороги и понеслись к выходу.

Я задумался — не видел ли я их внизу, в холле, или на пятидесятом этаже, когда пересаживался в другой лифт? Нет. Похоже, мы разминулись. Я потребовал, чтобы охранник проследил их путь до выхода из здания — так и оказалось. Пока я ехал в шестом лифте вверх, они на третьем спускались вниз.

А что с типчиком, оставшимся в кабинете начальника службы безопасности? Он покинул кабинет вскоре после того, как охранники рванули с крыши. Не такой здоровяк, как эти двое, и одет не в военную форму, а в обычную гражданскую одежду. Но видно — по стрижке, фигуре, пластике движений и выражению лица — что этот парень военный... либо, как минимум, немало лет отдавший военной подготовке. С ним мы тоже разминулись. При том он не стал садиться в лифт сразу, а подождал, пока я зайду в лифт вниз, и лишь после этого сел в другой. Он явно хотел исключить самую возможность встречи со мной в холле... либо эту возможность хотел исключить тот, кто его вел. А в том, что эту троицу вели, при том наблюдая за моими перемещениями, не было никаких сомнений.

Все страньше и страньше...

Я вышел из диспетчерской и по тому самому коридору, где не так давно показали хороший спринт двое здоровяков, добрался до лесенки, ведущей уже непосредственно на крышу. В конце обнаружилась еще одна

запертая на электронный замок дверь, но у меня уже не было никакого настроения деликатно ее вскрывать. Вырвавшаяся из меня сила деформировала, а затем вышибла дверь вместе с частью косяка.

Хреновина, которую собирали военные, стояла чуть поодаль, заботливо укрытая тентом от непогоды и посторонних глаз. Паранормальное чутье подсказало мне, что там, под тентом — куча металла, пластика и электроники.

Я подошел ближе, сдернул тент и, наверное, с минуту молча разглядывал эту штуку, не зная, верить своим глазам или нет.

— Охренеть... — Пробормотал я.

Это действительно был робот. Выбравшийся словно из фантастического фильма — сложный, красивый, на гусеницах, около двух с половиной метров в высоту, с ракетой в пусковом устройстве, спаренном с левым манипулятором. Правый манипулятор был спарен с пулеметом — правда, без патронов. То ли патроны еще не успели подвезти, то ли вовсе не собирались, рассчитывая угробить меня одной ракетой. Второе предположение было более вероятным — вести из пулемета прицельную стрельбу по моим окнам, с учетом расстояния между зданиями, было бы малореально. Интересно, а насколько мощная ракета в левом манипуляторе? Сильно сомневаюсь, что дело ограничилось бы точечным повреждением одной моей квартиры. После безуспешной попытки убить меня, взорвав поезд, логично было бы перестраховаться — и хорошо еще, если в результате попадания ракеты оказался бы разрушен только один дом, а не весь район. Больше района — вряд ли: радиоактивных элементов в боеголовке я не ощущал.

Я вспомнил вдруг, что видел похожего — только поменьше размером — робота в каком-то ролике, рассказывающем о новейших военных достижениях современного Китая. Но тот робот существовал в единственном экземпляре и уныло ползал по лаборатории, где его собирали, тестировали и улучшали. Ведущая передачи взволнованно рассказывала, как этих роботов — лет через 10-15 — будут применять против террористов. Так что же, Китай занижал свои действительные достижения в сфере робототехники? Существовали другие экземпляры, уже вполне готовые к использованию, один из которых был выкраден и доставлен в Норриг? Это предположение казалось не вполне правдоподобным. Какие у нас еще есть варианты? Ну вот например: никто ничего не крад, и китайцы привезли его сюда сами. Но при чем тут я? Не смотря на все мои полуфантазии-полувоспоминания, я, если и был связан, то лишь с древним Китаем, а к современному не имел ни малейшего

отношения. Хм-м... может, это не китайский робот, а наш? Только, в отличии от китайцев, наши не трубили о его разработке.

Я еще раз оглядел робота. Увы, никаких надписей. Также, при ближайшем рассмотрении выяснилось, что он собран не до конца. Нескольких панелей не хватало. Может, отсутствующие детали находятся в тех ящиках, груда которых была навалена слева от робота?.. Да, сборщики работали явно в спешке. При том всю работу немедленно свернули, как только я вернулся в квартиру.

Интересно, если бы любопытный Ярдзич не придал значения шарящим по квартире лучам лазерного прицела, и если бы во время моей следующей отлучки неизвестные «доброжелатели» завершили бы сборку робота — почувствовал бы я хоть что-нибудь в тот момент, когда робот вдруг пробудился бы и стал действовать в согласии с заложенной в него программой? Вряд ли. У него ведь нет собственного внимания. Нет агрессивных намерений. Ничего нет. Это просто кусок металла и пластика. Вот если бы на крышу «Алимитед хеус» поднялся бы боевик с ПЗРК — вот тогда бы история со снайпером-неудачником имела бы все шансы повториться еще раз. Но нет, они обожглись один раз и сделали выводы... умные ребята. А главное — знающие, кто я такой и на что способен.

Вызванный мною дождь все еще шел, и крутится у военного робота мне надоело. Я вернулся в диспетчерскую, сел на место оператора и задумался, можно ли каким-нибудь образом выйти на этих непонятных военных, едва не устроивших в Эленгарде крупнейший теракт за всю историю Восточно-Европейской Конфедерации. Непосредственные исполнители сбежали. Но они ведь не действовали тут сами по себе. Служба безопасности «Алимитед хеус» не пыталась им помешать, а, напротив, была готова оказывать всякое содействие. Значит...

— На каком этаже кабинет вашего начальника? — Спросил я у диспетчера.

— На тридцать шестом.

— Он у себя?

— Не знаю. В его кабинете камеры нет.

— Ты можешь с ним связаться?

Диспетчер попробовал, но начальник не пожелал отвечать на звонок.

— Ладно. Сиди тут.

Когда я спустился на тридцать шестой этаж, то обнаружил кучу людей в коридоре. Общее настроение — испуганно-подавленное. Люди растеряно переговаривались. Я уловил реплики:

— Посреди бела дня...

— И кому это понадобилось?.. Зачем?..

— Кто-нибудь вызвал полицию?..

— Да, они уже едут.

Полицию?.. У меня возникло неприятное предчувствие.

— Что тут случилось? — Поинтересовался я у какой-то женщины. Поначалу — когда это был только вопрос — она не захотела отвечать, отвела взгляд. Пока она видела перед собой незнакомого семнадцатилетнего парня, вопрос не имел значения. Вот так всегда. Люди слишком концентрируются на внешнем. Пришлось показать ей истинное положение вещей — и этот же вопрос мгновенно приобрел первостепенную важность. Она ответила, и я кивнул в такт ее словам и своим мыслям — мои подозрения подтвердились.

Покажется странным, но когда заставляю других людей служить себе, то я ни у кого не отнимаю свободу. Нельзя отнять у людей то, чего у них нет. Им только кажется, что они свободны в обычной жизни. На самом же деле есть огромное множество причин, которые обуславливают мышление и восприятие, оставаясь при этом неизвестными тем, кто мыслит и воспринимает. Можно смешать с пищей или распылить в воздухе наркотик, под воздействием которого человек станет злым, сладострастным или плаксивым. Причина изменения поведения останется неизвестной человеку, но его мышление и реакции изменятся.

Причин, влияющих на мышление и поведение, огромное множество. Если вещества, распыленные в воздухе или содержащиеся в пище, еще можно обнаружить, то иные, более тонкие причины, не сумеет обнаружить ни один ученый. Ценностная шкала обычного человека обусловлена воспитанием, социальными связями, инстинктами, религией и прочими посторонними вещами. «Ломаю» человека, на самом деле я просто освобождаю его от всех тех ценностных оков, которыми он был скован от своего рождения. Другими словами, на первоначальном этапе я ломаю вовсе не чужую волю, а ту клетку, в которую она заточена.

Освобожденный человек оказывается в том самом мире, в котором я жил всегда — в мире, где привычные социальные ценности не значат ровным счетом ничего. Я привык к миру без правил и устанавливаю правила сам. А тот, кого я в этот мир выдергиваю, дезориентирован. Ему непривычно такое положение вещей. Он словно животное, привыкшее к земному тяготению и затем вдруг, во мгновение ока, оказавшееся в невесомости. То, что определяло его мышление, его реакции и поведение, исчезло, а становится причиной собственных действий, не опираясь ни на что внешнее, он просто не способен. Не умеет, потому что никогда раньше

этого не делал. Он не лишен воли (хотя для краткости мне и удобнее говорить так), но он не знает, куда ему направить эту волю и к каким целям стремиться, потому что сломаны все правила, ранее определявшие его стремления и цели. Он дезориентирован и делает самое естественное для себя в своем новом положении — примыкает к иной, много большей, чем его собственная, воле. К воле, способной и готовой устанавливать собственные правила, и задавать цели, не опираясь ни на что внешнее. Я не порабощаю чужое сердце — человек сам подносит его к моим ногам. Он с готовностью отдаст мне все, что имеет, в обмен на хоть какую-то определенность — даже если это тупая определенность приказа. В мире, где нет определенности и где устранены все прочие причины желания, кроме моей воли, человек будет желать того, чего желаю я.

Мне говорили, что я бездушное, самовлюбленное чудовище, но как можно ценить чужую жизнь и свободу, если точно знаешь, что в любую минуту человек может стать твоей игрушкой, если видишь, как он становится безвольной куклой, когда разрушается иллюзия свободы — иллюзия, которую ранее поддерживали вещи, несколько от самого человека не зависящие? Я уничтожаю фальшивый, искусственный мир и привожу человека к его естественному состоянию — кто же виноват, что в этом состоянии он оказывается так жалок, ничтожен и слаб?

Когда я отпускаю свою жертву, со временем она возвращается в свою привычную клетку, к тому состоянию сознания, где есть иллюзия свободы; к состоянию, где цели и стремления, мысли и чувства обусловлены множеством обычных причин, подавляющее большинство которых неизвестны жертве и несколько ею не осознаются.

Самая частая реакция, которую я вызываю — страх, потому что мне нет дела до окружающих людей, я не стремлюсь к тому, чтобы им было хорошо и комфортно во время контакта со мной. Мне плевать, что они чувствуют. Но если бы я хотел — они все были бы счастливы, видя во мне живого Митру, сошедшего к ним с небес.

...Женщина, которой я показал настоящее положение вещей, рассказала о том, что начальник службы безопасности «Алимитед хеус» мертв. Застрелен в своем кабинете. Судя по всему, убили его совсем недавно — когда один из помощников обнаружил тело, оно все еще истекало кровью. Два выстрела в корпус и контрольный в голову. Звуков стрельбы никто не слышал.

Я хмыкнул и покачал головой. Типчик, которого приставили к начальнику охраны, знал свое дело. По всей видимости, типчик должен был проконтролировать, чтобы начальник — а значит, и вся служба

безопасности здания — вели себя хорошо. На случай внештатной ситуации у них также имелся план — уничтожение свидетеля и немедленное отступление. Что они и сделали.

Любопытно, почему начальник службы безопасности вообще стал выполнять их команды? Его купили? Взяли в заложники семью? Позвонила какая-то высокопоставленная шишка, убедила вести себя паинькой и не задавать лишних вопросов? Все сразу? Что-то еще?..

— У него были заместители?

Женщина на мой вопрос ответа не знала, и мне пришлось переадресовать его крупному мужчине — тому самому, который сказал, что полиция уже едет. Выяснилось, что этот мужчина и есть заместитель. Что это за военные, откуда они тут и почему надо было всячески им содействовать, он понятия не имел. Начальник велел не задавать ему лишних вопросов.

Я задумался о том, что еще могу раскопать тут собственными силами. Можно было бы разузнать, на какой машине они приехали и уехали, из машин с какими номерами выгружали запчасти робота, но были сомнения в том, что так я смогу нащупать след. Если они без малейших сомнений пошли на убийство, то и номера наверняка были фальшивые. В любом случае, для отслеживания всех этих ниточек требовался нормальный следователь или детектив.

Прибыла, наконец, полиция, и на этаже стало еще больше шума и суеты. С некоторыми сомнениями я посмотрел на мобильник, а потом все же набрал номер, который мне дал герр Рихтер.

Ларс Свенсен поначалу не поверил мне, когда я рассказал про военного робота на крыше «Алимитед хеус» с ракетой, нацеленной на мою квартиру. Спросил, не шучу ли я, и если нет, то не принимал ли я сегодня каких-нибудь психотропных препаратов. В ШАД, в рамках освоения шаманских практик, у нас было несколько занятий, в ходе которых ученики употребляли галлюциногены, и, теоретически, Ларс мог об этом знать, поэтому я не стал злиться и просто пригласил его приехать и взглянуть на все собственными глазами.

Ларс появился в «Алимитед хеус» через три минуты, в сопровождении двоих помощников. Не знаю, какие удостоверения они продемонстрировали полиции, но, видимо, вполне серьезные, поскольку полицейские стали отвечать на их вопросы как паиньки — без всякого, хочу заметить, ментального контроля. Потом Ларс поехал вверх и лично осмотрел робота.

Все это время я был с ним рядом — не заводил разговоров, а просто

молча сопровождал, отслеживая изменения в настроении агента. Он был удивлен увиденным, хотя и старался никак не проявлять свои эмоции. Конечно, он мог имитировать удивление. Нельзя было исключать, что та группа лиц, которой было поручено следить за мной и обеспечивать безопасность, на деле сливала информацию другой группе — той, которая за мной охотилась. Эта теория хорошо объясняла, почему мои таинственные недоброжелатели были в курсе каждого моего чиха, а их самих до сих пор не сумели вычислить и изловить. Поэтому я сначала «освободил» начальника собственной службы безопасности, а затем — двух его помощников и задал им несколько простых вопросов. Увы, информацию на сторону они не сливали. Выяснилось заодно, что все трое — офицеры ВЕСБ, как я и подозревал. Неудивительно. Лопухам с улицы герр Рихтер сторожить бы меня не доверил. Осталось понять только, почему же эти профессионалы, которым поручили охранять меня, раз за разом пропускали мяч. Я поинтересовался, какие шаги ими были предприняты для обнаружения «недоброжелателей» после взрыва в аэропоезде — Ларс рассказал о предпринятых ими мерах, и я не смог найти ничего, к чему можно было бы придраться или что-нибудь, что они могли сделать, но не сделали. Однако те, кого они пытались найти, кажется, учли все и всегда были на два шага впереди профессионалов из ВЕСБ.

Подобный уровень организации преступной группы, если Ларс оценивал его правильно, выглядел как-то совершенно неестественно. Тут напрашивались три варианта: либо меня пыталась укокошить какая-то элитная группа профи, существовавшая в самой ВЕСБ (но зачем? с учетом тотального контроля над ВЕСБ со стороны Рихтера Эзенхофа этот вариант выглядел малореальным); либо действовала аналогичная спецслужба другой страны (что у нас там есть из потенциальных конкурентов? Весготия? Китай?); либо... либо дело тут было вовсе не в уровне подготовки и технического обеспечения агентов, а действовал фактор мистического характера. Скажем, если за мной следил ясновидец, нашедший способ скрывать свое внимание, то никакие, даже самые титанические, усилия группы Ларса по обнаружению «хвостов» или «жучков» не могли принести успеха в принципе — ведь ничего подобного не было и в помине.

Идея о том, что в этом деле замешана мистика заставила меня взглянуть на происходящее несколько более серьезно, чем до сих пор: я привык к своему превосходству над обычными людьми, но если против меня действует несколько психокинетиков, о превосходстве можно забыть. Мой талант, заточенный на прямое столкновение и поражение, оказывался

практически бесполезен в ситуации, когда никакого непосредственного противника не наблюдалось.

Это был худший вариант из возможных, и именно поэтому стоило уделить ему повышенное внимание. Я вернул Ларсу и его помощникам свободу и поехал домой. По пути мне пришло в голову, что рассматривать в рамках третьей версии только психокинетиков-людей — глупо и недальновидно. Тот же Паук никогда не был человеком (хотя и мог успешно им притворяться), а опасность он в свое время представлял немалую. Да, теперь с ним покончено — но кто сказал, что у него вовсе не осталось каких бы то ни было наследников? Далеко не все его схроны мы обнаружили и выжгли. И если, чисто гипотетически, предположить, что у Паука мог быть... скажем так, сынок-Паучок, то этот сынок — если только, конечно, он не был полным олигофреном — должен был понимать, кого нужно устранить прежде, чем устраивать в Европе свое паутинистое королевство.

Я вернулся в квартиру, но мысли о точившем на меня зуб Паучке возвращались вновь и вновь. Тут было все — и мотив, и возможности. Не было только ни единой зацепки, указывающей на то, что этот вариант имеет хоть какое-то отношение к действительности. А если таковая зацепка есть, где ее искать? Съездить в Прагу, осмотреть бывшую резиденцию Паука? Вряд ли там что-то можно найти... но, наверное, все-таки съездить стоит. Я лег на кровать и погрузился в воспоминания о событиях годичной давности...

12

Никто не знает, откуда взялся Паук и почему он поселился именно в Праге. Вряд ли его привлекла эстетическая сторона старого города; я лично склоняюсь к мысли о том, что Прагу он выбрал случайно, наобум, а может быть — и не выбирал вовсе, а просто взял первое, что подвернулось под руку. Неизвестно, откуда именно он взялся, но нет сомнений, что происходил Паук не из человеческой плоскости мира, а выполз откуда-то из глубины, из тех Трещин в ткани реальности, которые могли увести очень далеко... куда дальше, чем я или герр Рихтер когда-либо заходили. Паук был чужд нашему миру, но, несомненно, у нас ему понравилось, и он, появившись, стал обустривать себе гнездо, в которое довольно быстро превратил всю Прагу. Почему я называю его «Пауком», несмотря на многочисленное потомство, которое породило это существо? Может быть, правильнее было бы говорить «Паучиха»? Не знаю. Привык. Мы изначально говорили о нем как о «Пауке», и это прижилось.

Неизвестно, сколько времени он обустривался в Праге, прежде чем его заметили. Герр Рихтер полагает, что Паук вел захват города в течении нескольких лет, но лишь в самые последние месяцы все стало слишком очевидно — настолько, что уже невозможно было не замечать происходящего. В городе пропадали люди, полиция и чиновники вели себя странно, уютная старая Прага превратилась в лабиринт, из которого становилось не так-то просто выбраться. Из некоторых людей, попавших в паутину, Паук выжимал жизненные соки, употребляя, таким образом, своих пленников в пищу. Других использовал как живые контейнеры для своих паучат. Третьих — и это были преимущественно полицейские и чиновники — оставлял почти нетронутыми, ограничиваясь лишь самим фактом связанности души и сердца пленника с раскинутой над городом паутиной. Человек становился слугой Паука, но идеальных рабов было мало, поскольку Паук не имел ни времени, ни желания полноценно следить за всеми: его «подданные» функционировали в полуавтоматическом режиме, выполняя некие общие задачи, поставленные хозяином, но ведя себя при этом зачастую совершенно абсурдно. Паук не был человеком и логика, по которой он организовывал свою систему контроля, не была похожа на человеческую. Из смешения этой новой, привнесенной в людей нечеловеческой логики и старых схем поведения получался безумный

винегрет, в некоторых случаях сдобренный еще и третьей составляющей — настойчивого желания человека выйти из навязываемого ему нового образа поведения. Некоторым это удавалось, они сбежали из Праги и тихо сидели по углам Восточно-Европейской Конфедерации, зная, что стоит им открыто заявить о пережитом — как обязательно найдется доброжелатель, который вызовет карету скорой помощи. Считанные единицы заявляли, и их действительно отправляли на лечение, но этих единиц становилось все больше, и в итоге это стало еще одним фактором, привлечшим внимание к Праге ВЕСБ, а затем и внимание самого герра Рихтера.

Рихтер посетил город лично, ужаснулся тому, что увидел и что, кроме него, не видел больше никто, срочно отбыл назад, потянул за все ниточки, которые мог — и вот уже через пару суток город закрыли, а к его границам стали подходить войска. Паук не стал дожидаться, пока переловят всех его агентов и сожгут все кладовые, и нанес удар первым. Рихтер решал стратегические задачи, и в этом смысле действовал совершенно последовательно, однако, его «инструменты» — войска, которые он направил на блокировку города — сами оказались в опасности. Они не видели ни Паука, ни его паутины, ни детенышей — а последних у этой твари было очень много. Рихтер даже не подозревал, сколько их — до тех пор, пока не началось прямое столкновение. Самое неприятное состояло в том, что невидимый и бесплотный паучок мог залезть в человека и перехватить управление над его телом. В итоге солдаты, которые были отправлены на штурм города, начали стрелять друг в друга. К счастью, Паук не мог захватить сразу всех и не мог забрасывать паучков слишком далеко от своей паутины — отдаляясь от его гнезда, паучки становились вялыми и неконтролируемыми — но он захватил достаточно военных для того, чтобы на первое время полностью себя обезопасить. А сам продолжал обустривать гнездо и расширять свою призрачную паутину.

Следовало выжечь гнездо прежде, чем зараза расплзется по другим городам. Применение термоядерного оружия решило бы проблему, но привело бы к появлению множества жертв. Будущее Восточно-Европейской Конфедерации, по неизвестным причинам бомбящей саму себя (ведь практически никто, кроме герра Рихтера и нескольких его учеников, так бы и не узнал, что произошло в Праге и почему необходимо было уничтожить этот город), представлялось весьма смутным. Прежде чем сбрасывать бомбу, герр Рихтер предпринял еще одну попытку решить конфликт малой кровью. С новыми военными отрядами в Прагу были отправлены все его старшие ученики. Некоторые, совсем немногие, уже успели закончить школу. Плюс весь выпускной класс.

Молодые психокинетики должны были находиться вместе с войсками и обнаруживать бесплотных паучков и прочую астральную мерзость, которую могло выставить против военных захватившее город чудище. С этой задачей они справлялись более-менее неплохо. Паук явно не ждал такого поворота дел. Войска вошли в город. Огнеметы, как выяснилось, прекрасно сжигали призрачную паутину, а психокинетики указывали военным, куда направлять огонь. Жителей города освобождали и эвакуировали, войска медленно подвигались к центру, но пока значительная часть старого города все еще находилась под контролем Паука. Там паутина была особенно густа, а эвакуируемые горожане существенно затрудняли продвижение войск. Вдобавок, взятые Пауком под контроль солдаты и полицейские периодически устраивали вылазки. Любой не освобожденный горожанин — женщина, старик, ребенок — так же мог оказаться угрозой: убийцей, шпионом или террористом-смертником, послушно выполняющим приказы хозяина. Психокинетиков не хватало. Герр Рихтер привлек к делу часть учителей ШАД и еще нескольких учеников из предвыпускного класса. Среди них был и я.

Мы прибыли в город на военном вертолете. Меня поразили эвакуационные лагеря, забитые людьми так, что казалось — мы попали в какой-то человеческий муравейник. С Густавом я познакомился в тот же день, на инструктаже. Помимо военных, в Прагу были направлены отряды полиции из всей Восточной Европы. У них было множество задач — от организации эвакуации жителей до контроля за освобожденными кварталами города.

Густав терпеть не мог психокинетиков. Подростки в центре военной операции раздражали его еще больше. Он считал, что если уж мы тут, то по крайней мере должны вести себя паиньками и беспрекословно выполнять приказы командования. Собственно говоря, все думали примерно также, в том числе и шадовцы. Все, кроме меня.

Когда герр Рихтер, распределяя задачи, поручил мне следить за безопасностью одного из военных отрядов, находившихся на максимальном удалении от центра, я улыбнулся и покачал головой.

— Я пойду в центр. Хочу посмотреть на Паука.

Герр Рихтер настаивал, но меня его аргументы не убедили. В какой-то момент в наш спор влез не любящий психокинетиков Густав. Захотел поставить мальчишку на место. Пришлось показать ему кусочек настоящего мира. Густав впал в протрацию и закапал слюной изо рта. Его привычный мир развалился, а воля и разум, освобожденные от цепей причин и условий, стали подобны человеку, лишенному кожи и

брошенному на необитаемый остров.

Герр Рихтер потребовал, чтобы я прекратил. Я пожал плечами и отвернулся.

— Я уже жалею, что позвал тебя, — сквозь зубы процедил мой наставник, наблюдая, как Густав, едва держась на ногах, обессилено опускается, почти падает на сиденье. — Делай что хочешь, только не мешай нам.

Я повернулся и вышел из штаба. Я не умею и не хочу работать в команде. Мне нет дела до успеха военной операции и количества жертв. Меня не заботит будущее Восточно-Европейской Конфедерации и даже собственное будущее волнует мало. Люди постоянно жертвуют настоящим ради будущего. Я не делаю этого никогда, и в этом смысле дикие звери мне ближе, чем прямоходящие хомо сапиенсы. Меня не беспокоят комфорт и неудобства, которые можно получить когда-нибудь потом, мне интересен только настоящий момент. Только то, что можно получить здесь и сейчас. Это нерационально? Согласен. Попахивает идиотизмом? Может быть. Но я ощущаю внутреннюю гармонию, живя так.

Я гулял по городу двое суток. Убил несколько крупных тварей и едва не погиб в ходе столкновения с группой военных: управляемые маленькими паучками, они не заботились о собственной безопасности, и просто взорвали пару гранат, как только мы сблизились — даже не потрудившись метнуть эти гранаты в мою сторону. Обычно я способен управлять такими вещами: чем больше разрушительных сил оказывается выпущено на волю рядом со мной, тем вольготнее я себя чувствую, душу и тело наполняет неземной восторг... но в тот раз все произошло слишком быстро, я не успел настроиться. Спасла интуиция: мир сделался неправильным, пространство закричало от боли, почти силой заставляя мое тело выгнуться невыносимым образом, занимая положение, при котором меня не заденут осколки...

Больше ничего интересного в эти дни не случилось. Я смутно ощущал присутствие Паука и в конце концов приблизительно вычислил его местоположение, однако прежде, чем мне удалось довести свое дело до конца, Паук нанес контрудар. Меня он тогда либо еще не почувствовал, либо не воспринимал как серьезную угрозу — я был далеко не единственным психокинетиком, сканировавшим Прагу на предмет местонахождения хозяина всей местной нечисти. Мои сокурсники действовали небольшими группами; были места, где они собирались на инструктаж, обедали и спали — по всем этим точкам ранним утром по приказу Паука был нанесен удар. До сих пор он посылал в бой мелких

паучат, способных залезть спящему человеку в рот или в ухо и взять его под контроль — этих невидимых тварюшек у него было много, но для психокинетика, способного их видеть, они не представляли большой угрозы: шадовцы чувствовали их и успешно уничтожали. Кроме мелочи, видели тварей покрупнее, но всем казалось, что таких существ в распоряжении хозяина Праги совсем немного. Это была ошибка. Паук бросил на штабы и места дислокации психокинетиков всех подконтрольных людей, которые у него были, и в это же время из канализационных люков начали выплывать крупные твари, похожие на призрачных спрутов. Пули им были неопасны, как и большинство шадовцев, угрозу несли только огнеметы, но этих тварей было много, а наши солдаты — отвлечены боем с солдатами Паука. Когда в лагерях начался полный хаос и ад, выяснилось, что Паук модернизировал своих самых маленьких отродий — они стали агрессивнее и сильнее, и могли захватывать сознание даже бодрствующего человека, если им только удавалось заползти ему в рот или в ухо. Мелкие твари воспользовались хаосом и захватили множество солдат; шадовцы гибли один за другим; спруты ударили в спину солдатам, оборонявшимся от атак законтроленных людей... В общем, Восточно-Европейская Конфедерация проиграла это сражение.

Я подошел к основному лагерю, когда там шла суматошная эвакуация. Спруты не добрались сюда только потому, что Паук остро нуждался в новом биологическом материале, и вот они тащили ему из второстепенных, только что разгромленных лагерей, новых пленников; но было ясно, что это лишь затишье перед бурей. Потребовалось время, чтобы пробиться через толпу людей и отыскать герра Рихтера. Я поймал его у вертолета. Он очень спешил, но ему пришлось обратить на меня внимание.

— Дил! — Заорал Клайв, высовываясь наружу из пассажирского отсека вертолета и пытаясь перекричать шум разгоняющегося винта. — Давай к нам! Тут есть место!

Я покачал головой. Позже я узнал, что спаслись из этого ада только самые младшие шадовцы, которых Рихтер предпочел держать при себе, в основном лагере: Клайв, Бьянка и Марта Леонардес. Ребята постарше и те, кто уже закончил школу, находились в неосновных лагерях, обеспечивая безопасность штабов более низкого ранга — все они погибли.

— Сколько у меня времени?! — Спросил я у своего наставника. Приходилось орать, чтобы быть услышанным.

— Какое время?! — Проорал он в ответ. — Ноль!!! Вы улетаете сейчас!!!

Его лицо казалось маской отчаянья и боли. Тысячи погибли за последний час и сотни продолжали умирать — но он жалел не о них, а о дюжине потерянных учеников. Он слишком многое вложил в нас, и хотя мне и чужда столь сильная привязанность к кому бы то ни было (за единственным необъяснимым исключением), все же отчаянье наставника тронуло даже меня.

— Я не полечу. Сколько у меня времени до того, как ты сбросишь бомбу?

Он несколько секунд смотрел на меня обезумевшими глазами, заставляя сомневаться в том, понял ли он мой вопрос.

— Четыре часа, — наконец выдавил он. Я кивнул. Этого времени должно было хватить, чтобы завершить поиск. Рихтер переключился на своих людей, а я двинулся к выходу из лагеря. Но прежде, чем я его успел покинуть, спруты и один из подконтрольных Пауку отрядов добрались сюда и начали атаку. Вспышки пламени, стрельба, взрывы, отчаянные команды и крики ужаса, рев бронетехники и завывания воздуха, сминаемого бесплотными телами призрачных охотников...

Я подумал, что, отправляясь в логово Паука, где таких тварей будет еще больше, неплохо бы захватить с собой огнемет, но тащить эту дуру на себе у меня не было ни малейшего желания. Поэтому я поискал взглядом ближайшего огнеметчика, а найдя — полностью поработил его волю. Не было времени объяснять ему, почему нужно слушаться моих приказов и почему не нужно бояться смерти, следуя за мной и выполняя то, что я говорю. Кроме того, раб, являющийся продолжением моей собственной воли, был защищен от мелких паучков, а независимый от меня человек — нет. В общем, мне нужен был раб, и я его получил.

Встав рядом, я приказал ему выпустить струю огня. Огонь, который я могу создать собственными силами, слаб и почти безвреден, но если рядом со мной горит уже зажженный огонь, я могу превратить его в настоящую бурю. Создать что-то из ничего намного сложнее, чем усилить или ослабить то, что уже существует.

Пламя пожрало нескольких спрутов и множество тварей поменьше, создав брешь в их рядах. Я двинулся в город, а мой раб с огнеметом — следом за мной. Там, где мы проходили, город начинал пылать, потому что призрачные твари то и дело пытались добраться до нас, и мне приходилось сжигать их, а огонь перекидывался на дома. Пожар полз за нами, словно огромный рыжий зверь, в сто раз более яростный и страшный, чем все демоны, которыми населил город Паук.

Паук облегчил мне финальную часть поисков — я просто пошел в ту

сторону, куда призрачные спруты волокли пленных, и вскоре добрался до старой части города, где белесой паутины на домах было особенно много. В огнемете, который тащил мой спутник, закончилось топливо, и я избавил солдата от пут своей воли. Он по инерции сделал еще несколько шагов, после чего остановился и стал покачиваться из стороны в сторону. Из рта у него при этом текла слюна, а взгляд выдавал совершеннейшего дебила. Похоже, подчиняя его, я надавил слишком сильно, и что-то непоправимо повредил в его разуме — мысль об этом мимолетно промелькнула в моей голове, а затем я оставил солдата за спиной и забыл о нем.

Местных жителей — тех, кто еще сохранил хоть какую-то свободу воли — больше волновал надвигающийся на них пожар, чем моя скромная персона, а подчиненных Пауку в этом районе сейчас было мало — все свои резервы Паук бросил в атаку, уничтожая наши опорные пункты и лагерь. В общем, до логова я добрался почти беспрепятственно.

Это был комплекс зданий в центральной части города, большая часть которых была превращена в фабрики по переработке человеческого материала. Я зашел через дом, где выращивали спрутов. Перекрытия пятиэтажного дома сломаны, все оплетено паутиной, повсюду развешаны коконы с людьми, между которыми порхали многоногие твари с раздутыми животами, в которых угадывались очертания яиц. По стенам, балкам и остаткам перекрытий сновало множество термитоподобных существ — это были рабочие, выносившие использованные тела и закреплявшие свежие для того, чтобы матки могли легко и быстро добраться до рта пленника, вложить в него одно из своих яиц и перейти к следующему. Спруты залетали через дыру в крыше здания и сбрасывали рабочим пленников.

Я мог без проблем уничтожить любую тварь из тех, что видел, но их было слишком много. Я мог бы давить их тут сутками — а они все равно бы нарождались быстрее, чем я бы их уничтожал. Поэтому я не стал никого трогать и вышел обратно на улицу. Беглого взгляда хватило на то, чтобы увидеть — здесь есть то, что мне нужно. Я протянул руку к ближайшему автомобилю, припаркованному у здания, и стал сжимать пальцы. Вскоре я услышал скрежет, а затем — журчание бензина, льющегося из поврежденного бензобака. Проделав ту же операцию с еще двумя машинами, я сосредоточился и вызвал над рукой язычок пламени, который бросил затем в разлитую жидкость...

Огонь явился на зов; взревел, как злой, но верный пес; окружил меня, не вредя и взвился над улицей багряно-рыжим цветком ярости. Я опять вошел в тот дом, но на этот раз я был не один — пламя втянулось в здание

следом за мной, нежно коснулось моей спины, обходя меня справа и слева и растеклось по стенам, пожирая термитов, пауков, маток, спрутов и коконы вместе с зараженными людьми. Один из коконов упал к моим ногам; человека, который находился там, не успели инфицировать — матка как раз подбиралась к его голове, когда ее поглотило вызванное мною пламя; огонь сжег большую часть паутины и человек сумел освободиться и упасть вниз. Он висел не слишком высоко, и ничего всерьез не повредил. Он кое-как встал и, прихрамывая, побежал к выходу, а я не мог не усмехнуться: это был тот самый человек, который в штрабе герра Рихтера перед началом операции пытался поставить меня на место, пытался указывать, что мне следует делать, а что нет. Я не запомнил его имени после нашей первой встречи, и еще быстрее забыл бы обстоятельства второй — но Густав не дал мне это сделать. Когда все закончилось, по его инициативе мы встретились вновь, а потом еще раз. Он ощущал себя обремененным долгом и искал возможность этот долг вернуть — или хотя бы изменить свое отношение к психокинетикам. Мне показалась забавной происходящая в нем внутренняя борьба, и это было основной причиной, заставившей меня пойти на контакт с ним, а затем — практически подружиться. Мне было любопытно, к чему он в итоге придет. На мой взгляд, Густав делал из мухи слона. Ни в убийстве людей, ни в их спасении я никогда не видел ничего такого, чему следовало бы придавать особенное значение.

Я прошел здание насквозь, и огонь полз за мной, постепенно слабея. Его сил, впрочем, еще хватило на то, чтобы сжечь четырех спрутов, карауливших второй выход из дома. Я двинулся к следующему зданию — и тогда Паук впервые заговорил.

Поначалу это была не человеческая речь, а странный беззвучный язык, который была способна слышать только душа, но не ухо. Шелест, шептание, блики огней, вкус дыма, движение теней — вот чем был этот язык поначалу, вот какие образы он будил. Не смотря на всю странность, я почти понимал эту нечеловеческую речь — Паук что-то спрашивал, чем-то угрожал, что-то предлагал. Чем ближе я подходил к логову, тем сильнее очеловечивался этот язык. В какой-то момент я понял: эта тварь видит во мне подобного себе и предлагает поделить мир пополам. «В этом мире много пищи, Хозяин Огня, — говорил Паук. — Хватит тебе и мне. Бери ту половину мира, которую пожелаешь — я возьму другую.» Предложение развеселило меня, и я не смог сдержать смеха.

«Что смешного?» — Прошептал Паук. — «Ты хочешь больше? Ты хочешь получить все?.. Пусть так. Я уйду.»

Я открыл последние двери и вошел в логово твари. Он сидел в самом центре сплетенной им паутины — прекрасный, багряно-черный, со множеством лап и шипастых щупалец, со жвалами, каждое из которых длиной превосходило мою руку.

— Ты, кажется, не понимаешь, зачем я здесь, — сказал я вслух, закрывая за собой двери. Я не был уверен, что он поймет. Но он понял.

«Зачем же?..»

— Людей убивать неинтересно, — ответил я, ловя взгляд его фасетчатых глаз, касаясь его души и ощущая, как нарастает сопротивление... бешенное сопротивление, я и не подозревал, что кто-то способен противостоять мне на волевом уровне с такой силой. — А вот тебя — интересно.

13

...Прокручивая в уме события годичной давности, я погрузился в дремоту, и воспоминания превратились в видения. Наш бой не был долгим — с точки зрения постороннего наблюдателя. Изнутри же казалось, что секунды растянулись в часы. Реальность скомкалась и сложилась в новый узор, ибо внешний мир порождается волей и восприятием, и если мое виденье окружающего мира вряд можно отнести к нормальному для человека, то уж восприятие этой твари — и подавно. Намерения и энергии обрели формы и стали столь же ощутимы, как вещи; вещи превратились в сгустки сил. Я ощутил боль, когда Паук спрыгнул вниз и вцепился мне в бок, дробя кости своими ужасающими жвалами, но боль и близость смерти только подхлестнули мой азарт. На каком-то ином уровне картинка была обратной: там уже я давил и рвал Паука, а он скукоживался и пытался продержаться столь долго, сколь ему потребуется времени, чтобы на телесном уровне разорвать в клочья мое слабое человеческое тело. Он не успел. Моя сила, происхождение которой остается до сих пор загадкой для меня самого, оказала влияние не только на волю и ум Паука, но и на его жизненную силу и тело. Он стал медлительным и неповоротливым, его внутренности медленно, но неуклонно превращались в фарш — и тоже самое происходило с его биополем. Наконец он обмяк и замер — устрашающая оболочка, отныне не способная никому повредить и гаснущее сознание, проваливающееся в бесконечную темную бездну... Он прошептал еще одно слово, и затем наконец умер. Я кое-как сумел отодвинуться от мертвой твари, гадая, долго ли протяну. С левой стороны у меня были переломаны кости и некоторые ребра торчали наружу, также были повреждены внутренние органы; я истекал кровью. Каким-то образом я все же сумел выбраться на улицу. Многочисленные порождения Паука сновали туда-сюда, не нападая и, похоже, не понимая, что им теперь делать. Часть из них сдохнет в последующие дни вместе с распадающейся паутиной, которая не была способна долгое время существовать без Паука, другую, неорганизованную и неспособную оказать сопротивление, постепенно уничтожат огнемечки герра Рихтера. Но это будет потом. А пока я брел по улице, гадая, сумею ли сделать следующий шаг или упаду. Довольно скоро я свалился, и встать уже не смог. Теряя сознание, я почувствовал, что меня поднимают и куда-то несут. Это оказалась

сердобольная польская семья, потерявшая жилье в результате мною же организованного пожара; находясь на грани отчаянья, совершенно дезориентированные происходящим, они, тем не менее, сумели отвлечься от своих несчастий и оказали первую помощь умирающему посреди улицы подростку. По крайней мере, я протянул еще часов пятнадцать, а потом меня нашел герр Рихтер, и дальше — полевой госпиталь, напряженная работа хирургов и рука Бьянки на моем лбу. От Бьянки растекались теплые волны, полные умиротворяющей живительной силы, и я погрузился в сон — ощущая, тем не менее, как врачи штопают мое тело и вправляют кости. Обезболивающие не подействовали и тогда — точно также, как не подействовали и год спустя, когда меня собирали по частям после взрыва в аэропоезде — но тогда, в полевом госпитале, я никого не убил и ничего не сломал, потому что рядом была Бьянка, и моя склонность немедленно отвечать болью на боль притихла и не проявляла себя... Я быстро поправился и узнал, что они вернулись из-за Марты, точнее — из-за сообщений, которые доставлял юной мексиканской шаманке один из подчиненных ей духов. С Мартой у меня никогда не было близких отношений — я ей абсолютно не нравился, она же не казалась мне кем-то, заслуживающим внимания. Но все же, я должен признать, что на фоне большинства других людей она отличалась в лучшую сторону: также, как серый, ничем не примечательный человек может показаться гением на фоне олигофренов. Во-первых, она умела общаться с различными мелкими духами. Ничего особенного в том древнем мире, который я помню, совершенно обычный талант — но в современном мире это было что-то совсем редкое и уникальное, вроде мамонта, бродящего по Сибири. Она напоминала мне о временах, когда магии было много, когда повсюду водились твари, встретить которых сейчас можно лишь в легендах. Не знаю, кем был я в ее представлении — подозреваю, что каким-нибудь злобным индейским демоном, искусно притворяющимся человеком — знаю только, что она старалась избегать любых контактов со мной. Она (и это вторая из ее положительных черт) боялась меня, но боялась правильно. Она не паниковала, а трезво оценивая опасность, вела себя так, чтобы свести эту опасность к минимуму. Некоторых учеников ШАД, когда они слишком забывались, мне приходилось слегка встряхивать и приводить в чувство, Марту — никогда.

Так вот, вертолет унес эту троицу в соседний город, но Марта хотела знать, что происходит в Праге, и отправила туда одного из своих духов — пошпионить за мной. Так они узнали, что Паук убит, а я нахожусь при смерти. Марта не пошевелила бы и пальцем, чтобы спасти меня, но Бьянка

и Клайв мыслили иначе. Вместо того, чтобы сесть на самолет, вылетающий в Эленгард, они заставили пилота вертолета отвезти их обратно в Прагу. Пока Бьянка лечила меня, Клайв, Марта и сам герр Рихтер обыскивали город, руководя отрядами огнеметчиков, уничтожая паучат и ускоряя распад призрачной паутины. А потом, когда город был очищен, мы все вместе улетели домой.

Вот, пожалуй, и все. Но теперь, когда спустя почти год после тех событий начались все эти странные покушения, я вновь мысленно возвращаюсь к событиям в Праге и думаю о том, что же имел в виду Паук, в последний миг перед неотвратимой гибелью прошептавший мне: «Наследник...»? Что он хотел сказать? Могла ли эта тварь незадолго до нашей встречи породить кого-то, столь же сильного и хитрого, как она сама, но более близкого к человеческому миру, способного мыслить и планировать также, как это делают люди? И не обещал ли мне Паук перед своей смертью столкновение с этим «наследником»? Мол — «пусть ты отверг предложенный мир, но жить спокойно в нем ты не будешь, и мой наследник рано или поздно доберется до тебя»? Пауку не составило бы проблемы подчинить нескольких высокопоставленных военных шишек и заставить их организовать доставку на крышу «Алимитед хеус» боевого робота.

Версия с «наследником Паука» все объясняла. И все же... все же мне казалось, что я чего-то не учитываю. Было что-то еще, лежащее под самым носом, что ускользало от моего внимания...

Я провел несколько часов, то пробуждаясь, то вновь погружаясь в дремоту и вновь возвращаясь к воспоминаниям о Пауке. Паук видел во мне кого-то, схожего по духу с ним самим — то, что он не видел во мне человека, явствует из самого характера предложения, которое он мне сделал... Марта Леонардес, предпочитавшая обходить меня стороной — а в случаях, когда она все же бывала вынуждена оказаться со мной в одном пространстве, принимавшаяся беззвучно, одними губами, шептать свои индейские заговоры против злых духов... Может быть, они оба были не так уж далеки от истины? Раз существуют перерождения души в различных телах (а то, что они существуют, я знал совершенно точно), может существовать и какой-нибудь закон, определяющий характер этих перерождений. Может ли человек, сознательно и упорно творящий зло, в конечном итоге родиться в мире демонов? Предположим, что да. А раз так — может быть, я представляю собой противоположный вариант? Может быть, когда-то я и впрямь был демоном, но за какое-нибудь ужасное (для демона) преступление — вроде бескорыстного доброго поступка —

обречен прожить одну человеческую жизнь за другой, до тех пор, пока не исправлюсь и не восстановлю целостность своей бездушной и глубоко порочной натуры? И что, интересно знать, мне для этого нужно сделать? Вырвать Бьянке сердце, предварительно подвергнув ее самым зверским и извращенным пыткам?.. Да ну к черту. Даже если это правда, таким путем к осознанию себя-настоящего я не пойду. Человеческая реальность за тысячи лет мне порядком приелась, но еще не настолько. В чем-то я даже привык к людям, местами даже стал более терпимым...

...От всех этих бредовых фантазий меня оторвал, вырвав из полудремы, телефонный звонок. На табло отобразился номер моего наставника. Что ему нужно в такое время?..

— Доброй ночи, герр Рихтер.

— Дил, ты еще не спишь?..

— Уже нет. — Я улыбнулся.

— Извини, что разбудил. Ты ведь, кажется, всегда хотел побывать в Китае?

— Да, — я сделал короткую паузу. Вопрос меня насторожил. — А что такое?

— Ты летишь туда завтра. Утром за тобой заедут.

— Что случилось?

— Ничего, — усталый вздох. — Ничего нового. Просто тебе нужно... исчезнуть на какое-то время. Тогда, возможно, все утрясется... По крайней мере, я на это надеюсь.

— Что утрясется?! Я вас не понимаю.

— Я не могу объяснить всего прямо сейчас. Вернешься из Китая — поговорим. Не спорь, пожалуйста. Сделай то, что я прошу.

Я долго молчал, прежде чем ответить. Мне не нравились те условия, в которые меня пытался поставить герр Рихтер. И все же... и все же я понимал, что у него могли быть причины так поступать. Он умный человек и знает меня. Знает, как я реагирую на те или иные вещи. Связь, сформировавшаяся между нами за прошедшие годы, очень хрупка и ее легко разрушить. Достаточно лишь раз предать мое доверие. Рихтер — не Бьянка, в нем нет той странной силы, которая есть в ней и которая заставляет стихать бушующую во мне жажду разрушения; силы, которая согревает мою холодную душу, приближая ее, насколько это вообще возможно, к человеческому миру, с его любовью и состраданием. Герр Рихтер, скорее, сроден Марте, хотя многократно умнее ее и хитрее: он хорошо чувствует флажки и знает, где категорически нельзя за них заступать. Между нами существует своего рода договор, и если он будет

нарушен, я просто перестану отличать этого человека от всех остальных людей.

— Хорошо, — вздохнув, сказал я. — Китай так Китай. Пойду собирать вещи.

14

Самолет совершил посадку в нанкинском аэропорту. Все мои вещи уместились в небольшой рюкзак; у моего спутника, Линь Хуна, вещей было и того меньше. Линь — Норрижский гражданин китайского происхождения, агент ВЕСБ, приставленный ко мне Рихтером в качестве спутника и переводчика. Хотя я и надеялся, что, оказавшись в Китае, вспомню свою прошлую жизнь в нем настолько хорошо, что вновь смогу говорить на том языке, которым когда-то отдавал приказания огромной армии, растянувшейся от горизонта до горизонта, все же нельзя было рассчитывать, что даже и в этом случае я окажусь понят людьми, живущими на этой земле в нынешнее время. Прошло несколько тысяч лет, язык неузнаваемо изменился также, как изменился с тех пор сам мир. Поэтому я не стал особенно рьяно возражать против общества Линя: я планировал насыщенную культурную программу, и помощь переводчика будет совсем не лишней.

Рихтер подобрал хорошего исполнителя и правильно подготовил его: Линь беспрекословно выполнял мои распоряжения, не лез с разговорами и не пытался влиять на мое поведение. В первый же день я приволок в номер гостиницы симпатичную китаяночку, которую подцепил тут же, на улице. Избавленная от культурных стереотипов и привитых в ходе воспитания императивов, она превратилась в великолепное похотливое животное, обществом которого я наслаждался почти всю ночь. Я не знал китайского, она — норрижского, но, тем не менее, мы прекрасно поладили. Линь повел себя паинькой и все это время провел в своей комнате, покинув ее лишь после того, как девушка ушла.

Некоторое время мы обсуждали маршрут поездки и то, каким транспортом лучше воспользоваться. Линь предлагал скоростные аэропоезда, но мне не было нужды куда-либо спешить, наоборот, хотелось иметь возможность в любой момент остановиться и провести неограниченное время на понравившемся месте: я надеялся, что найду здесь хоть что-нибудь знакомое, что запустит цепочку воспоминаний, связанных с этим местом. И вот, мы взяли напрокат машину и отправились в Хэфэй, оттуда в Сюйчан, и далее на север, приближаясь к Великой Стене.

Мы часто останавливались, но увы — все оставалось незнакомым. Сохранилось ли хоть что-то от той страны, в которой я когда-то жил? Не

все ведь превращено в автострады, фабрики и гипермаркеты? Нужно было поискать там, где еще сохранилась дикая природа и вот, миновав Сюйдэ, мы свернули на проселочную дорогу и ехали, минуя одну деревушку за другой, так долго, как только могли, а когда дорога закончилась — оставили машину в одной из деревень и дальше пошли пешком.

Когда мы ночевали у гор Циляншань, с вершины спустился белый тигр. Линь Хун не видел его, поскольку создание это было той же породы, что горгоны и смоки — оно было способно входить в человеческую реальность и покидать ее по своему желанию. Затем тигр стал человеком — низеньким, совершенно седым стариком в просторных белых одеждах, и Линь недоуменно уставился на него, задаваясь вопросом, откуда старик тут взялся. Линь спросил у него что-то на китайском, но цзинь проигнорировал вопрос — он смотрел только на меня.

— Давно здесь не было таких гостей, как вы, уважаемый господин, — старик поклонился. Он говорил на тфонхо — наречье духов, на языке, который слышит душа, а не ухо. Я его понимал, а вот Линь — нет, хотя, вероятно, и он ощущал что-то: во всяком случае, он смотрел на старика слегка ошеломленным взглядом.

Я прищурился. Неужели мне все-таки удалось наткнуться на след своего прошлого?..

— Ты знаешь меня?!

— Нет, уважаемый, — старик покачал головой. — Вижу вас впервые. Но невозможно было не ощутить дыхание вашей силы. Осмелюсь спросить — как зовут вашего божественного родителя?

Я несколько секунд молчал, разглядывая цзиня и стараясь не выказывать своего разочарования. Наконец, я сказал:

— Мои родители — обычные люди. Ты ошибся. Я не полубог. Я живу уже не в первый раз и эта сила всегда была со мной, сколько я себя помню.

Старик пожевал губами.

— Это весьма странно, — произнес он наконец. — Ибо ваша сила определенно имеет нечеловеческую природу.

— Я тоже так думаю. Иногда она кажется проклятьем, не дающим мне полностью стать человеком, научиться бояться и сострадать. Но гораздо чаще мне кажется, что проклятье — это сам факт того, что я живу в человеческом теле. Какой ты видишь мою силу? Что ты можешь сказать о ней?

— Когда вы вступили на мою гору, я словно услышал звуки боевых труб и ощутил желание сражаться. Владевшая мной дремота отступила, я почувствовал себя бодрым и молодым, мой ум прояснился. Низшие духи

не ощутили перемен, хотя перемены затронули и их тоже, а те, которые ощутили, не смогли понять их причину, ибо ваша сила, достопочтенный, скрыта и действует подспудно. Маленькая мирная речка захотела стать грозным бурным потоком и стала течь быстрее и напористее. Ветра принялись гоняться друг за другом у самой вершины. Земля вздохнула и расправила плечи, желая при первом же удобном случае устроить землетрясение или внезапно открыть каверну.

— Выходит, мое присутствие зовет к войне?

— Выходит, что так, достопочтенный. Не может ли быть так, что вы — один из военачальников Небесного Императора, отправленный в ссылку за какую-либо провинность?

— Интересное предположение, — я не мог не улыбнуться. — Мне нужно хорошенько его обдумать.

Старик еще раз поклонился.

— Рад, что смог оказаться полезным для вас, достопочтенный. Гостите на моей горе столько, сколько сочтете нужным — я, моя семья и мои подданные, все мы, будем безмерно рады вашему присутствию.

Он повернулся и исчез, став струйкой белого дыма, плавно скользнувшей к горе и вскоре втянувшейся в трещины между камнями. Линь оторопело смотрел на место, где только что находился старик.

— Куда он пропал?! — Воскликнул Линь, увидев, что я смотрю на него и улыбаюсь. — Он ведь только что был здесь! Появился из ниоткуда и вдруг пропал... Как такое может быть?

— Это все, что тебя удивило? Ты слышал, о чем он говорил?

— Он молчал, — Линь подозрительно уставился на меня. — Говорил только ты, Дил. Ты говорил странные вещи, но... молчание этого старика было еще более странным. Мне показалось, что ты прекрасно понимаешь его, не смотря на молчание. Он говорил с тобой мысленно?

— Не совсем.

— Он ведь не человек, не так ли? — Выпалил Линь.

Я усмехнулся.

— Ты удивительно догадлив.

— Герр Рихтер предупреждал меня, что нам могут встретиться нечеловеческие существа. Когда я спросил его, «какие?», он посоветовал почитать что-нибудь по мифов Поднебесной. Я подумал, что он шутит, но теперь сомневаюсь в этом.

— Он не шутил. О чем еще он предупреждал тебя?

Линь быстро посмотрел мне в глаза и так же быстро отвел взгляд.

— Он сказал, что путешествовать вместе с тобой — это все равно что

путешествовать вместе со смертью, но если мне повезет, и ты не убьешь меня, то я, возможно, увижу вещи, которые уже очень давно не видел никто из людей.

Моя ухмылка стала шире.

— А герр Рихтер, оказывается, в глубине души настоящий поэт.

...Мы провели у горы двое суток, а затем двинулись дальше. Линь заметил, что если мы собираемся углубиться в дикую местность, потребуется альпинистское снаряжение, другая обувь и сумки повместительнее. Он был прав, пришлось сделать крюк, добраться до ближайшего поселка и там закупиться всем необходимым. Я надеялся повстречать лису с хвостами не менее трех, а желательно — со всеми девятью, но после встречи с цзинем интересных событий не было. Различная мелкая нечисть постоянно шныряла вокруг, но вела себя достаточно смирно, а духи рангом повыше то ли крепко спали, то ли давно покинули эти места. Может быть, Небесный Император послал меня в мир людей для того, чтобы я уничтожил все фабрики и супермаркеты? Так это или нет, но нисколько не сомневаюсь, что подобный поступок, соверши я его, принес бы мне огромный заряд позитивной кармы.

Мы остановились у дикого озера на несколько дней. Прошло уже три недели с начала пути, и следовало признать, что идея поискать наугад в Китае осколки моего прошлого себя не оправдала. Нужен был какой-то другой план, но другого плана не было, поэтому я просто целыми днями купался и загорал, а Линь сидел в тени, чатясь и играя в какую-то популярную китайскую ММО. Я хорошо плавал и чувствовал себя под водой весьма уютно. Озеро оказалось глубже, чем я предполагал изначально, и мне даже удалось обнаружить подводную пещеру. Фонаря для подводного плавания у нас с собой, естественно, не имелось, но зато был обычный, а также имелись полиэтиленовые пакеты, в один из которых я положил фонарик, крепко завязал, а затем, уже будучи в пещере, достал его и включил. Хотя вся пещера находилась довольно глубоко, тут имелось немного воздуха под потолком — в самом широком месте вода в пещере доходила мне до пояса. Затем ход шел вниз и полностью скрывался под водой.

Беззаботное времяпрепровождение закончилось на двадцать третий день пребывания в Китае и на четвертый день затянувшейся стоянки у дикого озера. С утра ничто не предвещало неприятностей. Мы позавтракали консервами; Линь выразил желание съездить в поселок за продуктами, кроме того, у него заканчивались батарейки для планшета. Я

не возражал, но он не успел уехать. Я услышал стрекот и, подняв голову, увидел военный вертолет. Он летел с севера в нашу сторону, а затем... затем мир стал неправильным — на всем пространстве, который мог охватить взгляд. Ни убежать, ни скрыться. И остановить несущуюся с небес смерть нельзя.

Я прыгнул с утеса в озеро и вошел в воду в тот момент, когда наверху раздался взрыв. Я не рассуждал, а действовал, используя свой единственный шанс на спасение — куда подталкивает меня кричащая от боли вселенная, я понял уже в воде. К счастью, пещера находилась совсем рядом — я почти добрался до входа, когда сверху начали сыпаться камни и тонны песка. Пещера тряслась и дрожала, вода в ней плескалась, как будто бы я оказался в бутылке, которую вздумал потрясти великан. Меня несколько раз приложило о стены, но, по счастью, обошлось без серьезных травм. Было темно, сыпались мелкие камушки с потолка, и слышался далекий гул. Потом все стало тихо, вода более-менее успокоилась, и я обнаружил, что выход из пещеры намертво завален. Паранормальные чувства сообщили мне, что завал слишком большой, чтобы мой талант к разрушению мог пробить ход наружу. В поисках выхода я растворил свое сознание в воде, ощущая, как расширяюсь и теку вместе с ней. Как я и подозревал, ход не заканчивался тупиком, а уходил еще дальше вниз, соединяясь с холодным подземным течением. Была только одна проблема — я не ощущал там никаких полостей, заполненных воздухом. Но может быть, они есть дальше, вне той зоны, которую я могу почувствовать?.. Необходимо было это проверить. Я набрал в легкие воздуха и нырнул. Я долго плыл в темноте, на ощупь, но так и не нашел никаких пустот — зато в конце концов ощутил кое-что другое. Где-то там, в глубине, находилась Трещина, уводившая за пределы мира людей в какие-то неведомые пространства. Я не знал, что там меня ждет, но это был шанс. Я добрался до Трещины и проник сквозь нее, спустившись по вертикальному колодецу на дне подземной реки. Здесь было еще холоднее и я стал опасаться, что просто околею, пока буду искать выход. Не переставая двигаться, я сделал несколько медитативных упражнений, представляя, как по телу растекается огонь. Стало полегче, но все равно было слишком холодно для того, чтобы находиться тут долго.

Колодец кончился, и я оказался в заполненных водой, запутанных пещерах, связанных друг с другом широкими ходами. Я поплыл наугад и плыл довольно долго, не заметив момента, когда открыл рот и стал дышать водой. Я был слишком поглощен борьбой с холодом и забыл, что людям, вообще-то, для дыхания необходим воздух — а когда вспомнил об этом,

оказалось, что мои легкие заполнены водой, но организм при этом не ощущает никакого дискомфорта. Физика и биология вкупе со здравым смыслом, похоже, взяли сегодня выходной день. А может быть, меня вовсе нельзя убить?.. К сожалению, память подсказывала — можно. Хотя я и помнил свои предыдущие инкарнации очень фрагментарно, у меня было четкое ощущение, что от старости ни в одной из них я ни разу так и не умер.

Через час или полтора я оказался в огромной пещере и почувствовал, что рядом есть кто-то еще. Его тело было длинным и вытянутым, похожим на гигантскую змею — если бы не четыре лапы. Я чувствовал его внимание, но не ощутил угрозы. Я попытался заговорить с ним, но безуспешно. Затем я ощутил прикосновение его разума — существо выражало интерес и дружелюбие. «Знаешь, как попасть отсюда в мир людей?» — Спросил я, и на этот раз он меня понял. Перед моим внутренним взором промелькнули образы длинного извилистого пути по подземным рекам. Затем, за широкой Трещиной, река выходила в океан, и нужно было долго подниматься к поверхности, днем — невыносимо, ослепляюще яркой, ночью — уютной и будоражащей кровь. Затем нужно было плыть по океану на север, пока наконец не покажется земля. В юности, несколько столетий тому назад (впрочем, он и сейчас не был стар), он был там три или четыре раза — караулил девушек на пляже, хватал тех, которые показались ему привлекательными и волок на дно. Увы, ни одна из них не приняла его ласк, а вскоре они становились холодными и неподвижными. Со временем он понял, что люди слишком хрупки для него и перестал там появляться — вдобавок, вода с каждым разом становилось все грязнее и пустынее, как будто бы люди специально портили ее для того, чтобы отбить у обитателей моря желание похищать их женщин.

Он проплыл несколько раз мимо меня, легко задевая меня своим вытянутым чешуйчатым телом, прежде чем я понял, что он хочет, чтобы я уцепился за костяную пластину на его шее. Стоило мне сделать это, он устремился вперед — мне оставалось только покрепче держаться, чтобы не быть смытым течением. Он двигался поразительно быстро, и вместе с тем — легко и изящно, и я, прикинув к его шее, впал в полузабытьеполудрему. Мне почти расхотелось возвращаться в мир людей, захотелось остаться тут и вечно плавать с этим существом и его родичами по подземным рекам и скрытым темнотой морям, не думая ни о чем, наслаждаясь бесконечной свободой, гармонией и внутренним покоем.

Но все же... Все же я не мог тут остаться. Не сейчас. Наверху была Бьянка... и был враг, с которым мне следовало разобраться. Но я дал себе

обещание, что когда-нибудь обязательно вернусь в этот удивительный подводный мир.

Мы добрались до океана, а затем, рассекая волны не хуже торпедного катера — до берега.

— Благодарю, — произнес я, и его душа отозвалась доверием и теплотой. Он не был добряком, но почему-то был рад оказать мне помощь — как будто бы я чем-то заинтересовал и привлек его, привлек неизмеримо сильнее и больше, чем привлекали когда-либо все люди, вместе взятые, включая и похищенных им девушек.

Был поздний вечер, и пляж пустовал. Выходя на берег, я обернулся и увидел, как вытянутое тело морского дракона взлетает над волнами и затем опять уходит под воду. Я мысленно простился с ним, а затем двинулся к ближайшему поселку.

Из одежды на мне были только плавки, я проголодался и жутко замерз. Я зашел в первый попавшийся дом, показавшийся мне достаточно обеспеченным, чтобы удовлетворить мои интересы, подчинил хозяина и хозяйку, разжился одеждой, обувью и деньгами, а затем позвонил герру Рихтеру. Поскольку я звонил не со своего телефона, секретарь не переключил меня автоматически. Пришлось представляться.

Короткое молчание.

— Одну минуту, господин Гудриксон...

Щелчок. Я прождал секунд тридцать, прежде чем услышал второй щелчок и взволнованный голос наставника.

— Дил?! Ты где?! С тобой все в порядке?

— Ты уже знаешь, что произошло?

— Конечно. Линь отправлял регулярные отчеты. Мы наблюдали за этим районом со спутника. Поэтому, когда пришло сообщение о термоядерном взрыве, я... — Он запнулся и вздохнул. — Я думал, что уже не увижу тебя.

— Чего-чего? Охотник сбросил на меня термоядерную бомбу? — Я засмеялся. Это звучало как абсурд. Но еще абсурднее было то, что я до сих пор жив.

— Две. И не бомбы, а ракеты с малыми термоядерными зарядами.

— Да? — Я задумался, вспоминая свои ощущения от приближающегося вертолета. Похоже, что все-таки это правда. Во всяком случае, это прекрасно объясняло, почему «неправильным» было все окружающее пространство. Безымянный охотник в очередной раз решил поднять ставки.

— На что ты рассчитывал, отправляя меня в Китай? — Спросил я.

— Я... я хотел уберечь тебя. Надеялся, что он прекратит атаку, если ты исчезнешь на какое-то время.

— Кто «он»?

Герр Рихтер долго молчал.

— Не по телефону, Дил, — наконец выдал он.

— Хорошо. Я приеду через пару дней.

— Ты где? Я пришлю за тобой людей.

— Не надо. Очевидно же, что все наши разговоры прослушивают. И этот тоже. Проверь свою службу безопасности. Найди крота. Или, когда я доберусь до Норрига, я найду его сам.

Короткая пауза. Моя последняя фраза, прозвучавшая несколько угрожающе, явно не понравилась учителю. Но он сам виноват. Я доверял его компетенции, а он прошляпил шпиона. Он не назвал мне имени заказчика всех этих покушений, хотя, похоже, прекрасно знал, кто это. В последний раз убийцы подошли чертовски близко к тому, чтобы прикончить меня. Если бы не это подземное озеро... И если теперь герр Рихтер продолжит свою игру в недомолвки, я перестану вести себя культурно и забуду о своем теплом отношении к учителю.

— Приезжай сразу в ШАД, — устало произнес он наконец. — Там и поговорим.

— Чтобы следующую атомную бомбу сбросили прямо на школу? — Саркастически поинтересовался я.

— Ты неправильно понимаешь происходящее. Под угрозой находимся все мы, хотя ты, безусловно, приоритетная мишень. Но я уже не думаю, что он остановится, убив тебя. Раньше думал, но сейчас... все зашло слишком далеко. В общем, — герр Рихтер сделал паузу. — Неважно, где ты находишься. Школа в любом случае под такой же угрозой.

— Просто поразительно. Кто-то объявил охоту на твоих учеников, а ты мне говоришь об этом только теперь?! Ты ведь знаешь, кто я и что я мог бы с ним сделать.

Он ответил так тихо, что я едва услышал его голос в трубке.

— Я не знаю, кто ты, Дил. Да ты и сам этого не понимаешь, не так ли?.. Приезжай в школу и там поговорим.

Найти человека, говорящего по-норрижски, оказалось сложнее, чем я ожидал. Когда же это случилось, мой первый вопрос был: «Есть ли у тебя машина или флаер?» Машина была, и далее я попросил жертву отвезти меня в Шанхайский аэропорт. Потом я попросил его купить мне билет и отпустил на все четыре стороны. Ожидая рейса, посмотрел новости в зале

ожидания. О чем говорят, я не понимал, но по видеоряду и так все было ясно. Показывали взрыв южнее гор Циляншань — распухающий где-то далеко-далеко ядерный грибок, снятый на камеры мобильных телефонов. Потом показывали какого-то важного дяденьку в погонах и сразу же его — уже без погон, под конвоем и уже далеко не столь важного. Видимо, его посчитали ответственным за инцидент. Кем он, интересно, был? Китайским министром обороны? Но кем бы он ни был, можно не сомневаться, что он лишь пешка в этой игре. Я уже уверился в том, что тот, кто преследует меня, и, по словам герра Рихтера, угрожает всей школе, способен управлять умами людей не хуже, чем я сам.

Когда началась посадка, служба контроля захотела увидеть мою визу и прочие документы — которых у меня, естественно, не было. Прикосновение к их душам сняло все вопросы. Зайдя на борт вместе с остальными пассажирами и заняв свое место, я подумал, не трахнуть ли одну из стюардесс в туалете, чтобы немного скрасить скучный полет, но настроения не было, и я продремал в своем кресле все шесть часов, пока мы добирались до Эленгарда.

Я прибыл в ШАД ранним вечером. На пороге кабинета директора меня остановила секретарь.

— Дильгерт? Вы рано.

— В каком смысле?

— Герр директор ожидал вашего прибытия не раньше завтрашнего дня. Он просил вас подождать, если вы все-таки прибудете раньше.

— А где он?

— На саммите ВЕК в Женеве.

— И как давно он там?

— Не знаю, — секретарша пожала плечами. — Его не было в школе уже неделю.

— И он позвонил вам и попросил предупредить о том, что задерживается, если я прибуду раньше него?

— Совершенно верно.

Я освободил ее от оков обычной жизни и минут тридцать мучил расспросами. Как ни странно, она не лгала. Она ни на кого не шпионила, и честно исполняла свои обязанности. Я заставил ее забыть о случившемся и позволил вернуться к привычному миру. Несколько минут я наблюдал, как она сидит на своем месте, тупо уставившись в никуда. Когда я отпускаю человека, он не сразу опутывает себя цепями, к которым привык с детства. Некоторое время он пребывает в совершенно инертном, растительном состоянии, пока привычный мир присасывается к нему, как пиявка,

возвращая способность мыслить и принимать решения.

Я слегка присвистнул, и она дернула головой, выходя из транса. Непонимающе посмотрела вокруг себя.

— Что?.. Что случилось?

— Ничего. Вы, кажется, о чем-то задумались, фрау Эриксон.

Она подозрительно посмотрела на меня и я улыбнулся ей так доброжелательно, как только мог.

Я поискал Бьянку, но не нашел. Ее комната имела нежилой вид — исчезли все личные вещи, шкафы пустовали. Герр Рихтер и ее отправил на другой край света? Я заглянул к ее соседке — двенадцатилетней карлице с огромной головой и коротенькими ручками и ножками, умеющей управлять погодой во сне. Говорила Фрейя невнятно, и ходила с большим трудом.

Она сидела за компьютером и изучала какой-то текст, когда я вошел.

Напряженный взгляд и затаенный страх в глубине глаз. Ничего хорошего от меня она не ждала.

— Ты не знаешь, где Бьянка? — Спросил я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал мягко.

— Она уехала, — сообщила карлица. — Теперь у нее своя квартира и машина. Даже личный водитель есть.

— Ничего себе. Что это она так вдруг? Она же тут хотела пожить еще год или два.

— Герр Рихтер настоял, когда ты уехал. И Виту тоже квартиру дали. Сейчас готовятся переселить еще и тех, кто младше вас на год или два.

Я задумчиво кивнул. В этом была определенная логика. Если школе грозила опасность, было осмысленно отселить хотя бы часть учеников — чтобы в случае теракта не погибли сразу все. Я сжал челюсти. Если это война — а это война — то почему мы только обороняемся? Противник наносит удар за ударом, а мы терпим и лишь стараемся минимизировать потери. Так войну не выиграть. А ведь директору стоило просто назвать мне имя и подсказать как найти того, кто все это устроил. Меня бы никто не остановил. Я бы сжег дотла город, в котором окопался ублюдок, но добрался бы до него — так или иначе. И мы жили бы дальше спокойно — также, как жили до того, как начались все эти покушения.

Я уже собрался уходить, когда Фрейя сказала:

— Она скоро сюда приедет.

— Кто? Бьянка? Почему?

— Она просила меня позвонить ей, если ты появишься в школе.

— И? Ты позвонила?

- Да.
- А она?
- Сказала, что скоро будет.
- Я ей для чего-то нужен?
- Она не сказала.
- Ладно. Спасибо за информацию.

Я закрыл дверь и вышел в коридор. С момента нашего предыдущего разговора Фрейя стала говорить намного лучше. Почти не шепелявила и не глотала звуки, как раньше. Впрочем, мы с ней и разговаривали-то всего раз, года три назад, когда ее только привезли сюда. Я увидел, как она катится в инвалидной коляске, как едва говорит и спросил, не хочет ли она умереть? Зачем жить уродом? Я мог бы убить ее быстро и безболезненно. Фрейя разревелась. Бьянка накинулась на меня, обозвала придурком и потребовала, чтобы я не лез к карлице и забыл про свою идиотскую идею помочь ей умереть. Мол, калеки такие же люди как и мы, ничем не хуже, им надо помогать, а не обижать — и так далее, и тому подобное, длинная гневная речь, целиком состоящая из гуманистического бреда. О карлице я действительно забыл, в очередной раз поразившись тому, что отчего-то не хочу ни убивать, ни калечить человека, смеющегося что-то от меня требовать и читать нотации.

Я немного побродил по школе, а затем сел на скамейку в парке. Лето, вечерняя прохлада, скамейка, укрытая в тених деревьев, шум листвы... Мне было приятно находиться здесь, и я не заметил, как пролетело время до появления Бьянки.

Когда я ощутил ее присутствие в школе, то удерживал внимание на этом ощущении до тех пор, пока она сама не почувствовала меня, прекратила поиски моей персоны в жилом корпусе и спустилась в парк.

- Привет. — Она села на скамейку рядом.
- Привет. Тебе было что-то нужно или ты так просто приехала?
- Так просто. Герр Рихтер сказал, что у школы какие-то неприятности, из-за которых ты должен уехать. Ты мне расскажешь?
- Я сам ничего не знаю, кроме того, что кто-то пытается убить меня. Снайпер, взрыв в поезде, военный робот на крыше, а теперь еще и эта история с Китаем...

- Какая история с Китаем? — Она недоверчиво посмотрела на меня.
- Ты вообще телевизор смотришь?
- Смотрю, но... Подожди, ты хочешь сказать, что этот термоядерный взрыв — это из-за тебя?
- Ага.

Она пару секунд смотрела на меня, а потом рассмеялась, легонько шлепнула меня по руке и отвернулась:

— Да ну, брось. Я чуть не поверила.

— Это правда. Я со своим переводчиком был в эпицентре. Дикая местность, больше никого вокруг нет...

— Это могли быть какие-то испытания... — Неуверенно произнесла она.

— Ага, и именно поэтому арестовали того, кто отдавал приказ.

— Дил... — Она замолчала. Взяла меня за руку. — Я не понимаю, что происходит. Зачем кому-то сбрасывать на тебя бомбу? Это же бред.

— Зачем? Затем, что другие способы оказались неэффективны. Впрочем, — я усмехнулся. — С бомбой у него тоже ничего не вышло.

— У кого «у него»?

— Я не знаю. Директор знает. Завтра он вернется и все мне расскажет.

— Я не понимаю, как ты сумел выжить в термоядерном взрыве?

— Секрет.

Она поджала губы.

— Не доверяешь мне?

— Доверяю. Но существует техника, позволяющая подслушивать разговоры, находясь при этом на весьма солидной дистанции. Охотник и так слишком многое обо мне знает. Незачем облегчать ему жизнь.

— Ты думаешь, нас подслушивают? — Она замолчала и закрыла глаза.

— Уверен на сто процентов.

Она не ответила. Через несколько секунд она подняла руку и сделала сложный, запутанный жест, почти беззвучно шепча звуковой психокод. Я ощутил, как вокруг нас раскручивается паутина ее чар.

— Я не чувствую зла, — сказала она наконец. — И никакого... чужого внимания.

— Я тоже не чувствую, — сказал я, пожимая плечами. — Но это ничего не значит. Проблема с нашей способностью ощущать чужое внимание решается, если передоверить слежку технике. У роботов и механизмов внимания нет. Это не отдельная волевая сущность, собирающая вокруг себя свой мир, а... скажем так, элемент пейзажа. Где-то стоит машина, которая записывает наш разговор, а затем она передает запись куда-то еще. И уже запись просматривает живой человек. Но его внимания мы не уловим. Может, он вообще сидит на другой половине земного шара?

Бьянка поежилась и встала.

— Пойдем отсюда.

Я усмехнулся, но не стал возражать и тоже поднялся.

— Пойдем. А куда?

— Поехали ко мне? — Она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Ну поехали. — Я пожал плечами. — Посмотрим, где ты теперь обитаешь.

Ее симпатичный микро-ниссан синего цвета терпеливо ждал свою хозяйку на ШАДовской стоянке — вместе с женщиной-водителем внутри. Когда мы сели, я попросил Бьянку не мешать — хотел немного пообщаться с водителем в том же режиме, в каком недавно говорил с секретаршей. Бьянка воспротивилась. Пока мы спорили, водитель завела мотор и выехала на шоссе. Она делала вид, будто не слышит нашего разговора, но я ощущал исходящий от нее запах страха также ясно, как если бы она пахла не страхом, а чесночным соусом.

— Нельзя отнимать у людей свободу! — Заявила Бьянка непререкаемым тоном, словно глаголила самоочевидную Истину, с которой все должны были согласиться, лишь только ее услышав.

— Я не отнимаю свободу. Я ее даю.

— Да неужели? А со стороны и не скажешь.

— Люди слишком привязаны к своему миру. Кто же виноват, что их воля совершенно не приучена самостоятельно определять свои цели вне социального и биологического контекста?

— Подумайте только, «социальный и биологический контекст»! — Бьянка закатила глаза. — Сколько умных слов для оправдания своей жестокости.

— Ты считаешь, что я поступаю жестоко, пытаюсь обеспечить нашу безопасность?

— Хельга ни в чем не виновата, я в этом уверена! А ты похож на человека, выкидывающего рыбу из воды и заявляющего при этом «ну кто же виноват, что она не умеет дышать вне океанического контекста?»

Я вздохнул и отвернулся к окну.

Некоторое время мы ехали молча. Потом я почувствовал, как Бьянка берет меня за руку.

— Не злись. Но когда ты пользуешься своей силой, это почти всегда ужасно... и жестоко. Только пару раз она была к месту. Вот, например, когда ты сражался с Пауком. Тогда ты спас целый город. Но обычно... когда ты направляешь ее на простых людей, это... это неправильно.

— Я не злюсь. Наоборот, я сижу и пытаюсь понять, почему я не злюсь, хотя и должен. Ты неправа во всем. Никому другому я не позволил бы так разговаривать со мной. Знаешь, с моей точки зрения, самое странное в наших отношениях то, что я до сих пор ничего с тобой не сделал. И не

хочу. Почему-то. Ты не знаешь почему, а? — Я повернулся и посмотрел ей в глаза. — Это какие-то особые чары? Приворотное зелье? Ты ничего не хочешь мне сказать?

— Да ну тебя, — она зарделась и убрала руку. — Дурак.

Я отвернулся. Опять минуты тишины и опять она заговорила первой.

— Ты похож на дикого зверя, — сказала она. — Поначалу я тебя тоже боялась, но когда поняла, что ты как зверь — перестала. Ты не злой. Ты просто какой-то дикий. Ты как чудище, привыкшее к тому, что все его боятся. Ты настолько к этому привык, что считаешь это нормальным и правильным. Ты знаешь, что вызовешь страх и ненависть и действуешь так, как будто бы они уже направлены на тебя. И ты их, конечно, вызываешь. Но я не смотрю на тебя как на чудище. Я знаю, что ты на самом деле другой. И ты в глубине души тоже это знаешь и знаешь, что я знаю.

— Чушь собачья все это. Ты начиталась глупых сказок. Скажи еще, что если я тебя поцелую, то древнее проклятье падет и я вмиг стану прекрасным принцем. — Криво усмехаясь, я посмотрел на нее.

Она опять зарделась, и улыбнулась одновременно смущенно и с вызовом.

— А ты попробуй.

Я отвернулся и остаток дороги мы ехали молча. Желание насилия и убийства терзало меня, как желание выпить — старого пьяницу. Но Бьянку я не хотел убивать, а Хельга, которая вела машину, изображая из себя безмолвного робота, так и не дала мне повода.

Мы остановились в юго-западном районе города, в подземном гараже высотного жилого дома. Бьянка сказала Хельге, что та сегодня ей больше не понадобится и потому может идти домой, но Хельга лишь покачала головой.

— Моя смена заканчивается в шесть, фрау Бьянка. Пока не придет моя сменщица, я не имею права уходить.

— К тебе ее герр Рихтер приставил? — Спросил я, когда мы отошли от машины. — Похоже, она из Безопасности.

— Да? — Бьянка оглянулась. — Ну и что?.. Очень милая женщина.

— Если бы Рихтер не окружал нас этой идиотской и бесполезной охраной, а вместо этого был бы чуточку откровеннее — было бы намного больше пользы. Неизмеримо больше.

— Ну... наверное, у него есть причины.

— Надеюсь.

Мы вошли в лифт. Бьянка нажала на кнопку с цифрой «17» и лифт

медленно пополз наверх.

Я несколько раз бегло посмотрел на нее, одновременно желая и не смея переступить невидимую черту, разделявшую нас. А она смотрела на меня с легкой полуулыбкой, как будто бы прекрасно понимала мои сомнения, но совершенно не собиралась помогать мне их решать.

11...

12...

13...

«Какого черта?» — Подумал я. — «Будь что будет.»

Я подошел и поцеловал ее. Она не отстранилась, но не повела себя так, как будто бы только этого и ждала. Скорее, она была немного удивлена... но все же она не отстранилась, а спустя несколько ударов сердца — ответила мне.

Я отступил от нее на четверть шага, когда лифт проезжал шестнадцатый этаж. Она стояла совершенно спокойно и смотрела на меня так, как будто бы ничего особенного не произошло.

— Я думала, ты никогда не решишься. — Сказала она наконец с полуулыбкой.

Я покачал головой. Как объяснить ей, что для меня она была совершенно особенной? Я не решался подойти к ней, потому что боялся, что если мы слишком сблизимся, то наша дружба исчезнет, сменившись телесной близостью, а затем — пустотой. Я не хотел спать с ней, потому что не хотел ее терять, и без спора уступил ее полтора года назад Клайву Вильсону, когда Клайв начал ухаживать за ней. До сих пор я пользовался женщинами, как предметами для собственного убления, и не хотел, чтобы с ней было также. Но сейчас, отстранившись от нее, я знал: так, как было с ними — с ней не будет. Я слишком долго ждал, блуждая в миражах. Власть, насилие и разрушение опьянили меня, но она была права — моя сила имела иное предназначение, чем убивать слабых и беззащитных смертных, чем поработать души тех, кто не мог оказать мне сопротивления. Столетия ненависти и одиночества словно образовали накипь на моей душе, но сейчас эта накипь — по крайней мере, ее часть — оказалась смытой и я ощутил, что возвращаюсь к самому себе.

Двери лифта открылись и мы вышли в коридор.

— Ты самое странное существо на этой планете, — сказал я, пока она возилась с ключами у дверей своей квартиры.

Моя реплика ее позабавила.

— Да? Почему это?

Я не знал, что ответить и как сказать, что чувствую. Мы зашли в ее

квартиру, и она посмотрела на меня так, словно не знала, но хотела понять: я наброшусь на нее прямо здесь, или мы сначала снимем обувь и пройдем в комнату. Взгляд ее был не приглашающим и не запрещающим — чистое любопытство. Она просто не знала, чего от меня ждать. Такой я ее и запомнил — красивой, юной, стоящей у закрытой двери с полуулыбкой на лице... Я обязательно поцеловал бы ее — если бы не ощутил вдруг, как мир начинает сжиматься и выворачиваться, словно мокрая простыня в руках прачки. Мир стонал от боли и готовился заорать благим матом. Бьянка не ощущала опасности, но что-то неминуемо должно было уничтожить нас через несколько секунд.

Не было времени на объяснения. Я схватил ее в охапку и рванул к окну так быстро, как только мог — где-то там, впереди, виднелся легкий просвет, щель между смертью и смертью, проникнуть в который означало остаться в живых. Я двигался быстро, но все же не так быстро, как мог бы, будь я один. Я прыгнул и, не отпуская Бьянку, выбил окно своей спиной; в этот момент в доме прогремел взрыв. Полыхнули сразу два или три этажа — но обнадеживало хотя бы то, что на сегодня это была не термоядерная бомба. Мы падали вниз, в хаосе осколков и пыли, и несколько раз перевернулись в воздухе, прежде чем мне удалось занять положение снизу. Я надеялся, что если я упаду первым, а Бьянка упадет на меня, удар для нее будет не таким сильным, и она выживет. О том, выживу ли я сам, я не думал — слишком часто я уходил от смерти в последние месяцы, чтобы сейчас беспокоиться об этом. Но впервые я боялся — дико боялся, что она умрет.

Мне удалось выдержать направление, по которому вела вниз нить неискаженного мира — между двумя стенами, где вселенная кричала от боли в вывихнутом суставе. Я упал спиной на газон у входа в здание. Удар оглушил меня. Когда я открыл глаза, рядом дождем сыпались большие и мелкие осколки. Бьянка неподвижно лежала на мне. Я попытался шевельнуться — тело заныло, как будто бы я долгое время подвергал мышцы непомерной нагрузке, но пошевелиться мне удалось. Я положил Бьянку на землю и склонился над ней. Не считая ссадин, царапин и ноющих мышц, я был совершенно невредим. Упал с высоты семнадцатого этажа, и не сломал ни одной кости. А вот Бьянка умирала.

Проклятый мир подсказывал мне, как остаться в живых самому, но на тех, кем я дорожил, ему было наплевать. Спина Бьянки, ее бедра и шея были утыканы мелкими осколками стекла, которые взрыв швырнул нам вслед, придав им скорость пули. Несколько крупных осколков пробили легкие и внутренние органы. Она истекала кровью.

— Нет, пожалуйста... — Зашептал я, прижимая ее к себе и пытаюсь направить свою силу на то, чтобы исцелить ее. — Пожалуйста, живи!.. Живи!!!

Она закашлялась и выплюнула кровь... много крови... Я обладал огромной властью, но мог только отнимать жизнь, а не дарить ее. Я был почти неуязвим, но это качество не распространялось на тех, кто находился рядом со мной.

Когда вдали послышались трели сирен полицейских машин и карет скорой помощи, Бьянка уже была мертва. И когда я понял, что чуда не произойдет и ее уже не вернуть, то прижал к себе ее тело и закричал, слыша, как звенят, осыпаясь, стекла ближайших домов, как скрежещет сминаемый металл автомобилей и как орут от боли падающие на землю люди. Сила исходила от меня волна за волной, разрушая стекло, металл, живые тела и бетон, и больше в этом мире не было той, кто могла бы усмирить мой гнев.

15

Герр Рихтер появился в своем кабинете в половине девятого утра — приехал сюда сразу из аэропорта. Я ждал его всю ночь и задремал только под утро. Секретарша перехватила директора в приемной — ее поспешный глухой лепет из-за двери разбудил меня. Но директор не стал ее слушать, оборвав короткой фразой «Я знаю».

Что она там пыталась ему рассказать? Поведать о смерти Бьянки? Или о том, что я устроил вчера вечером в городе? Или о том, что я вломился в кабинет директора и сижу в нем уже шесть или семь часов?

Наверное, последнее. По крайней мере, герр Рихтер не удивился, увидев меня в своем кабинете.

— Привет, — сказал он. Подчеркнуто нейтральным тоном, внимательно разглядывая мое лицо.

Я не ответил, также внимательно разглядывая наставника и прислушиваясь к собственным ощущениям. Что-то изменилось. Он боялся. Почему? Раньше такого не было. Чем я напугал его?

— Ты помнишь, что делал вчера, Дил? — Мягко спросил герр Рихтер, усаживаясь напротив.

Я кивнул и задал встречный вопрос:

— Чего ты боишься?

— В юго-западном районе города до сих пор нет электричества. В двух квартала выбиты все стекла, взорвано и испорчено полсотни автомобилей, осколками стекла и металла ранено более четырех тысяч человек...

— Бьянка погибла.

— ...и еще погибло почти семьсот человек, при том только четверть из них — от взрыва бомбы, установленной в доме, где она жила. Всех остальных убил ты, Дил. Ты понимаешь, что ты сделал?!

Я равнодушно посмотрел на него.

— Мне нужно имя, а не твои нотации.

— Мы ведь говорили об этом когда-то, ты помнишь? Когда только познакомились и ты согласился со мной. Ты должен контролировать свою...

— Имя. — Перебил я его. — Или ты хочешь, чтобы я узнал его сам?

Я посмотрел на него... и он поспешно поднял руки, сдаваясь и одновременно пытаюсь удержать исходящую от меня силу, которая — пока

еще очень легко — коснулась его. Его дух и тело были окружены защитными чарами, но мое прикосновение начало сминать их, как сухую кожуру.

— Хорошо... я назову... я ведь обещал тебе... пусть будет, как ты хочешь... — Он отступил назад.

Я перестал давить и дал ему отдышаться. Через несколько секунд он отвернулся и сказал:

— Я пытался избежать этого... — Сказал так, словно оправдывался. — Не хотел, чтобы ты встречался с ним. Он... он убьет тебя, Дил.

— Это мы еще посмотрим. Имя.

— Альфред Пендрагон.

— Пендрагон? — Переспросил я. — Что это за фамилия такая? Где он живет?

— В Англии. — Рихтер вновь посмотрел на меня. Губы его искривились в вымученной улыбке. — Ты не представляешь, кто это. Ты очень силен, Дил... Ты лучший из моих учеников, но по сравнению с ним... — Рихтер покачал головой. — Лучше откажись от этой затеи. Мы закроем ШАД и разъедемся. Я не думал, что он... вмешается в наши дела, иначе бы и не стал затевать все это.

— Какие дела?

— Я полагал, ему плевать на политику. Существо вроде него давно могло бы получить любую власть, какую только пожелает. Но им — я имею в виду, их роду — давно все это безразлично. Они жили уединенно, занимались наукой, искусством, магией — чем угодно, но к власти после Артура не стремился ни один из них. Я и представить не мог, что мои планы по объединению Европы заставят его так отреагировать. Сначала я думал, он наказывает меня за то, что я действую слишком поспешно и грубо. Я сбавил обороты. Но он не стал останавливаться. Может быть, ты разозлил его тем, что упорно не хотел умирать, я не знаю.

— Какого черта ему вообще от меня надо?

— Не от тебя, — тихо сказал Рихтер. — От меня. Он убивает моих учеников — первым был Клайв, затем несколько попыток с тобой, теперь Бьянка — чтобы наказать меня. Впрочем... — Рихтер вздохнул. — Не знаю. Я могу и ошибаться насчет него. Может быть, он вообще считает, что школа, подобной нашей, не должна существовать. Видит в ней угрозу своей исключительной власти... магической власти, не политической.

— Подожди. Так это из-за него погиб Клайв?

— Да. Был отравлен сильным и редким ядом.

Я на некоторое время задумался.

— Если он настолько силен, для чего нужны были все эти танцы с бубнами? Яды, снайпера, бомбы?.. Что мешало ему прийти и поубивать нас всех?

Герр Рихтер слабо улыбнулся.

— Не все видят мир так, как ты, Дил. Не все считают, что прямые пути — самые короткие. Я полагаю, что изначально он считал нас насекомыми у своих ног, которым просто нужно указать их место. Но потом, когда его агенты перестали справляться, он начал вмешиваться сам. Ты можешь сломать волю человека, если находишься рядом и смотришь ему глаза — но Альфреду не нужно даже выходить из своего кабинета, чтобы подчинить человека на другом конце света. Он просто закрывает глаза и ищет его, а когда находит — делает тоже самое, что и ты, только быстрее и лучше. Люди, которые пытались тебя убить, действовали не по своей воле.

— Забавная способность, — я усмехнулся. — Что ж, будет весело. А откуда ты так хорошо знаешь его?

Герр Рихтер некоторое молчал, прежде чем ответить.

— Когда-то давно я был его учеником.

— Что?!

— До того, как у него родился сын. Потом я стал не нужен. Я освоил несколько фокусов, но чтобы творить то, что творил он... — Рихтер покачал головой. — Я этого не мог. Никто не может, кроме тех, в ком есть их кровь. Ты уже понял, что это за род?

— Нет. Но фамилия кажется знакомой.

— Еще бы. Они сделали прозвище Артура своей фамилией, поскольку в их роду оказалась замешана кровь и его потомков тоже — но свой магический талант они унаследовали не от Артура, а от Мерлина.

— Всему когда-нибудь приходит конец, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Даже благородным и могущественным древним родам. Мне нужен точный адрес. Тебе он известен?

— Известен. Точнее, адресов несколько — это довольно состоятельная семья...

— Старшего, я так понял, зовут Альфред. Он главный? Сколько их там всего?

— Двое.

— Альфред и его сын?

— Нет. Уилсон умер тринадцать лет назад. Зато осталась его дочь, внучка Альфреда.

— Диктуй адреса.

— У меня есть на компьютере, сейчас сделаю распечатку...

Через пару минут Рихтер вручил мне лист бумаги с десятком адресов на английском. Я бегло пробежал текст взглядом, а затем сложил лист и убрал в карман брюк.

— Можешь забыть про них, — негромко сказал я. — Нужно было сказать мне раньше.

Дождаться, пока восстановят потерянные в Китае документы, я не стал — все равно я не собирался ими пользоваться в ближайшее время. Наверняка мой полет в Лондон по собственным документам привел бы к совершенно случайному попаданию в самолет баллистической ракеты или к плазменному удару с военного спутника.

Я покатался по городу, купил новый комплект одежды и обуви, и ушел в одну из старых Трещин, уводившую в пустую и тоскливую версию Эленгарда. Там я переоделся — нельзя было исключать, что на меня где-нибудь уже успели повесить крошечный «жучок», а в гости к Альфреду я собирался нагреть по возможности неожиданно. Прошелся пешком до окраины города, залез в Трещину в обветшалой усадьбе и вышел из подпола жилого многоквартирного дома в пригороде «моего» Эленгарда. Захватил разум первого попавшегося водителя и приказал ему отвезти меня в Ригу. Через четыре часа я был в рижском аэропорту. Попросил водителя купить мне билет и отпустил его на все четыре стороны. Когда подошло время вылета, я зашел в служебное помещение и до самолета добрался вместе с командой техобслуживания. У стюардесс были какие-то вопросы, но они забыли их раньше, чем успели окончательно сформулировать. Я сел на свое место и мирно просидел на нем до конца полета. Поначалу сосед пытался донимать меня разговорами, но когда я спросил, хочет ли он отправиться в заднюю часть самолета и там медленно выдавить себе глаза, его настроение пообщаться внезапно пропало. И хорошо, потому что смерть Бьянки отбила у меня всякое желание изображать из себя что-то культурное и социализированное.

Думать о Бьянке было невыносимо, а об Альфреде я думать не хотел, чтобы не портить удовольствие от предстоящей встречи. Я блуждал в своих воспоминаниях, стараясь не касаться тех мест памяти, которые были связаны с Бьянкой. Вспомнил, как Рихтер убеждал меня отправиться с ним в ШАД. Я сидел в полицейском участке, улыбался и плевать хотел на все на свете. Родители были готовы отказаться от меня. Меня допрашивали, и некоторые мои ответы не понравились следователю, потому что он сказал что-то, что не понравилось уже мне, а в следующую минуту — хватал ртом воздух, обеими руками держась за сердце. Меня поместили в камеру, и я

думал о том, что будет интереснее — вести себя сейчас паинькой, чтобы затем поубивать кучу народа в колонии, куда меня наверняка отправят, или же просто сбежать и свободно бродить по Норригу. Я склонялся к первому варианту, потому что он предполагал больше развлечений, а свобода моя никуда бы не пропала, поскольку исправительное учреждение я мог бы покинуть в любую минуту. И вот тогда дверь камеры открылась, меня опять провели в комнату для допросов, но на этот раз там сидел не следователь, а герр Рихтер. Наша первая встреча. Я ощутил, что он не совсем обычный человек сразу, как только его увидел. В отличие от прочих людей, он не был открыт для меня — его тело скрывало подобие марева, видимого мне одному. Я не мог сломать его волю и взорвать в его груди сердце также легко, как делал это с другими — он был защищен, и хотя его сила имела иную природу, чем моя (а точнее, в его случае дело было не столько в силе, сколько в мастерстве), я впервые увидел кого-то, способного осознанно действовать на том же уровне, что был мне доступен столько, сколько я себя помню...

Надо отдать ему должное — он быстро разговорил меня. Он не читал мне нотаций, не пугался и не упрекал меня за мои поступки. С ним было легко и просто. А когда установился контакт, он убедил меня в том, что выгоднее вести себя прилично и сдерживать свои эмоции. Сначала он пытался упираться на то, что это более выгодная стратегия в плане выживания, но на выживание мне было плевать, потому что я знал, что после смерти, пережив неприятное свидание с черной фигурой, поглощающей летящие к ней потоки душ, снова появлюсь здесь, в очередной раз родившись в человеческом теле. В прошлый раз это был одиннадцатый век, в нынешний — четырнадцатый век Сошествия, а что в следующий раз? Постапокалиптический мир, разрушенный в ходе войны? Технократическое будущее с джедаями и космическими кораблями? Я был бы совсем не против помахать красным световым мечом. В общем, «успешная стратегия выживания» не значила ничего. Меньше, чем ничего. И когда Рихтер это понял, он зашел с другой стороны. Он сказал, что если я буду всего лишь диким зверем, который то ведет охоту на людей, то сам бежит от охотников — то получу лишь самое простое удовольствие от жизни. Будут работать лишь мои инстинкты, а не ум, моя жизнь будет столь же незатейливой, как жизнь животного, но сложные задачи останутся мне недоступны. Не будет мотива ювелирно оттачивать мастерство, в поле моего зрения просто не появится достаточно сложной проблемы, связанной с политикой или личными отношениями. С этой точки зрения я на свою жизнь до сих пор не смотрел, а когда Рихтер упомянул, что получить

хорошее образование, живя жизнью «зверя», я вряд ли смогу, сумма его аргументов показалась мне достаточно весомой для того, чтобы пообещать не ломать чужие сердца и души из-за пустяков. Он взял меня в ШАД, и следующие несколько лет моей жизни были действительно весьма интересными...

Теперь все пошло вразнос. Стратегия «сдерживай свои порывы» себя не оправдала. И все из-за того, что я привык доверять Рихтеру. Если бы в тот день, когда стало ясно, что он знает, кто стоит за «охотниками» — знает, но говорить не хочет — я бы убил несколько его сотрудников у него на глазах или, забыв про былую привязанность, надавил бы на его мутные чары, которыми он защищался от меня с самого начала — всю нужную информацию я получил бы уже тогда. И я бы не стал бегать, я бы сделал то, что собираюсь сделать сейчас — отправился бы напрямую в Лондон и заставил бы внутренние органы Альфреда взрываться — один за другим, один за другим... И тогда, если бы только я не сдерживался и не пытался бы вести себя как цивилизованный идиот, Бьянка до сих пор была бы жива.

Я вышел из самолета в лондонском аэропорту, купил карту Лондона и пригородов. Альфред располагал еще несколькими резиденциями на севере страны, но три точки, где застать его было наиболее вероятно, находились здесь. Высотка «Пендрагон компани» — Альфред был владельцем как здания, так и компании; квартира на Мэйлз-стрит, и поместье в пригороде. Я решил начать с рабочего офиса и не ошибся — Альфред был здесь, и здесь же сейчас находилась его внучка. Все эти сведения мне любезно сообщил служащий на ресепшене, однако, толпившиеся в холле вооруженные охранники были далеко не так любезны. Я даже не успел спросить, на каком этаже мне искать Альфреда, как меня окружили и потребовали предъявить документы. Я оглядел холл — другие посетители такой чести не удостоились. Значит, Альфред меня ждал? И прислал гореохранников, требующих документы?.. Ну и ну. Я покачал головой, не веря происходящему. Подложить еще одну термоядерную бомбу под здание, смотаться на вертолете и взорвать заряд, пока я поднимаюсь на лифте, было бы намного разумнее. Впрочем, еще не вечер. Может быть эти охранники нужны лишь затем, чтобы задержать меня, пока Альфред спешно натягивает штаны и прыгает в свой вертолет?..

— Наверху есть вертолетная площадка? — Спросил я у служащего.

— Нет, сэр, — вооруженные люди вокруг служащего совершенно его не волновали, ибо воля его в этот момент принадлежала только мне и никому больше.

«Странно, — подумал я. — Убегать он не собирается, и внучка тут же... Неужели он настолько в себе уверен?..»

— Ты что, не слышал меня?! — Рывкнул командир группы, наставляя на меня ствол. — Руки за голову, спиной к стене! Быстро!

Сила вышла из меня, и люди вокруг начали умирать, стекла биться, мебель и сталь — с треском выгибаться и разламываться на куски. Окружающее пространство превратилось в хаос, в котором носились осколки мебели и стекла, порхали поднятые ветром листы бумаги, истошно кричали люди, скрежетало железо и дерево. Все закончилось быстро. Люди с оружием находились слишком близко ко мне — непозволительно близко — и умерли, не успев даже поднять оружие. А если бы и успели, на таком расстоянии это бы ничего не изменило. Командир группы нажал на курок,

но в результате пуля взорвалась в стволе, а автомат стал похож на растрепанную ромашку. Один из осколков вошел ему в переносицу и засел в мозг. Некоторые посетители, находившиеся ближе к двери, успели удрать, но таковых было немного. Все клерки и служащие расстались с жизнью — кроме того единственного, который находился под моей властью. Вероятно, это обстоятельство как-то защитило его — не смотря на то, что сознательно я не пытался убереечь его от того кавардака, который тут учинил. Видимо, все дело в том, что я не воспринимал его в этот момент как отдельное от себя, самостоятельное существо — и выпущенная мною на волю сила оберегла его также, как оберегла меня самого.

— А на каком этаже апартаменты Альфреда? — Поинтересовался я у раба.

— На двадцать третьем и двадцать четвертом, сэр.

Я кивнул и двинулся к лифту. Силу, которая все еще сочилась из меня, хотя уже не так сильно, когда я уничтожил холл, я притушил до упора — и все равно металлическая кнопка от прикосновения моего пальца исказилась так, как будто бы ее кто-то расплавил. Остаточные эманации силы — штука неприятная, когда вы пользуетесь техникой. В ШАДе постоянно что-то ломалось, хотя детям и запрещали пользоваться электроприборами после упражнений. Ну ладно. Надеюсь, я не слишком испорчу лифт в то время, пока на нем еду.

Наверху меня встретила еще одна группа, но с ней случилось тоже самое, что и с группой внизу. И это все, что ты можешь, Альфред? Я ожидал от потомка Мерлина чего-то более впечатляющего, чем отправка на убой обычных солдат.

Вышедшая из меня сила вышибла дверь, которая вела в апартаменты Альфреда... и тут я впервые столкнулся с сопротивлением. Дверь резко остановилась — а затем понеслась обратно со скоростью снаряда. Я едва успел остановить ее — если бы это не удалось, меня бы просто впечатало в стену. Дверь была качественная, прочная — и мы секунд пятнадцать давили на нее с разных сторон, пытаясь пересилить друг друга. Она подрагивала, сдвигалась рывком то к нему, то ко мне, но ни мне, ни Альфреду не удалось выиграть этот раунд. Я видел, как дерево трещит и портится под влиянием исходившей от меня силы, и в конце концов дверь развалилась на части и ее куски закружились в бушевавшем вокруг меня вихре. Поразительно — впервые за последние несколько рождений я встретил не уступавшего мне телекинетика. Я ощутил радость, потому что этот бой не обещал быть легким.

В десяти шагах от дверного проема стоял невысокий, пожилой

мужчина. Тщедушный, гладко выбритый, он был мало похож на своего знаменитого предка — по крайней мере, такого, каким обычно изображают Мерлина: важным господином с длинной белой бородой. Альфред держал перед собой левую руку и тяжело дышал. Я сделал шаг вперед. Краска на стенах начала скручиваться и отрываться, за ней последовала штукатурка. Дверной косяк затрещал и приготовился лопнуть; составлявшие его части обещали через несколько секунд присоединиться к летавшим вокруг меня кускам двери и штукатурки. Альфред сделал движение левой рукой, как будто бы толкал невидимый груз. Рука невидимого великана подхватила меня и отшвырнула назад, я с трудом удержался на ногах. Между тем, по выражению лица Альфреда было ясно, что он рассчитывал на больший эффект. Однако, его замешательство длилось недолго. Стоило мне сделать шаг вперед, как он, делая движение от живота, вытянул вперед правую руку. На этот раз это была не Земля, а Огонь. И какой! Я позавидовал его таланту — мне до сих пор удавалось в лучшем случае выдать небольшой и слабый сгусток пламени, а то, что полетело ко мне от Альфреда, походило на поток пламени из огнемета. Огонь залил весь коридор, стало чертовски жарко, но я не сгорел. Я не могу вызвать столько огня, но и повредить мне огонь не может — я понял это, идя сквозь пламя. Одежда дымилась, я ощущал жар, но и только. Альфред продолжал вкачивать в свое заклинание силу, но с тем же успехом он мог бы пытаться утопить рыбу в воде. Поразительно — если бы не этот бой, я бы так и не узнал, что не способен сгореть. И утонуть... И разбиться, упав с большой высоты... Что-то все это значило, но что именно — я никак не мог вспомнить.

Когда я вышел из огня невредимым, он отступил на несколько шагов и закричал:

— Что ты такое?!!

Я не стал отвечать, что мне бы и самому хотелось знать ответ на этот вопрос — потому что, как бы он ни был хорош в чарах, этот ублюдок не заслуживал того, чтобы я тратил на него слова. Я вытянул левую руку, направляя на него обломки двери и стен. Он опять обратился к Земле, выставив вокруг себя телекинетическую сферу. Даже маленький камушек, запущенный с большой скоростью, может убить человека; в моем вихре их были тысячи, и тем не менее он сумел остановить их все. Осколки двери и стен сначала замедлились, затем застыли, затем начали обратное движение — повинуюсь уже его воле, а не моей. Мы опять начали игру в «перетягивание каната», на этот раз внутри комнаты, и чем дольше мы этим занимались, тем сильнее менялась комната. Разрушительный аспект моей силы коверкал все, чего касался. Буря хаоса поглотила мебель, затем

взялась за пол и стены. Еще пара минут — и рухнет потолок...

Когда вылетела дверь в стене слева, я заметил в соседней комнате девочку лет двенадцати, с ужасом смотрящую в нашу сторону.

— Мелисса! — Закричал Альфред. — Беги на крышу!

Девочка пропала из поля зрения, а я пообещал старику:

— Сначала я убью тебя, а затем ее.

Он процедил что-то в ответ, что именно — я не расслышал из-за какофонии звуков, производимых сталкивающимися обломками мебели и стен. Чуть раньше, чем я ожидал, рухнул потолок — Альфред немедленно подхватил пару самых крупных кусков плиты и направил их на меня. На этот раз я не успел полностью погасить инерцию — в результате чего меня хорошенько приложило об уцелевшую стену за спиной. Удерживая плиту, не давая Альфреду превратить меня в лепешку, я положил ладонь на бетон и сконцентрировался на разрушении. В этом я безусловно выигрывал у Альфреда — он ловко управлял пламенем и гравитацией, но с чистым разрушением работать не мог. Бетонная плита треснула, затем развалилась на части. Со скрежетом рвались металлические прутья, составлявшие каркас плиты. Я уже почти уверился в собственной неуязвимости, когда один из прутьев случайно чиркнул меня по руке, одним движением порвав рубашку и мясо до кости. Резкая боль, остатки рубашки тут же вымокли в крови. Боль усилила мою ярость и вихрь разрушения стал еще шире, почти доставая до старика, а когда я сделал шаг вперед — его накрыло с головой.

Я не хотел, чтобы он умер быстро, но отозвать силу мгновенно не смог. Когда вихрь ослаб, он был уже мертв — изодранное, переломанное тело, в котором не осталось ни одной целой кости. Кожа Альфреда превратилась в лохмотья, все внутренние органы лопнули, как мыльные пузыри. Я повернулся и, перебираясь через куски бетона и горы мусора, двинулся в ту сторону, куда убежала девочка. Ощувив слабость, я вспомнил о левой руке. Кровь все еще текла. Пришлось задержаться, чтобы остатками рукава кое-как перетянуть рану.

На крыше я остановил сердца двум охранникам, которые, завидев меня, принялись палить из пистолетов. Больше там никого не было, кроме двенадцатилетней девочки, с ужасом смотревшей на меня. В руках она отчаянно сжимала потрепанный кожаный тубус.

Несомненно, она ничего не знала о делах Альфреда и для нее он наверняка был просто добрым дедушкой, но я пришел сюда не для того, чтобы чинить справедливый суд. Мне хотелось крови, и легкая смерть Альфреда мою жажду не удовлетворила. Вряд ли ее удовлетворит и смерть этой девочки, но начну я с нее, а затем выйду на улицы Лондона и устройу

резню. Буду убивать, пока не надоест. Этот мир отнял у меня Бьянку. Я хочу пресытиться чужими страданиями и смертью, чтобы забыть о том, что потерял.

Я шагнул к девочке. Мелисса вытянула руку — передо мной появился невидимый воздушный барьер. Я прикоснулся к барьеру — тот лопнул с гулким хлопком. На втором шаге Мелисса вытянула обе руки и, задрожав от напряжения, создала передо мной стену огня... высотой в полметра. Видимо, это все, что она могла. Она безусловно обладала большим талантом к природной магии, но до уровня деда ей было еще далеко. Я перехватил контроль над огнем, усилил его, скатал в шар и швырнул в окно соседнего дома, добавив к температурному также и гравитационный эффект. Взрыв, сгустки огня, обломки мебели, стен и стекла летят куда-то вниз, на оживленную улицу. Ничего, это только начало. Я спалю этот город за то, что в нем жил человек, причинивший мне боль.

— Не подходи ко мне! — Истошно завизжала Мелисса на третьем шаге.

Я не остановился, и тогда она отступила и открыла тубус. Там обнаружился пожелтевший от времени свиток пергамента.

— Госпожа Яблочного Острова, обращаюсь к тебе за помощью и защитой! — Скороговоркой выпалила девочка. — Во исполнение... во исполнение... — Она сбилась, но все же продолжила. — Во исполнение древнего договора и клятвы, данной тобой на могиле Мерлина!

Она произнесла это так, как дети произносят стихи или молитвы, которые их заставляют учить родители. Кто-то — очевидно, дед — заставил ее выучить эти две фразы и уверил, что они будут иметь какое-то значение в случае опасности.

Я был готов к тому, что что-нибудь произойдет, но то, что последовало за ее словами, намного превзошло мои ожидания. Окружающее пространство внезапно покрылось туманом. Запах лондонского смога исчез, сменившись запахом яблок, меда и свежей травы. Под ногами вместо твердой поверхности образовалась мягкая земля. Когда туман рассеялся, я увидел, что нахожусь посреди яблоневого сада. Мелисса стояла, как и прежде, в пятнадцати шагах от меня, но теперь она была не одна. Высокая темноволосая женщина с пышным бюстом и широкими бедрами, с глазами, похожими на бездонные омуты, одетая в длинное серебристо-зеленое платье, стояла рядом с девочкой, положив руку ей на плечо и разглядывая меня так, как будто бы я был больным животным, которое следовало бы пожалеть, а затем — заколоть.

Она не боялась меня и взгляд мой выдерживала без труда. В ее глазах легко можно было утонуть; она воздействовала на волю иначе, чем делал

это я, но не менее сильно — будь на моем месте обычный человек, он бы уже заснул, или упал на колени, или просто не смог бы пошевелить и рукой.

И еще, глядя на нее, я сразу понял, что она — не человек. Она выглядела как женщина, но принадлежала к тому же классу существ, что горгоны и цзини — отчасти была духом, отчасти — существом из плоти, но эта плоть была глубоко вторична по отношению к ее настоящему естеству. Она была такой же, как горгона... только намного сильнее.

Я сделал шаг и сказал женщине:

— Не лезь.

— Девочка под моей защитой, — ответила она так, будто была вынуждена объяснять очевидные вещи дураку.

— Значит, умрешь вместе с ней.

Она легко усмехнулась, как будто услышала нечто забавное.

— Мальчик со злым сердцем, ты хотя бы знаешь, кому угрожаешь и где находишься?

— Нет. — Еще шаг. — Просвети меня.

— Это Яблочный Остров, а я — его Королева, — сообщила она. — Меня зовут Моргана ля Фей.

Я расхохотался и огляделся кругом.

— Мерлин, Моргана, Аваллон... Что дальше? На помощь прискачут Рыцари Круглого Стола во главе с Королем Артуром?.. Давайте, зовите их!

— Ты болен или безумен, — сказала Моргана. Затем она посмотрела на дрожащую Мелиссу и ободряюще сжала ее плечо. — Не бойся, дитя. Здесь тебе ничего не угрожает.

— Он убил дедушку... — Жалобно выдавила Мелисса.

— Твоему сраному дедуле еще повезло, что он умер так быстро. — Проще я, делая следующий шаг.

Повинуясь жесту Морганы, передо мной выросла стена огня.

— Это не поможет! — Сквозь гул пламени я услышал тоненький крик девочки. — Дедушка его сжигал, но он не горит!

Я усмехнулся и шагнул в огонь. Пламя дохнуло жаром, лизнуло одежду и волосы и окружило меня, не причиняя вреда. Я собрал его и направил вверх, заставив взорваться рыжим фейерверком. Сгустки огня упали на яблочный сад и некоторое деревья загорелись.

Моргана, чуть прищурившись, разглядывала меня, а внучка Альфреда пряталась за ее спиной, глядя на меня с отчаяньем и ужасом.

— Я ведь предупреждал тебя — не лезь. — Сказал я, глядя в глаза Королевы. Теперь она была ближе, а значит — более уязвима, и я усилил

волевой напор, стремясь поймать ее волю и подавить, разрушая по пути все барьеры, которые она выставит... Но, как и минуту назад, мои усилия остались бесплодны: она выдерживала мой взгляд, и я никак не мог отыскать души, которую мог бы порвать или поработить.

— Поплавай, забияка.

Из ниоткуда возник и усилился влажный туман, горящие деревья потухли, а потом вовсе исчезли. Воздух становился все более плотным, давление нарастало, мои движения замедлялись... и вот я уже не иду, а плыву, преодолевая сопротивление огромной толщи воды. Каким-то образом Моргана перенесла меня на дно океана. Солнечный свет не проникал сюда, но и полной темноты не было: призрачным светом поблескивали странные водоросли, помахивали растущими из головы фонариками необычные рыбы... Моргана, чье длинное зеленое платье сменило цвет на насыщенно-синий, скользила где-то впереди в образе ундины, разглядывая меня со все тем же спокойным интересом, что и прежде. Исходящая от меня разрушительная сила вскипятила воду, разорвала на части рыб и растения, но прежде чем поток разрушения добрался до ундины, она исчезла, а следом за ней окружающая меня среда начала становиться все более разряженной. Пространство светлело, возникло ощущение движения, и вот — я уже не плыву, а лечу, вернее — падаю вниз с умопомрачительной скоростью. Вокруг — туман, поднявшийся на высоту нескольких сотен метров, и лишь в конце вертикального колодца — острые гранитные камни.

Я пытался задержать падение, сделать воздух более плотным и упругим, и добился кое-каких успехов, но полностью затормозить движение не смог. В других условиях, возможно, мне удалось бы больше, но сейчас я ощущал влияние чужой силы, мешавшей мне воздействовать на воздушную стихию так, как мне хотелось бы. Я рухнул на камни и несколько секунд неподвижно лежал, пытаюсь оценить повреждения... Неужели?... Да, так и есть — пара новых ушибов и царапин — и все. Ни одна кость не сломана — как и тогда, когда я с Бьянкой вылетел из окна семнадцатого этажа и упал на газон.

— Ему все равно... — Услышал я жалобный голос Мелиссы. — Он что, бессмертный?

Подняв голову, я увидел эту парочку метрах в двадцати от себя. Рука Морганы покоилась на плече девочки, а лицо ведьмы из Артуровского цикла по-прежнему не выражало никакого беспокойства.

— Надеюсь, что нет, — ответила Королева Яблочного Острова. — Посмотри, у него поранена левая рука. Не помнишь, как это случилось?

Мелисса поспешно закивала, а я тяжело поднялся, призывая к себе силу...

— Дедушка меня отослал, но я видела... не глазами, а по-другому... что там было. Этот... — Она попыталась подобрать мне подходящий эпитет, но так и не нашла соответствующего, — сломал наш дом. На него упал большой камень, а из камня торчали такие железки. Одна из них его и...

— Понятно, — кивнула Моргана, не обращая внимания на камни, которые, повинувшись моей воле, поднимались в воздух и собирались в две громоздкие кучи справа и слева от дам. — Металлом его можно убить. Жаль, у меня нет этой Стихии... Ну ничего, попробуем по-другому.

Две каменные кучи, каждая весом в сотню килограмм, рванулись к ним, когда я резко свел ладони — но девочка и женщина стали призраками и растворились в воздухе прежде, чем камни успели повредить им. В бешенстве я швырнул всю эту массу в туман.

— Хватит бегать, драная ведьма! — Заорал я. — Я тебя все равно достану!

— Неужели? — Легкий серебристый смех разлился в воздухе. — Ну, попробуй.

Туман поглотил камни и горы, потемнел и отступил... но не до конца. Теперь он висел в воздухе сгустками и стелился по земле. Было темно, но не слишком — глубокий вечер, когда небо скрыто тучами или лунная ночь... Неба я не видел и земли под ногами — тоже. Вокруг — призраки и миражи, клубы тумана, принимающие самые причудливые очертания... Впереди появилась Моргана, складывая руки для нового заклятья — я убил ее прежде, чем она его завершила, но лишь убив, понял, что это была не она, а только ее призрак. Раздававшийся вокруг смех наполнял меня злобой. Она появилась вновь, я снова ударил, и снова — в никуда, в пустоту, в мираж, который закружился туманным водоворотом, когда сила прошла сквозь него.

— Где ты, сука?! Покажись уже!

— Грубиян, — нежно пожурил меня голос Королевы.

Она вышла из тумана опять, и я потерял несколько мгновений, пытаюсь понять, что передо мной — мираж или настоящая Королева. Зато она не ждала. Повинувшись ее жесту, земля вспучилась и из нее появились стволы гибких растений, которые, словно змеи, мгновенно обвили и сжали меня. Грубая кора терлась о меня, сдирая кожу, и я закричал от боли.

— Кажется, ты слишком привык к тому, что в мире, где почти нет магии, у тебя все получается легко и просто, — сказала Моргана, подходя

ближе. — Силы много — при том, что ни ума, ни мастерства нет. Но на любую силу найдется другая сила, понимаешь?

Сосредоточившись, я заставил обвивавшие меня растения засохнуть и лопнуть. Упал вниз, но прежде, чем я успел направить поток разрушения на Моргану, она уже растворилась в тумане. Я выбросил сгусток силы наугад в пустоту, но не достал Королеву, а в следующее мгновение земля опять вспучилась за моей спиной. Но на этот раз растения не пытались меня обвить. Я почувствовал страшный удар и упал на землю. Попытался встать, но не смог — левая нога была переломлена и из нее хлестала кровь. Вокруг меня выростали все новые растения, наливались тяжестью и беспорядочно били, били, били... Я не успевал создать вихрь разрушения, да и не было сил поддерживать его — я слишком бездумно тратил энергию в поединке с этой ведьмой... Деревянные молоты сломали правую ногу, а затем руки и ребра. Я кричал от боли, захлебываясь собственной кровью. Затем одно из растений ударило меня по голове и я провалился во тьму.

...Я несколько раз выныривал из забытья, и каждый раз картинка и освещение оставались прежними — темное место, не видно ни неба, ни земли; призраки и миражи, плывущие в облаках тумана. Иногда забытье прерывалось из-за боли — кто-то дергал и смещал мои переломанные кости. Я бил вслепую, но ни разу, кажется, так и не достал мучителя. Во время одного из пробуждений я заметил, что на мои руки и ноги наложены лубки и повязки, и понял, кто и зачем издевался надо мной. Ведьма могла легко убить меня, но вместо этого решила сохранить мне жизнь... по крайней мере, пока. Но почему она лечила меня таким странным (для нее) способом? С учетом ее могущества она, вероятно, могла полностью исцелить меня одним прикосновением... Или не могла? Может быть она, как и я, была полностью лишена таланта целителя?.. А может быть — могла, но не хотела... Что толку гадать? Я часами неподвижно лежал на холодной земле, в темноте, среди туманных призраков — то мучаясь от боли, то впадая в забытье. Потом она принесла мне пить, я попытался убить ее, и вода расплескалась по моей одежде, когда она, избегая удара силы, исчезла. Жажда мучила меня сильнее ран, но злоба из-за собственного поражения была сильнее жажды, сильнее даже желания жить. Начался жар, галлюцинации. Я совсем ослаб. Пришла Бьянка и напоила меня, но потом я прозрел и увидел, что чашу с водой держит Моргана. Я попытался убить ее, но опять безуспешно. Потом... шло время и мне стало совсем плохо. Она опять пришла и на этот раз-таки заставила меня выпить воды... кажется. Я не уверен, потому что находился в бреде.

Мне стало лучше. Опять потянулись бесконечные часы ожидания в темноте. Сколько так прошло времени?.. Дни? Недели?.. Я не считал. Я пропах потом и мочой, потому что ходить мне приходилось под себя. Злоба по-прежнему терзала меня. Моргана пришла опять — принесла миску с бульоном. Села рядом и стала кормить меня с ложки, потому что двигаться и ходить я еще не мог. Ярость и связанная с ней смертоносная сила поднялись во мне и запросились на волю. Мне нестерпимо захотелось вцепиться в нее своей силой, словно эта часть меня была лютым зверем, а она — такая близкая и беззащитная — добычей, но можно было не сомневаться, что она опять ускользнет. Она всегда ускользала. Я сдержался и заставил ярость утихнуть.

— Почему ты не убила меня?.. — Хрипло спросил я, доев суп.

— Потому что если я тебя убью, ты не умрешь насовсем, — ответила она. — Ты родишься вновь и опять совершишь все те же ошибки. Я хочу, чтобы ты понял: твой главный враг — не я, а ты сам.

Она ушла, а я остался размышлять над ее словами. «Ты родишься вновь...» — сказала она и это значило, что она знает, кто я такой и знает, что я живу уже не впервые. А кто я? Я не знал этого. «Совершишь все те же ошибки...» — я не понимал, о чем она толкует, но был готов с ней согласиться. Было невыносимо признавать, но в этот раз я проиграл. Я слишком расслабился, слишком уверовал в собственную неуязвимость. Но эта неуязвимость не была абсолютной. Конечно, нет. Земля и Вода, Огонь и Воздух были моими друзьями и слугами, но Дерево и Металл мне не подчинялись... вероятно, были и другие силы, которые могли повредить мне. Неудивительно: у каждого Ахилла есть своя пятя.

— Ты знаешь, кто я? — Спросил я в пустоту.

— А ты сам — знаешь? — Голосом Морганы ответила пустота. Я промолчал, и она тоже больше ничего не сказала.

Тянулись часы... В следующий раз Моргана появилась вместе с девочкой. Королева принесла таз с водой, мази и полоски ткани, и Мелисса должна была ассистировать ей.

— Зачем мы ему помогаем? — Со злостью спросила девочка. — Ты ведь знаешь, какой он плохой.

Она сделала движение, как будто хотела бросить чистые повязки на землю. Взгляд Морганы не позволил ей этого сделать.

— Наша помощь для него — мучительнее пытки, если тебя это утешит, — сказала ей ла Фей. — Посмотри на него: его аж трясет от желания что-нибудь сделать с нами, а он не может. Дай мне одну повязку. Теперь держи лубок.

Они поменяли повязки, сняли с меня вонючую одежду, вымыли меня и ушли. Вскоре Моргана появилась опять — принесла плащ, чтобы укрыть меня.

— Почему ты хотел убить Мелисандру? — Спросила она. — Испугался, что девочка вырастет и захочет отомстить?

Я об этом не думал, но теперь, когда она упомянула о таком мотиве, понял, что это могло бы стать прекрасным рациональным объяснением моего поступка.

— Какая ты догадливая. — Хмыкнул я.

Она некоторое время молчала, разглядывая меня.

— Нет, — произнесла она наконец. — Причина в чем-то другом. Ты

слишком безрассуден, чтобы опасаться какой-либо угрозы в будущем. Так в чем же дело?

— Ты не ответила на мой вопрос, — напомнил я.

— А ты не отвечаешь на мой.

— Значит, мы в равном положении, не так ли?

— Нет, не в равном.

Я презрительно усмехнулся.

— Ты победила меня, но свою волю ты мне не навяжешь.

— Ты задаешь мне вопросы, потому что хочешь что-то понять, — терпеливо разъяснила Королева. — А я задаю вопросы для того, чтобы ты кое-что понял. Теперь понимаешь разницу?

— Твоя забота обо мне очень трогательна. — Я опять ухмыльнулся, на этот раз с явной издевкой.

Моргана вздохнула.

— Я могу помочь твоему телу исцелиться, но исцелить свою душу и ум ты сможешь лишь сам... если это вообще возможно.

— Не понимаю, о чем ты.

— Ты не понимаешь, потому что не хочешь пройти путь, ведущий к пониманию. Почему ты хотел убить Мелисандру?

Я заскрипел зубами и несколько секунд молча дышал, утихомиривая ярость.

— Потому что, — сказал я, стараясь говорить спокойно. — Ее дед охотился за мной и другими выпускниками ШАД. Он убил девушку, которая была мне дорога. К сожалению, я убил его слишком быстро. Не успел насладиться процессом. А она... в девочке его кровь.

— Ты хотел отомстить мертвому деду, мучая его внучку?

— Не деду... — Я замолчал, подыскивая слова. — Не знаю, как объяснить... Она к этому причастна. Пусть и не сознательно и не по своей воле.

— К чему причастна?

— К тому, что было совершено ее семьей... ее дедом.

— Ты воспринимаешь Альфреда не только как индивидуума, но и как представителя некой общности, семьи. — Задумчиво констатировала Моргана. — И считаешь, что платить по счетам должно все целое, а не какая-то одна его часть.

— Да. Наверное, так.

— Предположу, что ты вырос не дикарем, — продолжила она. — Не так ли?.. Тебе не кажется странным иметь подобные взгляды?

— Считаешь, это глупо?

Она покачала головой.

— Разные существа видят мир по-разному. То, о чем ты сказал — особенность, на которую ты сам должен был обратить внимание.

— Особенность? — Я рассмеялся. — Да я весь особенный, с ног до головы.

Она не ответила, молча смотрела на меня, и ни малейшего намека на веселье на ее лице не было заметно.

— Зачем Альфред стал охотиться на тебя? — Спросила она. — Для чего ему убивать твою девушку?

— Это опять вопрос, который должен помочь мне что-то «понять»? — Я засмеялся во второй раз. — С первым разом вышла осечка?

— Кто же виноват, что ты криво стреляешь? — Она пожала плечами. — Итак, зачем Альфред...

— Э-э-э, стоп-стоп-стоп. В эту игру я больше не играю. Не вижу ни малейшего смысла отвечать на вопросы, ответы на которые тебе уже известны.

— Они неизвестны тебе, — парировала Моргана. — Что касается меня, то я, хотя и не следила пристально за жизнью Альфреда Пендрагона, сильно сомневаюсь в том, что он просто так мог начать охоту на тебя или что он виноват в убийстве...

— Сомневаться ты можешь сколько угодно, — перебил ее я. — Но если это был не Альфред, то кто?!

— Хороший вопрос, — похвалила она меня. Из ниоткуда в ее руках появилась шоколадная конфета, которую она не замедлила сунуть мне в рот. — Задавай такие вопросы почаще, и, может быть, сумеешь выбраться из той ямы, в которую сам себя посадил.

Я со злостью выплюнул конфету.

— Не делай так больше! Сука!

— Кажется, ты способен вести себя прилично лишь очень недолгое время, — она повернулась и стала отдаляться от меня. — Значит, теперь тебе пора отдохнуть.

— Кое-кто кое-с-кем не поделили этот чертов мир! — Прокричал я ей вслед. — Один человек хотел объединить Европу, а затем и всю планету, а Альфред хотел сохранить статус-кво любой ценой. Довольна?! Твой долбаный Альфред вцепился в свою власть над Англией и Вестготией как клещ, и не хотел двигать жопой, хотя его вежливо просили подвинуться! Довольна?! Устраивает тебя такой ответ?!

Она не ответила, и вскоре я понял, что ору в никуда, будучи единственным живым существом на много километров вокруг. Что это

вообще за место, куда она меня поместила? Степь? Но почему здесь никогда не меняется освещение? Нет ни насекомых, ни травы, ни звезд на небе.

Я перестал орать и закрыл глаза, тяжело дыша. Разговор с чертовой ведьмой меня вымотал.

18

Я потерял счет времени, но полагаю, что Моргана появлялась не реже одного или двух раз в сутки. Иногда с ней приходила Мелисандра — и тогда они меняли повязки и мыли меня, но это было совсем редко. Чаше Королева появлялась одна — приносила что-нибудь поесть и попить. В общем, у меня было много времени на то, чтобы подумать о своей жизни.

— Что это за место? — Спросил я у нее, когда она появилась в очередной раз.

— Реальность, которую я соткала специально для тебя, — ответила она.

Соткала реальность? Я недоверчиво посмотрел на нее. Но нет, похоже, она не шутила...

— Если это правда, ты... очень могущественна.

Она посмотрела мне в глаза и сказала:

— Не очень.

Я чувствовал, что сказанное ею имело какой-то подтекст, который, по ее мнению, я мог бы понять — но я не понимал, на что она намекает. Взяв этот момент на заметку, я заговорил о другом.

— Если верить легендам, вы с Мерлином отчаянно враждовали. Почему же ты помогаешь его потомкам?

— Мы действительно враждовали, — по ее губам скользнула улыбка, но улыбалась Королева не мне, а каким-то своим воспоминаниям. — Но когда он умер... когда Нимья, его любовница и моя ученица, наложила на него заклятье смертного сна... все стало иначе. Мы слишком долго с ним воевали, слишком привыкли друг другу. А ведь мы были очень похожи. Он, как и я, был человеком только наполовину. И у меня и у него когда-то был выбор, кем стать, природе кого из родителей следовать. Мерлин выбрал быть человеком и стал великим магом. Я... я стала тем, кем стала.

— И кем же?

— Стихиалью. Королевой Яблочного Острова.

— Почему на нем никто не живет, кроме тебя?

— А почему ты решил, что на нем никто не живет? Только потому, что ты никого не видел? — Она усмехнулась. — Я кормлю тебя сама потому что не хочу, чтобы ты убил кого-нибудь из моих подданных. Я могу обмануть твою силу, но они, скорее всего, этого сделать не смогут.

Я долго молчал перед тем, как произнести следующую реплику. Она

далась мне с огромным трудом.

— Мне... жаль, что мы поссорились.

— Я с тобой не ссорилась, — сказала Моргана. — Обещай, что не тронешь Мелисандру — и я тебя отпущу.

— Что? — Я не мог поверить своим ушам. — Вот так просто отпустишь?

Она кивнула.

— Ты поклялась оберегать род Мерлина. Почему ты не мстишь мне за Альфреда?

— Уберечь и отомстить — разные вещи.

— Но все же. Я убил Альфреда. Я напал на тебя и оскорбил тебя. Неужели у тебя нет ко мне неприязни?

— Зло, которое живет в тебе — уже давно не столько твоя вина, сколько беда. Я знаю, кем ты был и видеть кем ты стал сейчас... — Она покачала головой. — Это ранит больней, чем все твои оскорбления.

Я долго молчал. Если она не лгала — мне трудно было в это поверить, но если... если она не лгала, то я был полным идиотом.

А если это манипуляция? — шепнул внутренний голосок. Ведьма демонстрирует сострадание, чтобы ты доверился ей. И если ты это сделаешь — вот тогда ты точно будешь полным идиотом.

— Ты знаешь обо мне больше, чем я сам, — произнес я вслух.

— Так и есть.

— Расскажи мне, кто я.

— Расскажи мне, почему ты решил, что именно Альфред охотится за тобой.

— Нет, — помолчав, произнес я. — Не могу. Это уже касается не только меня.

— Честный ответ поставит под удар кого-то еще?

— Да.

Она некоторое время разглядывала меня, а затем сказала:

— Что ты тогда кричал о двух людях, не поделивших мир?

— Ничего. — Я усмехнулся. — Забудь об этом.

— Не отвечай мне, если опасаясь подставить кого-то, кто тебе дорог, — сказала она, уходя. — Но попробуй ответить на этот вопрос хотя бы самому себе.

«Попробуй ответить»? Зачем пробовать, если я знал ответ. На Альфреда мне указал герр Рихтер Эзенхоф, мой наставник и воспитатель, человек, которому я доверял.

Доверял...

Я несколько раз мысленно повторил это слово. Произносимое в прошедшем времени, оно отрицало само себя и многое расставляло по своим местам.

19

Я ждал, когда она придет с Мелиссой, но раз за разом Моргана появлялась одна. Как-то она принесла мне трость и я начал заново учиться ходить.

— Где Мелисса? — Спросил я, опускаясь на землю после короткой прогулки. — Давно ее не видел.

Я тяжело дышал, голова кружилась от слабости, а ноги болели просто адски.

— Соскучился?

Я не повелся на подначку и, подождав, пока успокоится дыхание, ответил:

— Я готов пообещать, что не трону ее. Но перед этим хочу с ней поговорить.

Пауза...

— Хорошо, — сказала Моргана. — Еще несколько дней, и поговорите.

— Сколько я тут уже у тебя... «в гостях»?

— Три недели.

Я покачал головой. С тем же успехом она могла сказать «три дня» или «три года» — в этом проклятом месте никогда не всходило солнце. Подозреваю, что в реальности, сотворенной силой Аваллонской Королевы, солнца просто не было.

— Я редко выбираюсь в мир людей, — сказала она. — Но ради тебя сделала исключение. Земля сильно изменилась с тех пор, как я там была в последний раз. Люди изобрели антигравитацию и атомное оружие... мобильную связь и интернет. — Она с легкой улыбкой посмотрела на меня.

— И что?

— А то, что навести справки, откуда ты взялся, не составило большого труда. Ты сильно облегчил мне работу, сказав, что являешься выпускником ШАД.

Я мысленно проклял собственную беспечность.

— Быстро же ты там освоилась.

— Когда умеешь захватывать чужие умы, нет надобности разбираться в чем-то самому — всегда можно найти специалиста и убедить его сделать всю работу за тебя. Впрочем, ты ведь и сам это прекрасно знаешь, не так ли?

Я некоторое время молчал.

— И что теперь? Придешь и спалишь школу?

Она покачала головой.

— Я бы сказала «не суди других по себе» — но мы ведь не умеем иначе. Накладываем свой собственный образ на окружающих и думаем, как бы мы поступили на их месте. Твоя школа меня не волнует. Но зато я узнала имя того, кто натравил тебя на Альфреда. Это твой учитель, Рихтер Эзенхоф, не так ли?

Я промолчал.

— Ты знаешь, что когда-то Альфред учил Рихтера? — Спросила Моргана.

— Да. Директор упоминал об этом.

— А ты не спрашивал у него, что случилось с сыном Альфреда? Внука есть, дед есть — а где родители девочки?

— Нет, не спрашивал.

— А мог бы поинтересоваться. Рихтер убил их, чтобы стать единственным наследником Альфреда. И когда Альфред узнал об этом, он... — Она выдержала паузу. — Он ничего не сделал своему ученику. Просто прогнал его и все.

— Не верю.

— Альфред был слишком мягким. Слишком ценящим чужую жизнь. Плохо способным мстить и ненавидеть. Он был потерян и раздавлен горем, но злобы в нем не было. «Из-за того, что ты сделал, я потерял двух сыновей» — сказал он Рихтеру напоследок. Он сказал так, потому что и Рихтера до того момента тоже в каком-то смысле считал своим воспитанником или сыном.

— Странно, что старик столько протянул, — хмыкнул я. — Совершенно неприспособленный к жизни овощ.

Губы Морганы сжались — ее задело то, как я отозвался о старике. Мне было плевать, что она обо мне думает, но вот вдруг вспомнилось кое-что, на что наплевать я не мог — да и не хотел. Вспомнилась Бьянка — беззащитная, наивная, жизнерадостная. Когда Клайв Вильсон скончался в больнице, я был готов поубивать врачей, не сумевших его спасти. А Бьянка просто плакала в своей комнате. Она не искала виновных и не хотела вымещать свою боль на ком-то еще. Ей просто было плохо от того, что ее друга и возлюбленного не стало.

— Ладно, — сквозь зубы выдавил я. — Не овощ. Но все равно неприспособленный.

— Он был прекрасно ко всему приспособлен, пока не появился ты, —

сказала Моргана.

Затем она ушла, а я взял трость и, скрипя зубами от боли, совершил еще одну короткую прогулку.

...Через два дня она забрала меня с собой к водопаду. Не знаю, было ли это частью «реальности равнины», которую она расширила специально для такого случая, или это была уже какая-то новая реальность — но в любом случае, там было намного уютнее и светлее.

Вода, падающая со скалы, собиралась в небольшом теплом озере. На камнях лежали мыло и мочалка — самые обычные, как будто только что купленные в супермаркете. Я разделся и долго нежился в прохладной воде. Вдоволь наплескавшись и смыв всю грязь, я обнаружил на камнях полотенце и чистые вещи.

— Ты можешь создать все, что угодно? — Спросил я, одеваясь.

— Почти.

— А что не можешь?

— Если это механизм, мне нужно точно знать, как он устроен, — ответила она. — Поэтому большинство ваших машин я воспроизвести не смогу.

— Что-то мне подсказывает, что таким талантом к материализации обладает далеко не каждая стихияль.

— Верно. Меня научил этому белый грифон.

— Кто? — Переспросил я, думая, что ослышался.

— Есть несколько видов грифонов, — объяснила она. — Больше всего серых и коричневых. Они большие, сильные, на них можно летать... жаль только, что малоразумны. И есть два вида особенных грифонов: черные, способные парить за пределами времени и белые... или истинные. Белые совсем маленькие, размером с пони, и взрослого человека в воздух поднять не смогут. Зато они умеют мечтать. Чем и занимаются все свободное время. И их мечты становятся реальностью. Когда я встретила с одним из них, я была поражена, как и ты сейчас. Но грифон сказал, что рано или поздно овеществляются все мечты. Просто в их случае это происходит сразу и в том виде, в каком желает мечтающий.

— Удивительно. — Сказал я. — Надо бы и мне повстречать такого — пусть научит.

— Не станут они тебя учить, — Моргана покачала головой.

— Почему это?

— Потому что в тебе есть зло. А они вроде Альфреда — совершенно непригодные к тому, что ты называешь «реальной жизнью».

— Ты мне еще нотации начни читать.

Моргана вздохнула.

— Оделся? Пойдем со мной. Сегодня мы обедаем втроем, как ты просил. Веди себя, пожалуйста, прилично. Ты можешь причинять боль не только магией, но и словами. Я понимаю, что склонность к разрушению присуща тебе по природе. Но все же, постарайся сдерживаться. Я не допущу, чтобы ты причинил Мелиссандре еще больший вред.

Я усмехнулся, но ничего не сказал.

Она повернулась спиной к водопаду и вошла во внезапно поднявшийся от земли туман. Я последовал за ней. Через несколько шагов туман пропал, и мы очутились недалеко от беседки, расположенной в старом заброшенном саду. Поднявшись по деревянным ступеням, я увидел обеденный стол и сидящую за ним, похожую на нахохлившегося вороненка, Мелиссу. Она явно пошла не в своего всепрощающего деда, потому что на меня она посмотрела с откровенной ненавистью.

Направляясь к месту по главе стола, Моргана, будто играючи и невзначай, провела пальцем по белой скатерти — и стол стал заполняться блюдами, появляющимися прямо из воздуха. Тарелки и вилки, ложки и бокалы, кувшины и бутылки, салатницы и вазы... Вяленое мясо, салаты, грибы, зеленый горошек, рагу, нарезанная ломтиками рыба, жаркое, орехи и фрукты... От запахов, исходивших от стола, у меня потекли слюнки.

Я занял место напротив хозяйки и жадно стал накладывать в свою тарелку всего и сразу. Моргана ограничилась парой ягод земляники. Насупленная Мелисса не притронулась ни к чему.

— Я не буду с ним есть, — со злостью сказала она.

Я на секунду перестал пережевывать жаркое и искоса посмотрел на нее. Моргана вздохнула.

— Я не настаиваю.

Дальше мы несколько минут молчали. Я уплетал за обе щеки, Моргана разглядывала этикетку на бутылке и водила по ней пальцем, что-то шепча одними губами, девочка сидела неподвижно, враждебно глядя в мою сторону. Наконец, с жареным мясом и салатом было покончено...

— Э-э-э... — Произнес я, вытирая руки о скатерть. — В общем, я хочу извиниться.

Взгляд Мелиссы не изменился.

— Я поторопился. Нужно было поговорить с Альфредом, прежде чем убивать его. Но у меня... — Я вздохнул. — Погиб близкий мне человек и вести какие-либо переговоры я тогда был совершенно не настроен.

— Я тебя ненавижу, — сквозь зубы сообщила Мелисса.

Я пожал плечами.

— В твоей ситуации это вполне естественно.

— Если бы я могла, я бы тебя убила.

— Это твое право. Но имей в виду — нас меняет то, что мы делаем. — Я поднял указательный палец и назидательно покачал им в воздухе. — Направишь свой талант на смерть — будешь плохо лечить. И наоборот. Как-то так.

— А мне все равно! Ты просто... просто урод!

— Ты не толерантна, — пожурил я ее. — Надо говорить не «урод», а «человек с альтернативной внешностью и моралью».

— Дил. — Негромко произнесла Моргана. Я вздохнул. Уже и слова не скажи — одергивают...

Мелисса продолжала со злостью пялиться на меня.

— В общем, если ты захочешь найти меня и отомстить, это твое право. — Сказал я, отправляя в рот оливку. Подумал и добавил:

— Право попытаться, я имею в виду. Если ты это сделаешь, я тебя убью. — Я посмотрел на Моргану и сказал уже ей:

— Самооборону, я надеюсь, ты мне не станешь запрещать?

Она не ответила, и я опять перевел взгляд на Мелиссу:

— Но пока ты не придешь по мою душу, я тебя трогать не стану. Набирайся сил, опыта, переполняйся ненавистью и мастерством отнимать жизнь, и тогда...

— Дил, — остановила меня Моргана. — Достаточно.

Я снова вздохнул и положил себе в тарелку рагу. Похоже, я начинал привыкать к этой ведьме, поскольку ее претензии контролировать ситуацию уже не бесили меня так сильно, как должны были бы.

— Он плохой человек, — сказала Моргана Мелиссе, — потому что не человек вовсе. Но он сказал правду. Не разрушай себя ради мести. От этого никому лучше не станет.

— Теперь ты на его стороне?! — Обвиняюще произнесла Мелисса.

— Ты ведь знаешь, что это не так. Я на твоей стороне. Мне очень грустно от того, что Альфред умер.

— Почему ты его не спасла?

— Потому что он меня не позвал. Я же не всевидящая.

Мелиссандра всхлипнула и отвернулась от нас.

— Дитя, — мягко попросила Моргана. — Расскажи Дилу о том, что рассказала мне.

— О чем?.. — Опять всхлип.

— О письме, которое пришло твоему деду незадолго до... до того, как

все случилось.

— Не хочу!

— Пожалуйста, Мелиссандра. Это важно.

— Какое теперь это имеет значение? — Опять всхлип.

Мне нестерпимо захотелось телекинетически поднять ее над стулом и несколько раз ударить об пол — так, чтобы не убить, но чтобы гарантировано выбить все дерьмо из этого ноющего, плаксивого создания — однако каким-то чудом я сдержался и ничего не сделал.

— Дил не сам пришел к твоему деду, — продолжала уговаривать девочку Моргана. — Его использовали. Дил виноват в его смерти, но еще большую вину несет тот, кто его послал. Мы ведь хотим понять, кто и зачем это сделал, не так ли?..

Мелисса кивнула сквозь слезы.

— А для этого ты должна рассказать о письме.

— Хорошо, — девочка достала платок, вытерла слезы и нос. Посмотрела на меня — уже не столько враждебно, сколько отчаянно.

— Незадолго... до всего этого... дедушке пришло письмо. Его там предупредили, что ты придешь.

— Да? Вот как? Очень интересно. И от кого было письмо? — Полюбопытствовал я.

— Я не знаю... Дедушка сказал... — Мелисса закусил губу, вспоминая. — Сказал, что тот, кто идет по пути зла, рождает чудовищ, справиться с которыми не в состоянии. Сказал, что человек, которого он любил, предал его. И теперь один из учеников этого человека сошел с ума и ищет по всему миру магов для того, чтобы убивать их. Хочет остаться один и править всем миром.

— Что за бред? — Я покачал головой. — Мне наоборот хотелось бы, чтобы магов и волшебных существ в этом мире было побольше, а простых смертных — поменьше... Нежелание терпеть равных и убийство всех, кто хоть чуть-чуть высунулся — это уж скорее, стиль Альфреда...

— Неправда! — Закричала Мелисса, вскакивая на ноги. — Ты все врешь! Дедушка никого не убивал!

— Дил, — мягко произнесла Моргана. — Кто тебе все это сказал про Альфреда?

Я надолго замолчал. Мелисса продолжала качать права и обвинять меня во всех смертных грехах, пока Моргана не попросила ее успокоиться и сесть на место.

— Значит, Альфреду сообщили одну ложь про меня, — произнес я наконец. — А мне про него, по всей видимости — другую... А вернее,

ровно такую же. Что исключило ведение каких-либо переговоров, как с его, так и с моей стороны... Да, ловко. Если, конечно, все это правда. — Я посмотрел на Моргану. — Нельзя ведь исключать, что ты устроила все это представление для того, чтобы настроить меня против Рихтера, не так ли?

Королева Яблочного Острова пожала плечами.

— Как правило, к манипуляциям прибегают тогда, когда не могут без них обойтись. Когда не хватает силы решить все самым простым способом или кто-то не хочет, чтобы другие знали, что именно он ответственен за создавшуюся ситуацию. Тогда появляется мотив немного поработать умом. Но зачем тобой манипулировать мне? Я могу справиться с тобой и с Рихтером без каких-либо затруднений. А теперь подумай о том, кто из вас троих — тебя, Альфреда и Рихтера — безусловно слабее двух других. Кто вынужден был бы прибегнуть к манипуляции, если бы хотел уничтожить тех, кто сильнее?

Я покачал головой.

— Складно говоришь, но даже если ты права — каков мотив? Его нет. Зачем Рихтеру уничтожать собственных учеников? Ну хорошо, предположим, он до сих пор обижен на Альфреда, вдобавок они не могут поделить Европу — Рихтер контролирует одних политиков, Альфред других — хорошо, но зачем устраивать все это шоу с убийствами? Чтобы меня разозлить? А смысл? Я и раньше убивал для него людей. И поработал политиков. Если бы он сказал: «Там в Англии сидит колдун из древнего рода, он мешает нашим планам расширения Конфедерации на Запад; он сильный противник, ты получишь массу удовольствия, сражаясь с ним» — я бы точно также поехал бы в Англию и убил бы его.

— Таких, как ты... надо в тюрьму сажать. — Сказала Мелисса, опять становясь похожей на насупленного и злого вороненка. — Изолировать от общества.

— Надежнее убить. — Усмехнулся я.

— Ну, или так...

— Мотивы мне тоже непонятны, — произнесла Моргану. — Подозреваю только, что основной целью его был не Альфред, отнюдь...

— Что ты имеешь в виду?

— Ты сказал, что тебя несколько раз пытались убить. Ты не знал Альфреда и можешь думать все, что угодно, но я — знала, и я уверена, что это не он.

— Кто же тогда?..

Моргана улыбнулась и несколько секунд молча смотрела на меня. Затем в руках у нее появился батончик в блестящей обертке.

— Дать конфету?

— Обойдусь... — Я вздохнул. — Ладно. Похоже, что точный ответ о мотивах я смогу получить лишь от одного человека. Эххх... У меня было желание сломать его волю перед отъездом. Похоже, зря я сдержался... Ну что ж. Спасибо за обед. Если вы, дамы, мне больше ничего не желаете сообщить, я бы ушел отсюда... и желательно не на ту темную равнину, где ты меня держала последние недели, а в нормальный мир. Твое условие я выполнил.

— Прежде, чем ты уйдешь, — сказала Королева, вставая, — хочу тебе кое-что показать.

Она вышла из беседки, и я последовал за ней.

20

Туман, как всегда, появился из ниоткуда и быстро закрыл собой все. Окружающий мир смазался, а когда он возник вновь, я понял, что нахожусь в помещении, а не под открытым небом. Еще несколько шагов, и я подхожу к массивным перилам из серого мрамора и останавливаюсь рядом с Морганой, созерцая грандиозный холл какого-то дворца.

Мы находились на втором этаже, напротив входа — с первого этажа к нам можно было подняться по одной из двух лестниц, что располагались справа и слева от нас. На стенах — знамена, некоторые из которых вызвали во мне мучительное ощущение узнавания: я понимал, что видел уже такие раньше, но где и когда, в какой из своих жизней — не мог вспомнить. Основное мое внимание, однако, привлекли не знамена и не роскошная отделка холла, также казавшегося смутно знакомым, а огромное панно над входом. Панно располагалось еще выше, чем находились мы с Королевой — где-то на уровне третьего этажа. Люди и звери, полулюди-полузвери, мерзкие крылатые твари, странные существа из огня и света... Композиция дробилась на множество сюжетов, каждый из которых имел какой-то смысл, что-то символизировал, изображал какое-то событие в той истории, которой была посвящена картина. Крылатая тень — человеческая фигура с крыльями летучей мыши — что-то предлагает быку, наклонившему рога так, будто он собирается атаковать ее; феникс проливает огненный дождь на отвратительных тварей, собравшихся под стенами крепости; устрашающая черная фигура — слишком похожая на собирающую души тварь из моих снов — торжествуя, держит на поднятых руках тело прекрасной женщины; звери с лицами людей стоят вокруг расчлененного на части человека, лежащего в центре ритуального узора; молодая девушка идет по выжженной земле и там, где ее нога касается земли, из пепла пробиваются зеленые ростки; разъяренный воитель с черным мечом убивает неподвижного и раненного, но еще живого дракона... Центральную часть композиции занимало изображение прекрасного поверженного рыцаря, лежащего в луже собственной крови, алевшей на темном плаще, посреди тронного зала. Над рыцарем, касаясь древка копья, протыкавшего рыцарю грудь, стояло странное существо, являвшее собой смесь ящерицы и человека. Голова ящерицы, туловище и руки человека, вместо ног — длинный хвост... кожистые крылья за спиной. Существо и

рыцарь смотрели друг другу в глаза и по тому, как существо касалось копья, невозможно было понять — собирается ли оно нажать еще сильнее, навсегда пригвождая человека к полу, или же хочет извлечь копье. Но я — откуда-то — точно знал, что копье воткнул рыцарю в грудь странный дракон с человеческим туловищем и что он сделал бы все, чтобы воткнуть это копье поглубже. Двусмысленность того, как это было изображено, по необъяснимой причине разозлила меня. Нет, я точно был уверен — это дракон, повергающий героя, а не освобождающий его. Потом я присмотрелся к герою и понял, что он тоже не вполне человек. Когти, а не ногти на руках... а то, что я сначала принял за плащ, оказалось раскиданными по полу темными крыльями...

Вверху общей композиции, будучи не менее крупной, чем фигуры человека-дракона и демона-рыцаря, сияющая золотая птица распахнула крылья, как бы призывая восходящее над ней солнце. Внизу, во тьме, смотрело вверх жуткое мумифицированное лицо, принадлежавшее женщине. Ее рот был широко распахнут и казалось, что она стремится поглотить все, в чем есть жизнь и сила.

Я оторвался от созерцания картины и искоса взглянул на Моргану. Она смотрела на меня — внимательно, изучающее — не скрывая своего интереса.

— Кто я такой? — Спросил я у нее. — Может быть, скажешь наконец?

— Ты все еще не вспомнил?

— Я помню, что был здесь, в этом зале. Помню некоторые знамена. Но картины не помню. И тем не менее я чувствую, что должен знать, что там изображено.

— Я бы сказала, что там изображена история Тавелина, — ответила Морганна. — Но это было бы неправдой, потому что события, которые там показаны, в конечном итоге касались всех миров.

Тавелин... Я попробовал это слово на вкус и ощутил смесь печали и радости. Чем бы ни был этот мир, он кое-что значил для меня. Много значил, не смотря на то, что еще не вернувшиеся, но уже смутно ощущаемые воспоминания боли несли в себе не меньше, чем любви...

— Тавелин... — Тихо сказал я. — Что это за место?..

— Один из множества миров. Очень древний. И особенный тем, что в нем некогда жил Творец.

— Творец? — Хмыкнул я. — Какой еще Творец? Всеблагий Митра?

— Большинство богов Земли, — ответила Морганна, — никогда не существовали. Другие являются искаженными изображениями реальных богов, трети — местными божками, рассказывающими о себе небылицы.

Ваш Митра — это второй случай. Вот только похож он не на Творца, а на Йлаха, Бога Света.

Моргана перехватила мой взгляд, брошенный на панно, и добавила:

— Не ищи его там. Его там нет. В качестве противовеса Эрешкигаль, Богине Тьмы и небытия, Король-Жаворонок изобразил не Йлаха, а себя самого.

Я некоторое время разглядывал золотую птицу, призывающую солнце...

— И никто не обвинил его в богохульстве?

— Сила Творца — выше, чем сила Эрешкигаль и Йлаха. — Ответила Моргана. — Свет и тьма существовали прежде, чем возникли миры, но именно Творец, рожденный от их предвечного смешения, дал им имена, оформил их, наделил слепые силы личностными аспектами... Творца еще называют Богом Земли — подразумевая под «Землей», конечно, не тот мир, где ты жил в последнее время, а все множество сотворенных им миров. Жаворонок — его Наследник... один из Наследников... и его божественный статус уж точно не ниже, чем статус бесстрастного и бездеятельного Йлаха. Поэтому вряд ли кто-то взялся бы обвинять живого бога в богохульстве.

Я усмехнулся ее шутке, а затем спросил:

— «Творец жил в Тавелине»... «Жаворонок — один из наследников»... что же случилось с Творцом? Сотворив все, что хотел, он отдалился от дел?

— Можно и так сказать. Творца убили его Наследники.

Я понял, что знаю ответ на свой вопрос еще прежде, чем она закончила фразу. На каком-то уровне я уже знал все, о чем спрашивал. Знал — но не помнил, а ответы Морганы словно открывали запертые двери в моем подсознании.

— Хороши Наследнички... — Задумчиво пробормотал я.

Она странно на меня посмотрела, а затем произнесла:

— По их словам, это необходимо было сделать. Незадолго до войны с демонами Творец обезумел и желал разрушить все, чтобы затем создать заново в ином, совершенном виде. И вот, чтобы уберечь миры, они убили его и разделили его силу между собой. — Она указала на ту часть изображения, где дикие звери с лицами людей стояли вокруг расчлененного человеческого тела.

— А что ему не понравилось в сотворенном мире? — Спросил я. — Или это никому не известно?

— Слишком многое пошло не так, как он хотел. Взять хотя бы демонов.

Он не планировал их появления.

— Откуда же они взялись?

— Это души, пожранные Эрешкигаль, переваренные ею и искаженные до крайней степени. Стихиали и звери представляют собой естественное начало. Демоны, порожденные... исторгнутые Эрешкигаль — представляют противоестественные, разрушительные силы. Демонами управляют их князья, во главе которых стоит Раванар, Повелитель Демонов, — она указала на фигуру прекрасного крылатого рыцаря, пригвожденного копьём к полу тронного зала. — Стихиалиями и животными — Наследники... по крайней мере, в идеале. — Она сделала короткую паузу. — На практике же все главные участники этой истории уже давно ничем не управляют. Часть Наследников пала от руки Короля Демонов еще до начала войны, другая погибла в ходе нее, а последние стали жертвами его мести уже после ее окончания. Но и сам Раванар пострадал не меньше. Он был повержен сильнейшим из Наследников, Драконом, и припилен к полу в собственном дворце. Его дворец опустел — одни говорят, что Раванар погиб, другие — что он, лишенный всякой силы, впал в забвение — но все сходятся на том, что вытащить копьё, воткнутое в грудь Повелителя Демонов и снять с него заклятье может лишь тот, кто воткнул это копьё и наложил заклятье... Князья демонов в отсутствие короля погрузились в междоусобные войны за первенство и перестали совершать организованные вторжения в неискаженные миры. С другой же стороны, в отсутствие Наследников старейшие стихиали создали собственные королевства и сумели кое-как защитить их: демоны, хотя и прекратили действовать сообща, не утратили алчности и желания извратить все живое... Многие считают, что мироздание без высших богов стало... более безопасным, что ли?.. нет тех, кто мог бы всех объединить и попытаться установить свою волю... а значит, нет и мировых войн и, не смотря на все локальные конфликты, мирозданию в целом ничего не грозит... но я не разделяю это мнение.

— Почему? — Спросил я.

— Потому что без Наследников и Раванара ослабела магия. Нет глобальной угрозы, но и не создается — в масштабах вселенной — ничего нового. Давно уже нет ни новых миров, ни новых рас. Нет новых форм волшебства, хотя к Наследникам, как к покровителям различных видов магии, по прежнему обращаются чародеи. Вот, например, Жаворонок, — она опять указала на золотую птицу на панно. — Он покровительствует саммонерам и магам, использующим музыку. Феникс — магам огня, Единорог — магам света и жизни...

— Могут ли Наследники каким-либо образом возродиться?

— Я не знаю... — Она помолчала. — В каком-то смысле они и не умирали никогда. Они умерли как боги, но продолжают возрождаться в своих родах, все больше очеловечиваясь... а некоторые, как говорят, сошлись с демонами и приобрели их черты, но в это не хочется верить... Все благородные фамилии Тавелина ведут свое происхождение от Наследников. В этих родах они, как правило, и возрождаются, отличаясь от обычных людей более сильным магическим даром... но иногда бывает так, что Наследник возрождается не в Тавелине, а в каком-нибудь другом мире. Так бывает, если его предшественник оставил в том мире ребенка, от которого пошла новая линия наследования.

Даже идиот догадался бы, к чему она клонит.

Я долго смотрел на панно. Человек-дракон, втыкающий копье в грудь Повелителя Демонов, казался, не смотря на всю динамику совершаемого им действия, спокойным и уравновешенным, как Будда. Неподвижный Повелитель Демонов — напротив, яростным и полным страсти. Я точно знал, что такого Дракона, какой был показан на панно, никогда не существовало. Не было уroda с человеческим телом и хвостом вместо ног. Тем не менее, эта получеловеческая-полузвериная фигура в каком-то смысле была верной — в том смысле, в каком верны все символы, указующие на реальность, а не копирующие ее.

— Какими силами управлял Дракон? — Спросил я Моргану, уже зная ответ на этот вопрос и лишь ожидая от нее подтверждения. — Покровителем чего он считается?

— Своим патроном его считают те, кто использует магию для сражения. Дракон властен на четыремя природными стихиями — над огнем, водой, землей и воздухом — в их разрушительном аспекте. В этом его отличие от, например, Феникса, который властен над всеми аспектами огня — и разрушительными, и созидательными, и живительными, и какими угодно.

— Ммм... Ты ведь говорила, что разрушение свойственно демонам, а стихииали, которыми, по идее, должны управлять Наследники — противоположны им по сути?

— Разрушение разрушению рознь. Дракон — по крайней мере, изначально — представлял собой силы разрушения, свойственные самой природе. Ведь бывает необходимо уничтожить старое, чтобы могло появиться новое. Хищник, настигающий оленя для того, чтобы прокормить себя... зверь, сражающийся с другим зверем ради самки... все они действуют в согласии с силой Дракона. Но когда зверь, обезумев от крови,

режет все стадо вместо того, чтобы взять только одну жертву... или когда человек заполняет ядом своих предприятий все окружающее пространство, уничтожая все живое в округе... тогда это сила демонов, а не Дракона.

— Ты сказала «изначально»?

— Да... — Она помедлила, прежде чем ответить. — Ходили слухи, что несколько тысяч лет назад Дракон заключил сделку с демонами и предал все то, что прежде оберегал...

— Это ложь. — Резко оборвал ее я, ощущая, как во мне поднимается ярость. — Кто это придумал?

— Так написано в «Священной книге короля», составленной со слов Жаворонка, уже много столетий управляющего Тавелином. Мне тоже хотелось бы надеяться, что это неправда... Дракон и Жаворонок питают друг к другу неприязнь с давних пор. Но все же часть правды в этом есть. Несколько тысяч лет назад в одном из окраинных миров... на той самой Земле, где ты родился... в Китае, в эпоху Инь, Дракон подготовил армию вторжения и нанес удар по Тавелину. Дракон потерпел поражение, хотя, как говорят, это была ужасная война, стоившая жизни многим. В его войске были не только люди, но и демоны... слишком много свидетельств, чтобы это отрицать.

Я хотел сказать в ответ что-то резкое, но слово «Китай» перевернуло все. Я вспомнил колонну пехотинцев, уползающую за горизонт, женщину с темной силой, стоявшую рядом со мной на холме... Слова Морганы о демонах разбудили во мне уверенность в том, что человеческий облик был для той дамы лишь одной из возможных форм, а в других формах возжелать ее мог бы разве что больной извращенец. Она была опасной, сильной и чужой и все же... все же она была моим союзником.

— Не знаю, что там за история с демонами, — сказал я уже далеко не так резко, как собирался поначалу. — Не знаю, что их туда привело и почему они помогали Дракону... помогали мне. Не помню многого, только какие-то обрывки... Но я никого не предавал. В этом можешь не сомневаться.

— Хорошо, — она наклонила голову и чуть присела — не реверанс, а, скорее, намек на него. — Что еще желает услышать от меня милорд Дракон?

Я некоторое время молча смотрел на нее.

— Ты очень помогла мне. Спасибо. Но мне нужно знать больше... все, что ты знаешь.

— Я не была свидетелем тех событий, о которых говорила, — ответила она. — Я лишь однажды была в Тавелине — купила несколько книг и

посмотрела на королевский дворец, куда меня провел один из моих любовников, происходивший из рода Сокола. Это холл дворца, — она обвела взглядом помещение, где мы находились. — Такой, каким я его помню.

— И все же, пока ты знаешь об этом месте больше, чем я.

— Я думаю, на самом деле, ты знаешь намного больше, — она улыбнулась. Затем в ее руках появилась книга, которую она протянула мне. — Возьми. По сути, здесь все о вас, что мне известно. И кое-что из этого ты уже назвал ложью.

Массивная книга в кожаном переплете, с выпуклым узором на обложке. Я пролистал книгу, потом опять взглянул на название. Странные, ни на что не похожие буквы... Я хотел было сказать, что не понимаю, что тут написано, но затем понял, что это не так. Я чувствовал, что знаю этот язык. Еще раз посмотрел на название... я улавливал смысл, но еще не был уверен, как звучит этот язык и какому именно из пришедших в голову понятий соответствует то или иное слово.

— Святые... королевские записи?.. — Предположил я.

— Священная книга короля. — Поправила меня Моргана. — Да, это ангажированная версия, мне об этом уже говорили. Но другой нет. Бери. Думаю, отсюда ты извлечешь больше полезного, чем из моего пересказа того, что там написано.

— Благодарю. — Я принял подарок.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга.

— Видимо, мне пора уходить.

— Ты можешь гостить у меня сколько захочешь, — сказала Моргана. — Но, кажется, ты хотел задать несколько вопросов человеку, которого ты в этой жизни считал своим учителем?

— Да, верно. Как мне вернуться на Землю?

Она подняла руку, и часть перил растаяла, балкон удлинился еще на пару метров, и в конце этой удлинившейся части возникло зеркало, отражавшее не нас и не холл королевского дворца Тавелина, а клубящийся и текущий туман.

— Подойди к зеркалу и представь место, в которое хочешь попасть, — сказала Моргана.

— Это будет настоящее место или копия, которую ты создашь?

— Настоящее, не сомневайся.

Я последовал ее совету. Встав перед зеркалом, я представил директорский кабинет Рихтера Эзенхофа в ШАД. Зеркало обрело глубину, туман стал принимать форму вещей и наливаться цветом... в какой-то

момент я понял, что это происходит уже без моего участия, а затем ощущение преграды исчезло, и стало ясно, что если я перешагну через раму, то окажусь в той комнате, появившись там, вероятно, просто из воздуха. Но я не спешил идти. Кабинет директора пустовал.

Я представил еще несколько мест, в которых мог находиться Рихтер — его загородный дом, его кабинет советника в эленгардском офисе ВЕСБ... его скромный кабинетик в Норрижском Министерском Дворце. Рихтера нигде не было. Неудивительно — он постоянно в разъездах, и я отдавал себе отчет в том, что о большей части мест, где его можно застать, я не имею ни малейшего представления.

— А ты можешь отправить меня не в какое-то определенное место, а к человеку?

— Нет. Зеркало так не работает. А у меня никакой связи с твоим учителем нет. Я его лично даже не видела ни разу.

— Ну хорошо...

Я опять представил его кабинет в ШАД и стал наблюдать, как туман меняет очертания. Он появлялся там чаще, чем где-либо еще. Рано или поздно он обязательно заглянет в школу. Рихтер может забыть и бросить все что угодно — но только не свое главное детище. Не школу подготовки лояльных ему чародеев, с помощью которых он собирался объединить мир и управлять им.

— Вот это место.

— Прощай, Лорд-Дракон, и удачи тебе, — сказала ла Фей мне вслед.

— Благодарю за терпение, помощь и гостеприимство, Королева Яблочного Острова.

Я перешагнул рамку и огляделся. Да, это ШАД. За окном слышны голоса детей. Оглянулся назад — и увидел, как тает призрачное окно. Зал, в котором стояла Королева и она сама стали сгустком тумана, а затем туман растаял в воздухе кабинета герра Рихтера и более от того мира, который я только что покинул, здесь, в мире людей, не осталось ничего... Ничего, кроме толстой книги у меня в руках.

Я сел в кресло директора и положил фолиант перед собой. Возникло искушение открыть его и погрузиться в чтение, но я отказался от этой идеи. Но сейчас. Обязательно займусь этим, но в другой обстановке. Прежде, чем задумываться о глобальных проблемах, нужно решить текущие, сиюминутные.

Я ждал около двух часов, когда за дверью послышались шаги и ключ повернулся в замочной скважине. Моргана отвлекла меня, расположила своими разговорами к созерцательному настроению, и мне пришлось

подумать о погибшей Бьянке для того, чтобы опять ощутить ярость. И вместе с яростью пришла сила.

Рихтер почувствовал ее, потому что, уже открыв дверь и собираясь войти, он изменился в лице, увидел меня и бросился назад. Не знаю уж, благодаря интуиции или логике он догадался, что на этот раз с ним церемониться не будут. А может быть, у меня в этот момент было просто очень выразительное лицо. Я перепрыгнул через стол и бросился за ним. Рихтер не успел выбраться из приемной — на дороге у него стояла секретарша, которую он отшвырнул в сторону, но это ему не помогло, потому что на входе в приемную толпились посетители, желавшие пообщаться с директором: учителя, пара родителей, желающих сдать своих аномальных детишек в ШАД, кто-то из руководства охраны — в общем, вся эта толпа создала заминку, которая дала мне время добраться до директора. Я коснулся его левого плеча, ощущая, как моему движению препятствует поле носимого им амулета и разъяряясь от этого еще больше. Вокруг слышались крики, треск мебели, лопающаяся на стенах штукатурка и корёжащийся паркет — в общем, все как обычно. Рихтер дико завопил, вцепившись правой рукой в левую — еще бы ему не вопить, если все его плечо до локтевого сустава в один миг оказалось превращено в мешанину разорванных костей и мышц. Я сбил его с ног, взял за шиворот и потащил обратно в кабинет, не обращая внимания на разгромленную приемную и изломанные трупы секретарши и посетителей. Рихтер дергался, кричал и пытался вырваться и мне пришлось телекинетически поднять его и ударить об пол, чтобы слегка успокоить.

Я затащил его в кабинет, закрыл дверь и обратился к Земле, представляя, как ее сила, словно барьер, накладывается на дверь и остается на ней, удерживая дверь закрытой. Прежде я не работал так со стихиями, но после сегодняшнего общения с Морганой и спровоцированным нашей беседой потоком воспоминаний был уверен, что смогу это сделать. Я оказался прав. Часть силы Земли осталась на двери даже когда я перестал непосредственно направлять ее. Я знал, что через некоторое время мое заклятье истощится, но не собирался тут особо засиживаться. Мне всего лишь не хотелось, чтобы охрана, которая неизбежно прибежит сюда через пару минут, помешала бы моему душевному разговору с дражайшим учителем.

— Садись в кресло, — велел я ему.

Он не послушался. Поднимаясь, он вдруг резко развернулся и попытался ударить меня ногой в голову. Я едва успел поднять руку. В нормальных условиях он бы пробил мой блок, не заметив, свернул бы мне

челюсть и отправил бы в нокаут одним ударом — Рихтер был тяжелее меня раза в полтора, быстрее и тренирован куда лучше. Но я не собирался с ним драться на его условиях. Я ощутил лишь легкое прикосновение к поднятой руке, а вот нога Рихтера отлетела назад, нелепо дергаясь и ломаясь в воздухе — по ней словно ударили молотом весом в тонну. Эзенхофа отшвырнуло назад и он упал у того самого кресла, в которое я ему предлагал сесть.

— Ну хватит уже глупить, — сказал я, заставляя второе гостевое кресло пролевитировать и опуститься за моей спиной. Я сел в кресло и несколько секунд разглядывал лежащего передо мной человека.

— А ведь я тебя уважал. — Сказал я, покачав головой. — Доверял. Делал то, что ты мне говорил. Зачем ты все это устроил? Просвети меня. Я теряюсь в догадках.

— Устроил — что?.. — С трудом выдавил он. — Я не понимаю тебя, Дил...

— Прекрасно понимаешь. И еще ты должен понимать, что я получу ответы на свои вопросы в любом случае. Я сломал твой амулет, и сломаю твою волю еще быстрее, если ты начнешь лгать. Но пока я даю тебе шанс ответить самому. Оцени эту милость.

— Ты... — Рихтер тяжело дышал, рукав его рубашки и штанина пропитались кровью. — Чудовище...

Я засмеялся.

— Да неужели? И это говорит человек, посылавший меня убивать и подчинять политических лидеров? Помнишь ту даму из тайваньского посольства, которая упорно качала против тебя права и даже нашла на тебя и на ШАД кое-какой компромат? Ты поручил мне убить ее и хотел, чтобы она сдохла мучительной смертью — уверяю тебя, тебе сейчас и вполтину не так больно, как было ей, когда я ее навестил, а ведь она, между прочим, была беременна. Ну и кто же из нас чудовище?

— То, что я делал... было необходимо... для блага человечества...

— Да неужели? А по-моему, человечество само способно решить, в чем его благо, без деятелей, опьяненных жаждой власти вроде тебя. Ты все это время работал ради себя. А я выполнял твои поручения, потому что мне нравится убивать и мне нужны были те знания, которыми ты обладал. Мы были прекрасной командой. Да, я иногда хулиганил. Убивал не только тех, кого было надо, но и тех, кто попадался под руку. Но мне можно простить эту слабость. Так в чем же дело? Ты воспитал меня, я был твоим лучшим орудием. Что пошло не так? И в какой момент?

Рихтер долго молчал, смотря в никуда. Я уж было решил, что он

собрался упираться до конца и мне придется-таки сломать его, чтобы получить ответы, когда он неожиданно произнес:

— Я слишком поздно... понял, что ты — не человек.

— Ну и что? — Я недоуменно пожал плечами. — Ты что-то имеешь против демонов или драконов? А может быть, у тебя иррациональная неприязнь к стихиялям?

— Это мир людей. Таким, как ты, тут не место.

— Фу, — я осуждающе покачал головой. — Это высказывание прямо-таки отдает провинциальной ксенофобией.

— Называй как хочешь, но это так.

— А я думаю, что нет. Только Творец имел бы право сказать, где кому какое полагается место, но Творца больше нет... давно уже нет, и поэтому права такого больше нет ни у кого.

— Такое право есть у нас. У людей. Потому что это наш мир. — Рихтер закрипел зубами, и краска вновь прилила к его бледному лицу.

— Что значит ваш? Не вы его создали. Вы тут просто проживаете, как крысиная колония в подвале. И я бы на твоём месте не стал всерьёз поднимать вопрос, кто тут имеет больше прав находиться — я или ваша колония. Честный ответ тебя огорчит.

Он долго молчал, а затем устало спросил:

— Кто ты, Дил? Что ты такое?

Я несколько секунд смотрел на него. Потом решил ответить, чтобы он наконец уже успокоился и чтобы можно было закрыть тему о правах.

— Я бог. Но не из ваших мифов. Так что можешь пропустить коленопреклонение и горячую молитву.

— Бог? — Рихтер испытывающе разглядывал мое лицо, пытаюсь понять, издеваюсь я или нет. — Но почему ты родился у нас и почему...

— Стоп-стоп-стоп. Вопросы здесь задаю я. И мое терпение подходит к концу. Давай-ка забудем про твой расистский бред и обсудим твои мотивы еще раз. Я готов поверить, что то обстоятельство, что я, по видимости, не вполне человек, тебя должно было слегка нервировать, но я не могу поверить, что это стало основной причиной всей этой череды покушений. Ты ведь маг, а не обыватель. Ты учился у Альфреда, видел много странного, знаешь о горгонах и стихиялях... Был какой-то другой, главный мотив, и ты мне сейчас скажешь, какой.

Я поймал его взгляд и увидел в его глазах отчаянье. Не знаю, что он увидел в моих, но что бы это ни было, оно заставило его наконец дать честный ответ:

— Ты... тебя невозможно контролировать. Чем дальше, тем... тем все

становилось хуже. Ты осваивал магию с легкостью и я уже давно ничего не мог тебе дать... в плане искусства. А в силе... — Рихтер на пару секунд устало закрыл глаза. Затем открыл их и с усилием продолжил. — В силе ты превосходил все, что я когда-либо видел. Кроме Альфреда... Я боялся, что еще пара лет — и ты станешь сильнее даже его. И что тогда?.. Кто тебя сможет остановить, если в какой-то момент ты решишь, что хватит уже выполнять мои распоряжения... да и вообще, кто он такой, этот Рихтер Эзенхоф?.. Убьешь меня и станешь тираном, которого еще свет не видывал.

— Ну прям-таки «не видывал». — Слегка обиделся я. — Я уже управлял одним из ваших регионов несколько тысяч лет тому назад, и вполне успешно. Мы тогда едва не захватили другой мир, между прочим.

— Вот об этом я и говорю. Ты будешь управлять людьми как скотом. Будешь посылать их захватывать для тебя миры или еще что-нибудь... Человечество для тебя — просто ресурс.

— Не надо морализаторствовать, Рихтер. — Отмахнулся я. — Чтобы потешить свое эго чувством «я тут самый главный» ты был готов убивать и лишать воли существ своего вида. Да, для меня вы — ресурс. Стая рыб для владельца рыболовного краулера или крысиная колония в подвале для хозяина дома. Вас же не мучает совесть, когда поднимаете из океана пару тонн рыбы, тут же потрошите ее и скидываете в океан потроха? А почему совесть должна мучить меня? Драконы едят людей, разрушают города и похищают красавиц, это совершенно нормально. А ты убивал и подчинял как и я, но только вот для тебя они были не существами иного вида, а твоими соотечественниками. Поэтому не надо морали. Не зли меня.

— При чем тут мораль?.. — Он опять замолчал, усилием воли гася чувство боли от переломанных костей. — Да, я на все был готов ради власти. Но я не хочу, чтобы нами правил такой, как ты.

— Я и не собирался. У меня не было никаких грандиозных планов. Я просто жил в свое удовольствие — развлекался с женщинами, убивал тех, кто мне не нравился, общался с Бьянкой, изучал Трещины в реальности... убивал людей по твоему заказу и даже спас вашу самонадеянную цивилизацию от Паука.

— То, что тебе не хотелось встать у руля сейчас... не значило, что ты не захочешь этого сделать потом. — С трудом выдавил Рихтер.

Я помедлил, прежде чем ответить.

— И ты решил действовать превентивно?

Он кивнул.

— Какой предусмотрительный... — Я вздохнул. — Ну хорошо. С

твоими мотивами все ясно...

Меня прервали. Явилась охрана. Шум за дверью, попытки ее открыть, идиотские вопросы типа «Герр Рихтер, с вами все в порядке?..» Я встал и подошел к двери. Теперь мне нужна была не Земля, а Воздух. Я наложил на дверь еще один барьер, задача которого заключалась в том, чтобы поглощать идущие с той стороны звуки. Сразу стало намного тише.

— Продолжим, — сказал я, возвращаясь в кресло. — С мотивами разобрались. Расскажи теперь, как все началось. Снайпер, стрелявший в меня в ресторане, не был первым. Сначала была попытка отравления. Но я остался жив, даже ничего не понял, а Клайв, которого я угостил сливочными орешками, скончался в мучениях. Мы ведь с Бьянкой думали, что спасли его. Почему он умер?

— Вы... замедлили действие яда, но... спасти его вы не могли. Я не понимаю, как выжил ты. Это физически невозможно.

— А это физически возможно? — Телекинезом я подхватил со стола ручку, повертел ее в воздухе, а затем с силой метнул в стену — так, что в результате ручка вонзилась в нее, как дротик, и осталась торчать.

— Выжить после того яда... даже не почувствовать его... это намного невозможнее.

— Что-то мне подсказывает, что это была не первая попытка меня отравить.

— Да... — Признал Рихтер. — Это так. Сначала мы думали, что у тебя индивидуальная невосприимчивость к некоторым веществам... но потом стало ясно, что дело не в этом. На тебя не действовали ни яд, ни наркотики, ни отравляющие газы. Вообще никакие. Тебя даже обезболить было нельзя.

— Да уж... — Я вспомнил свои «приятные» ощущения в больнице, куда меня привезли после взрыва в поезде. Затем констатировал:

— С ядом не прокатило и ты послал снайпера. Снайпер облажался и ты сообразил, что я слишком хорошо ощущаю чужое внимание. Поэтому ты использовал человека с бомбой, который не знал, что везет бомбу. Но и тут дело не дошло до конца. Однако, тебе удалось меня ранить. У меня были переломаны кости, и мне было очень хреново. Почему ты не попытался убить меня в больнице? Отличный ведь был шанс.

— Я... испугался. Ты не все время был без сознания. Ты то приходил в себя, то вновь отключался. Твоя сила реагировала на любое воздействие со стороны. Ты ранил нескольких врачей, испортил оборудование... Я не знаю, что было бы, попытайся я тогда тебя убить. Ты мог опередить меня и остановить мне сердце прежде, чем я довел бы дело до конца. Я ведь уже

просто не знал, на что ты способен...

— Понятно. Потом у нас появляется военный робот на крыше. Потом атомная бомба.

— Как ты смог уцелеть? Опять скажешь, что ты бог?

Я усмехнулся.

— Там неподалеку была Трещина и я успел в нее уйти. Вообще, можно лишь поразиться тому, какие ресурсы ты задействовал, чтобы меня уничтожить. Неужели не было мысли остановиться, задуматься... сообразить, что что-то идет не так?

— Я знал, что все идет не так, — тихо ответил Рихтер. — Я не дурак. Но остановиться?.. Все зашло слишком далеко. Тебе нужны были ответы и рано или поздно ты бы их получил. Я не переоценивал меру своего влияния на тебя. Я видел, как ты на меня смотришь. Если бы я остановился... все кончилось бы тем, что рано или поздно ты бы залез в голову мне или нашел бы кого-нибудь из исполнителей... и все. И было бы то, что у нас есть сейчас. — Он показал глазами на изуродованную руку и ногу, а затем перевел взгляд на меня, сидящего перед ним в кресле.

— И для того, чтобы избежать последствий собственных идиотских решений, ты сравил меня с Альфредом.

— Я бы не назвал эти решения идиотскими, — возразил Рихтер. — Они были ошибочными, но что же... я не всеведущ. Знай я тогда то, что знаю сейчас, я бы действовал иначе.

— Как, интересно знать?

— Я бы не стал тебя трогать.

— Лжешь. А я ведь предупреждал тебя этого не делать. Ты бы постарался сбросить на меня атомную бомбу в таком месте, где Трещин поблизости нет.

— Может быть. Не знаю. Слишком много «но»...

— Все ты знаешь... Ладно. Альфред был твоим последним шансом. Но ты ведь должен был понимать, что я могу убить его, а потом вернуться. Или — еще лучше — перед тем как убить, подчиню, узнаю, что он ничего плохого не замышлял, а потом вернусь к тебе и стану задавать вопросы. И явно ты к моему возвращению не был готов. Что ж ты так оплошал?

— Я надеялся не на Альфреда, — ответил Рихтер. — Как бы ни был силен старик, но после того, как тебе удалось выжить при термоядерном взрыве... я полагал, что скорее всего, ты его убьешь. Но он говорил, что их род защищает некое существо... некий дух...

— ...некая Моргана ля Фей...

— Да... — Он открыл рот, переживая новый приступ боли, а затем

продолжил. — Альфред рассказывал, что несколько столетий назад один сильный демон напал на кого-то из их рода... не смотря на весь их талант, демон был намного сильнее и убил того мага, и тогда оставшиеся родственники обратились к ней за помощью и она скрутила его без особого труда... Я подумал, что могло бы стать решением. Ты тоже... какой-то демон или что-то в этом роде... и если ты убьешь Альфреда, она тебя достанет.

— А чтобы слегка разозлить меня и исключить вариант каких-либо переговоров, ты убил Бьянку — зная, как я к ней отношусь. Молодец. — Я покачал головой. — Все больше удивляюсь тому, как такая феерическая мразь, как ты, смеет читать мне нотации и называть чудовищем.

— Дил, поставь себя на мое место...

— Если бы я решил убить своего ученика, то сделал бы это открыто, по праву силы, а не бил бы в спину, как трус.

— Ты смеешься?! Что бы я мог сделать против тебя?! Посмотри на меня сейчас — мне нечего тебе противопоставить. Амулет я создавал несколько недель — а ты раздавил его за секунду...

— Ну тогда и не надо было твякать на того, кто сильнее. — Я пожал плечами. — Осознал бы свое место и не делал бы глупостей.

— Дил, я... я признаю, что ошибся... Я запутался. Мне было страшно. Откуда я мог знать, что ты несешь всем нам? Может быть, ты — сын Аримана, лжепророк и Антимитра, и родился, как верят некоторые фанатики, лишь для того, чтобы возвестить конец света? Пожалуйста, прости меня. Мне так жаль, что все это произошло... Я любил Клайва и... и ее тоже, поверь. Каждый из вас был для меня как драгоценный дар. Нас ведь так мало... Я испугался и наделал глупостей... Прости... Давай забудем обо всем и вернемся к тому, что было. Я понял свое место. Будет все, как ты хочешь. Мы объединим этот мир — для тебя...

— Забудем и простим? — Я смотрел на него, едва веря тому, что слышу. — Ты Бьянку убил.

Он хотел сказать что-то еще, но я не позволил ему это сделать. Вместо отчетливых слов он издал какие-то хлюпающие неразборчивые звуки, когда его губы начали лопаться, зубы разрушаться, а рот наполнился кровью.

— Она меня сдерживала куда больше, чем все твои недоделанные воспитательные меры, — процедил я, поднимаясь и давая наконец волю клокотавшей во мне ярости. — Ты даже не представляешь, как она меня сдерживала.

Ненависть затопила мой разум и мир вокруг меня. Герр Рихтер Эзенхоф

больше ничего не пытался сказать — да и не мог. Оставшуюся часть своей жизни он провел, вереща, как поросенок под ножом мясника.

21

Я закончил с Рихтером немного раньше, чем собирался, потому что вызванный службой безопасности спецназ начал ломать двери особенно активно, используя таран, а также запрыгивать в окна, спускаясь на тросах с крыши здания. Я прикончил самых активных, но переизбыток разрушительной силы, призванной мной в кабинет директора, оказался фатальным и мой воспитатель испустил дух немного раньше, чем я планировал. Ну ничего, не всегда удается получить то, что хочешь — за жизни, прожитые в мире людей, я уже почти смирился с этим обстоятельством. Я выпрыгнул из окна, даже не думая группироваться — земля под окном приняла меня так, словно была мягкой и нежной периной. По мне начали стрелять, и пришлось убить еще нескольких военных, чтобы они прекратили эту ерунду. Я пересек территорию ШАД и ушел в лес, где, убедившись, что меня не преследуют, отпустил кружащийся вокруг меня разрушительный вихрь, внутри которого я был практически неуязвим для пуль и нес смерть всему, что оказывалось поблизости.

Я знал, что в лесу есть несколько Трещин и собирался воспользоваться одной из них, чтобы уйти подальше. А потом?.. Конечно, было бы очень заманчиво побегать по стране и поиграть в пятнашки с военными. Не сомневаюсь, что со временем веселье не угасло, а только усиливалось бы, потому что от автоматов военные перешли бы к противотанковым ружьям, затем к танкам, бомбам, ракетам и так далее по нарастающей. На каком-то моменте вихря уже не хватило бы, чтобы защитить меня, и мне пришлось бы стать более мобильным и действовать на опережение, уничтожая и поработывая командование, скрываясь в крупнонаселенных городах, по которым никто не посмеет нанести ядерный удар, сея вокруг себя хаос и разрушение. Это безусловно, была бы интересная игра, я когда-то мечтал о такой в детстве, но с игрушками придется повременить. Я должен найти Тавелин и понять, каким образом мы — я и мои братья — утратили свою силу и почему сейчас мы вынуждены довольствоваться лишь ее жалкими остатками. Я должен понять, почему это произошло и как ее вернуть. Может быть, по дороге я вспомню, что заставило меня пойти на сделку с демонами и что, кроме моей личной неприязни к брату-королю, связало меня с той демоницей, которая стояла рядом со мной на холме, созерцая уходящее за горизонт войско. Мне надоело умирать и возрождаться, раз за

разом проживая жизнь, свойственную смертным. Я верну силу, обрету свой истинный облик, навсегда забыв об этом хрупком двуногом мешке из костей и мяса, и больше не буду ходить по земле, а стану парить над ней, внушая боязливое восхищение смертным и стихиялям, и безоглядный ужас — злобным обитателям подземного мира.

Я слишком долго блуждал впотьмах, не находя пути к самому себе и даже не зная, куда двигаться.

Теперь пришло время проложить новый маршрут.

Приложение: Священная книга короля

Священная книга короля

История мира, записанная жрецами Света со слов Короля-Жаворонка и пророков Йлаха.

У времени два начала: Свет и Тьма, они же не имеют никаких причин, предшествовавших им, но были всегда. От их смешения родился Бог Земли. Он стал Творцом всего сущего и прародителем всех магов. Творя, Бог Земли давал имена тому, что видел, и то, что получило имя, отделялось от хаоса и начинало существовать как таковое, и совершалось это до тех пор, пока не был упорядочен весь хаос. Бог Земли сотворил многочисленные миры, землю и небеса, растения, животных, людей и прочих существ. Но люди еще не имели душ, и были подобны животным. Творящая сила Бога Земли коснулась самих Первоначал и преобразила их, как и все прочее. Получив имя, Свет стал Йлахом, Богом Света, а Тьма стала Эрешкигаль, Богиней Тьмы. Йлах и Эрешкигаль пожелали изменить созданный мир так, как было им свойственно. Чтобы сделать мир одним светом, Йлах сотворил пречистых существ, обладавших вечной жизнью, свободой и разумом. Но они не имели тел. Йлах желал населить этими существами все тела, созданные Богом Земли, и если бы он добился желаемого, сохранив пречистых существ неповрежденными, мир высветлился и был бы вознесен в высшие сферы. Однако Эрешкигаль узнала о его замысле и оболестила его. Ведь ее сила также присутствовала в мире, и Богу Света требовалось позволение Темной Богини на то, чтобы соединить пречистых существ с телами. В обмен на разрешение Эрешкигаль потребовала, чтобы Бог Света сочетался с ней, ведь, как она утверждала, Йлаху достанется весь мир, а ей же требуется хоть какое-то утешение. Вместе с семенем к Эрешкигаль перешла частица Бога Света.

Соединение с Тьмой истощило Йлаха, и он впал в глубокое забытие. Пользуясь этим, Эрешкигаль выкрала сотворенных Йлахом пречистых существ и проглотила их. Однако она не могла удержать их в себе. Договор, связывавший ее с Йлахом, вынудил Эрешкигаль изрыгнуть часть душ, позволив им войти в предназначенные для них тела. Этих душ менее

всего коснулась тьма, однако и они были осквернены. Так появились люди. Иные души Эрешкигаль переварила и они вышли из нее иначе. Так появились демоны.

От семени Бога Света Эрешкигаль родила Раванара, Властелина Демонов.

Души, которыми Бог Света хотел населить мир, покинули Эрешкигаль и вошли в мир, но они уже не были пречистыми существами и несли в себе скверну. Тогда Бог Света очнулся от сна и горько зарыдал, увидев, в какое состояние пришли отделенные от его сущности частицы. В ту ночь, когда он плакал, у людей пробудился разум. Однако их разум был осквернен и одни из них возжелали властвовать над другими. Желание властвовать породило соперничество, соперничество породило вражду, вражда заставила их искать средства для утверждения своего преимущества. Поэтому первое, что изобрели люди, было оружие.

Эрешкигаль, однако, также не была довольна, поскольку хотя Бог Света и не приобрел мир, но и она не сумела удержать в своей утробе украденные души, и голод томил ее. Ее влечение и жажда стали трехлетней зимой, которая опустилась на землю. Во время этой зимы у людей появился страх перед смертью. Страх заставил их объединиться, чтобы противостоять холоду, объединение породило терпение, терпение породило добрые чувства, добрые чувства остудили вражду.

С тех пор в сотворенном мире добро часто рождалось из зла, а зло — из добра.

Однако следует сказать, что Раванар не был первенцем Эрешкигаль. Еще прежде, чем она соединилась с Йлахом, она соблазнила Бога Земли. Ведь она, как и Йлах, желала забрать в свое владение весь сотворенный мир. Всему, что было, есть и будет, Бог Земли дал имя, но не было никого, кто мог бы дать имя ему самому. Это печалило Создателя. Эрешкигаль коварно посоветовала ему разделить свою сущность на несколько частей: ведь, как она утверждала, каждая из этих сущностей сможет дать имена всем остальным, и таким образом Бог Земли получит то, что желает. В качестве цены за совет Бог Земли соединился с ней. От этого союза появился Морот, Бог Смерти. Однако он не имел собственной души и стал лишь оформлением некоторой части Эрешкигаль, ее ртом и глоткой. Имея такой рот, в котором было нечто и от сущности Тьмы, и от сущности мира, Эрешкигаль приобрела способность посредством Морота пожирать тела. Так в мир пришло тление. Бог Земли не хотел отдавать Эрешкигаль свой мир, и разделил живых существ на пары, дав им способность порождать потомство. Но хотя живое, воспроизводя себя, обманывало смерть,

полностью изгнать смерть из мира оно все же не было способно. Тогда-то Йлах и пообещал дать Богу Земли такой дар, который навсегда избавит сотворенный мир от смерти и тени. Бог Земли согласился принять этот дар, хотя и не мог предвидеть всех последствий своего согласия. Этим даром должны были стать пречистые существа — частицы бессмертного света Йлаха. О том же, что из этого вышло, было уже сказано выше.

Но еще до того, как стало известно о появлении Морота, Бог Земли последовал совету Эрешкигаль и разделил свою сущность на тринадцать частей, выделив из себя двенадцать порождений, а последнюю часть оставив себе. Он дал им имена: Дракон, Ворон, Единорог, Феникс, Змея, Кошка, Волк, Вепрь, Сокол, Медведь, Бык, Жаворонок. Они же не смогли дать ему имени. Они не имели душ, но, наделенные желаниями и стремлениями Бога Земли, приобретя имена, стали самостоятельными существами. Каждое из них ощущало влечение к большей полноте. Каждое желало объединиться с другими, но так, чтобы стать центральной частью. Сам Бог Земли на время оставил свои порождения без присмотра, ведь Морот пожирал его мир, и Творцу приходилось искать способы противостоять Смерти. Существа, сотворенные им изначально, не умирали; когда же Смерть начала собирать свой урожай, Бог Земли пришлось дать им способность к размножению.

Пока он отсутствовал, Тьма изрыгнула из своих недр Раванара. Владыка Демонов разыскал двенадцать неразумных детей Бога Земли и посоветовал им, объединив усилия, напасть на отца. Ведь по отдельности они, конечно же, не смогли бы победить его. Каждого из двенадцати, втайне от других, он уверил в том, что именно эта часть будет главенствовать над всеми в новом союзе.

Устав от борьбы, Бог Земли вернулся, желая заполучить обратно ту силу, которую когда-то отдал своим порождениям. Он полагал, что с этой силой сможет одолеть Морота, который, впрочем, и сам был его порождением. Но дети Творца вместо согласия отдать то, что у них было, напали на него, желая взять еще больше. Бог Земли проклял их. В битве он одолел их всех, но не мог насильно соединить с собой. Кроме того, говорят, в этой войне он лишился части рассудка, вынужденный воевать сам с собой. Тогда, чтобы обуздать непокорство, он взял двенадцать людей и соединил их сущность с сущностью своих порождений. Так он надеялся заполучить добровольное согласие, ведь все живые существа, и все тварное, как он думал, по-прежнему всецело подчинялись ему. Однако у людей к тому времени была не только сущность, сотворенная Богом Земли, но еще и сознание, полученное от Бога Света, а также амбиции и пороки,

полученные от Богини Тьмы. Поэтому двенадцать Наследников не пожелали отдавать Богу Земли свою силу, но восхотели утвердить самих себя в качестве новых миродержцев. Бог Земли решил пожрать их всех, но сила продолжала истекать из него. Поскольку каждый из Наследников имел теперь собственную душу — а значит, собственный центр и целостность — им удалось сделать то, что не сумели они совершить прежде: они расщепили отца, ввергнув его в бесконечный сон без сновидений. Бог Земли желал стереть весь видимый мир, ибо он был слишком несовершенен, и начать все еще раз, заново. Но они не желали этого.

Когда был повергнут Бог Земли, Преисподняя возликовала, ибо теперь, как думалось Раванару и всем его прихвостням, не осталось никого, кто мог бы защитить тварный мир от Владыки Демонов и от все новых и новых кошмарных тварей, покидавших лоно Эрешкигаль. Ведь чем больше времени частицы света проводили в утробе Тьмы, тем отвратительнее они становились. Тогда все миры Преисподней изрыгнули бессчетные полчища демонов, которые вторглись в обитаемые миры, и Морот стал собирать богатый урожай. Миры сгорали и исчезали один за другим, и жизнь более не могла противостоять смерти. Избегая челюстей Эрешкигаль, Иннин, Богиня Жизни пришла в мир, где прежде жил Бог Земли. Только это место во всей вселенной оставалось еще нетронутым войной. Иннин же была единственной душой, которую удалось сохранить Йлаху у себя, когда Эрешкигаль соблазнила и усыпила его, а затем выкрала все души. Одни говорят, что душа Иннин была самой маленькой и светила совсем слабо, поэтому Богиня Тьмы не заметила ее. Иные, напротив, утверждают, что Иннин была самой яркой и сильной из душ, и поэтому только ей удалось избежать когтей Ночи. Когда объявился Морот, Йлах послал ее вниз, дабы помочь Богу Земли в его противостоянии Смерти, однако у Бога Земли не нашлось для нее подходящего тела, и он разрешил ей жить в мире, не имея тела. После низвержения Бога Земли Эрешкигаль и ее дети не желали ничего больше, чем изловить Иннин, ибо те миры, которые они сжигали и разрушали, она исцеляла и возрождала, обесмысливая всю их работу.

Морот не мог последовать за Иннин, ибо в мире Бога Земли еще не было смерти, и поэтому туда явился Властелин Демонов. Он никого не опасался, однако не желал тратить время на противостояние с Наследниками, в которых чувствовал некоторую силу. Он стремился заполучить единственную душу, которой не коснулась Эрешкигаль. Ведь как только это произойдет, в мире больше не останется ничего не подвластного Богине Тьмы, поскольку и на душах Наследников лежала ее

ть. Раванар заговорил с Единорогом, расспрашивая об Иннин, но мудрый зверь почувствовал недоброе в Князе Демонов и отказался отвечать. За это Раванар убил его. Затем он заговорил с Вепрем, но Вепрь, похрюкивая, стал передразнивать Раванара, за что тот, разгневавшись, убил его. Затем он встретил Змею и предложил ей богатства и знания в обмен на сведения об Иннин, но Змея, хитрейшая из Наследников, сама обманула Властелина Демонов: получив обещанное, она скрылась в своих подземных чертогах. Раванар проклял ее, но не стал тратить время на месть. Далее он обратился к Быку, могучему, но простодушному, сказав, что ищет Иннин для того, чтобы разорвать свою связь с Тьмой. По его словам, только Богиня Жизни могла это сделать. Бык поверил и привел Владыку Демонов к той, кого он искал. Возликовав, Раванар хотел похитить ее, но Бык встал на ее защиту. Поскольку эта земля уже была осквернена смертью, Раванар призвал своего брата, Морота. Бык отразил натиск Смерти, но пока он вел бой с Моротом, Раванар выколол ему глаза, а Мороту не составило труда вырвать у ослепленного противника сердце. Раванар схватил Иннин и устремился с ней в свой дворец. Он не хотел отдавать Иннин Тьме, но желал сам поработить ее и властвовать над всем, что есть — и над Светом, и над Тьмой. Ведь он знал, что когда Эрешкигаль поглотит весь мир, ее голод не иссякнет, и она начнет пожирать своих детей-демонов. Он будет последним, кто исчезнет в ней, но все же и он не избегнет участи прочих, если будет во всем верно служить ей. Однако шли дни, и он так и не понял, как научиться создавать тот свет, из которого состояла Иннин. Она же томилась у него в плену.

В то время в мире Бога Земли оставшиеся Наследники ощущали некоторое беспокойство, хотя еще и не понимали его причины. Смерть вошла в их мир, но они еще не знали смерти и поэтому не подозревали, что мироздание, в котором они живут, стоит на краю гибели. Позже они нашли Единорога, Вепря и Быка, и их беспокойство возросло. Тогда из подземного мира выбралась Змея и рассказала, кто здесь был и что он искал. Поскольку их мир умирал, они поняли, что прихвостни Эрешкигаль нашли искомое. Никто теперь не помнит, как назывался мир Бога Земли прежде, когда в нем царила вечная Весна, но глядя на золотые листья, падающие с деревьев, Жаворонок дал ему новое имя: Тавелин, что значит Золотой Листопад.

Ждали конца, но Ворон — единственный, кто умел разговаривать с Моротом, ибо был ему сроден — вызнал, что Эрешкигаль не получила Иннин, а значит, еще есть надежда. Тогда Наследники собрали могучее воинство из людей и стихиялей и вторглись во владения Раванара. Была

жестокая война, но хотя нападавшие и понесли большие потери, они сумели пробиться ко дворцу Властелина Демонов. Начался последний штурм, и Наследники сошлись лицом к лицу с Властелином Демонов. Юным богам Раванар противостоял не один — ему помогали кошмарнейшие твари, рожденные Тьмой. В последней битве пали Медведь, Ворон, Сокол и Волк, но Дракон вонзил в грудь Раванара копьё, навсегда пригвоздив Властелина Демонов к полу его собственного тронного зала.

Однако, спустившись в самую глубокую темницу дворца Раванара, Наследники нашли там не Иннин, а Морота. Перед штурмом Раванар призвал брата и отдал Богиню Жизни Богу Смерти. Иннин канула во Тьму, и тогда могущественный Феникс сошелся в битве с Моротом, но Бог Смерти поглотил все его пламя и ярость, и Феникс пал. Поражение казалось неминуемым, когда Жаворонок запел, вызывая Иннин обратно и прогоняя Морота. Бог Смерти сгинул в утробе Эрешкигаль, но Наследники так и не увидели возвращения Иннин. Однако, поскольку мир не исчез, они поняли, что она избегла Тьмы. Так и было: Эрешкигаль не сумела пожрать Богиню Жизни, но последняя заплутала по дороге назад. Говорят, она все еще бродит где-то среди людей, не помня, кто она и откуда. Она сохранила себя от скверны, но потеряла память и разум ее погрузился в сон.

Вместе с Иннин Эрешкигаль выплюнула из себя и Морота, ведь в сотворенном мире, исковерканном демонами, повсюду царили смерть и разрушение, и до тех пор, пока они будут, Морота невозможно окончательно уничтожить. Однако Морот вернулся лишь тенью самого себя и более никогда уже не мог действовать в мире в полную силу, как раньше. Таково могущество песен Жаворонка, прогоняющего ночь и призывающего день (и да продлится царствование его вечно!).

Дракон, Жаворонок, Кошка и Змея вернулись в Тавелин и встретили новую весну. С тех пор времена года стали сменять друг друга по очереди. Вскоре между Драконом и Жаворонком вспыхнул спор о первенстве. Змея оставалась в стороне от споров, наслаждаясь своими богатствами, а Кошка поддерживала и того, и другого. В это время в подземном дворце Властелина Демонов из его собственного клинка, который был сломан, демоны по приказу Раванара выковали новый меч, названный Богоубийцей. На мече лежало проклятье поверженного Князя Демонов. Это было последнее, что он смог сотворить, вложив в творение те силы, которые у него еще оставались. Ведь он по-прежнему был пригвожден к полу своего дворца копьём Дракона и никто не мог освободить его. Забвение пало на него, однако и во сне он мог, хотя и смутно, управлять

своими слугами. Демоны взяли его семя и вложили в лоно смертной женщины. Так был рожден Темный Избранник. Когда он вырос, демоны отдали ему Богоубийцу, а Раванар, явившись ему во сне, приказал отыскать Наследников и отомстить им.

Тем временем Дракон и Жаворонок сошлись в битве. Дракон был одержим Тьмой. Жаворонок же (восхвалим его кротость!) скорбел о своем брате, и потому не бился в полную силу и проиграл сражение. Дыхание Дракона испепелило весь мир, и Жаворонок рухнул в пепел. Дракон, утомившись битвой, опустился неподалеку и погрузился в сон. В это время в Тавелин пришел Темный Избранник. Он убил Дракона Богоубийцей, а позже отрубил Жаворонку голову. Вот почему у всех жаворонков оперение темное, а шея — там, где пролилась его святая кровь — светлая.

Теперь надлежит сказать о Кошке. Кошка желала постигнуть волшебство Тьмы, и весьма преуспела в этом. Она стремилась отнять у Эрешкигаль всю ее власть. Однако, погружаясь во тьму, она и сама приняла нечто от темной Богини и отчасти виновна в розни между Драконом и Жаворонком. С тех пор колдуньи и чародеи обращаются с молитвами к Кошке, когда желают освоить темное искусство, ведь она может стать их проводником в царстве ночи. Так же к ней обращаются те, кто желает обмануть или соблазнить другого.

Во время битвы Дракона и Жаворонка Кошка скрылась во тьме. Когда Темный Избранник торжествовал победу, она явилась ему в образе Эрешкигаль и завладела его чувствами и разумом. Она внушила ему мысли о собственном величии и возбудила жажду править собственным королевством, а не служить кому-либо. Темный Избранник из-за чар Кошки перестал слышать голос своего отца. Он поселился с Кошкой в ее сумрачном королевстве теней, и меч Богоубийца покоился в ножнах.

Однако Змея позавидовала сестре. Кроме того, она обвиняла ее в предательстве. Она ужалила Кошку и та умерла. Тогда Темный Избранник обнажил клинок и убил Змею. Но Змея укусила его перед смертью и он день и ночь пребывал в страшных мучениях. Не в силах вынести страданий, он бросился в пасть Эрешкигаль и навеки сгинул. О том же, что стало с мечом Богоубийцей, не знает никто, хотя искали его многие.

Наследники, хотя и обладали душами людей, не могли умереть, ибо их сущность была бессмертна. Они стали раз за разом возрождаться в своих потомках, но прежнее свое могущество они утратили. Между ними было множество битв и ссор, союзов и примирений, пока наконец на троне Тавелина не утвердился достойнейший из них, Жаворонок — и да продлится царствование его вечно!.

Спящий Раванар продолжал посылать демонов в мир, дабы они соблазняли людей и всех, в ком пребывали частицы света Йлаха. Ведь если душа целиком отдается страсти, она становится телесна, а все телесное подвержено тлению, и значит — рано или поздно будет проглочено Эрешкигаль. Поэтому, соблазненные обещаниями демонов, слепые души увлекаются в ее ненасытную утробу. Некоторые люди, даже и в самом Тавелине, совратились к добровольному служению Раванару и его родительницы, однако высочайшим указом Короля-Жаворонка эти и подобные культы объявлены вне закона, а всякий демон, появившийся в Тавелине, должен быть пойман и подвергнут мучительной казни. Иные утверждают, что этот закон якобы не распространяется на них, поскольку своими чарами они поработили того или этого демона и полагают теперь, что стали хозяевами положения. Король им судья. Однако тому, что верен Йлаху, не следует сносить с демонами не под каким видом, ибо порождения Эрешкигаль коварны и ничего не жаждут более, чем заполучить под свою власть горделивую и страстную душу.

Истинный же Бог только один — Йлах, Светоносец, и воля его во всей полноте ведома лишь Жаворонку, чье пение призывает солнце. Потому надлежит почитать Жаворонка, как провозвестника наивысшего Света, и повиноваться лишь ему, как своему Королю. Аминь.

Примечания

1

Мельница, «Змей». Стихи Н.С.Гумилёва